

• ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ЦИМПЕРАТОРОВ •

Алексей Величко

«МАКЕДОНСКИЕ ЛЕГЕНДЫ» ВИЗАНТИИ

16+

История Византийской империи

Алексей Величко

«Македонские легенды» Византии

«Автор»

2021

Величко А. М.

«Македонские легенды» Византии / А. М. Величко — «Автор»,
2021 — (История Византийской империи)

Настоящая книга раскрывает события царствования великой Македонской династии византийских императоров. Приняв царство в минуту глубокого политического, экономического и военного кризиса, императоры Василий I Македонянин, Лев VI Мудрый, св. Никифор I Фока, Иоанн I Цимисхий и другие в скором времени отвоевали для Византии практически все ранее утраченные территории на Востоке, вернув империи блеск, могущество и силу. Именно при них арабская экспансия практически завершилась, исчерпав свои потенциальные возможности; начался медленный закат Халифата. Помимо военных и политических событий в книге излагаются особенности взаимоотношений между Константинопольскими патриархами и Римской церковью, переживавшей жесточайший кризис папства, преодолеть который надеялись идеологи "Клунийской реформы". В это же время Восточная церковь проходила испытание "греческим папизмом", выразившимся в резкой конкуренции с императорской властью и постепенном административном подчинении Константинополю...

© Величко А. М., 2021

© Автор, 2021

Содержание

I. Император Василий I Македонянин (867—886)	5
Глава 1. «Византийская сказка» – дорога к царству. Начало славных дел	5
Глава 2. Примирение с Римом. «Восьмой Вселенский» Собор 869—870 гг.	12
Глава 3. Война с арабами. Девальвация императорства на Западе	21
Глава 4. Собор «В храме Святой Софии» 879—880 гг. «Прохирон» и «Эпанагога». Смерть императора	32
II. Император Лев VI Мудрый (886—912)	42
Глава 1. Нелюбимый сын. Философ на троне	42
Глава 2. Царь и патриарх. Четыре брака императора	48
Глава 3. Война с болгарами и арабами	58
III. Император Александр (912—913)	69
Глава 1. 13 месяцев царствия патриарха	69
Глава 2. Кризис «папизма» на Западе. Распад и воссоздание Западной Римской империи	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Алексей Величко

«Македонские легенды» Византии

I. Император Василий I Македонянин (867—886)

Глава 1. «Византийская сказка» – дорога к царству. Начало славных дел

Жизнеописание родоначальника великой Македонской династии императора Василия I Македонянина еще раз подтверждает тот простой факт, что не право первородства, а Божественная воля, Провидение, помноженные на доблесть, честь, мужество того или иного лица являлись для византийцев основанием занятия престола древних Римских царей. И это проявлялось так часто, что стало настоящим правилом, которое действовало в Византии наряду с другим неписанным обычаем – передачи царской власти от отца к сыну, нередко имея даже большую силу. Это можно назвать «византийской сказкой», когда из простого крестьянина, воина, торговца получался великолепный император, нередко – настоящий спаситель своего отечества и Кафолической Церкви. Не стал исключением и наш герой.

Родился Василий Македонянин в 812 г. в армянской колонии близ Адрианополя, в Македонии, отчего впоследствии и получил свое прозвище. Когда он был совсем еще ребенком, Болгарский хан Крум (802—814) захватил его семью в плен вместе с множеством других армян, и несколько лет Василий прожил среди диких болгар-язычников. Позже он вернулся в Македонию и устроился на службу к местному аристократу¹.

Нет никаких сомнений, что Василий происходил из простой семьи, хотя последующие историки и летописцы прилагали многократные усилия для того, чтобы вывести его родословную от Армянских царей и даже от самого Александра Македонского. Но это отдавало такой искусственностью, настолько светилось ложью, что сын Василия, будущий император Лев VI, при погребении отца произнес несколько двусмысленную фразу на этот счет: «Лучше стоять у истоков собственного рода, чем примазываться к иному». Да и авторитет Византийского василевса и его потомков к тому времени был настолько высок, что он не нуждался в сомнительных сказках².

Очевидно, не только сын, но и другие современники не очень доверяли таким «свидетельствам», и поэтому в отношении Василия I появилось множество легенд, должных параллельно подтвердить его избранность Богом. Так, в частности, рассказывали, будто еще ребенком, оставленный матерью в поле, Василий лежал в шалаше, а прилетевший орел расправил свои крылья над ним и защищал от полуденного зноя. Испуганная мать не посмела прогнать громадную птицу, ласково смотревшую на женщину. Эта картина повторялась несколько дней кряду, да и впоследствии, как гласит предание, орел часто навещал Македонянина и укрывал крылами от солнца³.

По другой истории, его матери привиделся чудесный и пророческий сон, будто из нее выросло громадное дерево, а некий старец, назвавшийся пророком Ильей, поведал ей о том, что ее сын получит скипетр Римского царства.

Наконец, по третьему, наиболее распространенному преданию, некогда юноша Василий остановился у монастыря святого мученика Диомида, что находился у Золотых ворот Константинополя. Усталый и запыленный, Македонянин прилег у ворот и заснул, а к игумену этой обители явился их небесный покровитель и приказал выйти и позвать человека по имени «Васи-

лий», обеспечив тому кров, пищу и одежду, ибо человек тот помазан Богом на царство. На окрик монаха, к его удивлению, вышел Македонянин, ничего не понявший из речи игумена о грядущем исполнении пророчества, но получивший приют в монастыре⁴. Впрочем, это не последнее свидетельство о предначертанности царства Василия I, и вскоре мы столкнемся еще с одной историей, существенно повлиявшей на судьбу нашего героя.

Родившись в суровой Македонии, привыкший сизмальства к тяжелому крестьянскому труду, Василий рос мальчиком не только красивым, но энергичным, рослым и удивительно сильным. По одной, возможно, несколько категоричной оценке, он представлял тогда собой «красивое человеческое животное»⁵.

Остается только гадать, каким образом этот «чистый лист бумаги» смог получить бесценный опыт управления государством и армией, став впоследствии одним из самых выдающихся императоров Византийского государства и блестящим законодателем.

Надо, впрочем, сказать, что, не получив образования, Василий с лихвой компенсировал отсутствие школьной премудрости отцовскими наставлениями – отец был для него всем. Воспитанный в благочестии, послушании и смирении, целомудренный и мужественный, глубоко религиозный душой и статный телом, Василий заметно выделялся среди сверстников. Едва он достиг отроческого возраста, как отец умер. Старший в семье, юноша принял на себя все попечение о матери и сестрах. Но его не привлекал труд простого крестьянина – большие города, где можно было бы отличиться, манили его взор. Мать категорично возражала, но, получив чудесные предзнаменования о судьбе своего мальчика, благословила его в дорогу в Константинополь, напомнив, что Господь наблюдает за ним, и потому Василий не вправе презирать благочестие.

В конце концов, в 840 г. Василий тронулся в путь и по дороге действительно останавливался в монастыре святого Диомида, получив от игумена приют и первые рекомендации. Вскоре Македонянина приняли на службу к сановнику Феофилу – родственнику императора Михаила III (842—867), которого поразили красота и сила молодого человека. Очень быстро Македонянин попал в круг наиболее доверенных слуг сановника, неизменно демонстрируя ум, прилежность и исполнительность.

Однажды Феофил отправился в Ахейские Петры, где решил посетить храм Андрея Первозванного. Феофил со свитой вошел в храм, но один монах, сидящий на скамье, не обратил на него никакого внимания. Зато когда в святилище вошел Василий, тот встал перед ним, как высшим по званию, и произнес славословия, какие употребляют в присутствии царской особы.

Весть об этом случае облетела всю округу, и некая богатая молодая вдова по имени Данилида пожелала познакомиться с Василием. Тот, случайно простудившись, не смог сопровождать своего господина на обратном пути и вынужденно задержался в этом небольшом Пелопоннесском городке. Данилида взяла на себя бремя ухода за больным, и вскоре их отношения стали очень близкими. Когда Василию уже необходимо было вернуться в столицу, она попросила его заключить духовное братство с ее сыном Иоанном, а взамен дала ему 30 слуг, крупную сумму денег и отписала Македонянину большие земельные владения. С тех пор Василий вошел в круг наиболее богатых людей Византии, что позволило ему раз и навсегда материально обеспечить свою мать и сестер⁶.

Может показаться удивительным, но спустя многие годы, придя к царской власти, Василий Македонянин не забудет своей первой благодетельницы. Ее сын Иоанн станет протоспафарием и получит «право свободной речи». А прежняя возлюбленная Василия, уже далеко не молодая женщина, будет доставлена в Константинополь, где при встрече передаст царю 500 слуг, евнухов и золотошвеек, обширные поместья в Пелопоннесе, а также другие богатые дары. Обласканная и вознагражденная титулом «матери царя», Данилида потом оставит столицу и вернется в свое имение⁷.

Эта поразительная женщина проживет еще много лет. Поняв, что жизнь ее клонится к закату, она еще раз направится в столицу, чтобы своими глазами увидеть наследника императора, его сына Льва, которому опишет все свое состояние – ее сын Иоанн к тому времени уже умрет. Достаточно сказать, что помимо золота и 3 тысяч подаренных рабов, которых царь поместит на свободное жительство в фему Лонгивардия, Данилида передаст царю 80 поместий в его личную собственность. Впрочем, это произойдет еще не скоро, а пока Василий даже предположить не мог, насколько встреча с Данилидой изменит его жизнь.

Это был, конечно, счастливый случай, но далеко не последний для нашего Македонянина. Как-то раз кесарь (греческий вариант слова «цезарь») Варда устроил пир в честь болгарского посольства, на который были приглашены среди прочих некий Константин Армянин, Феофил – господин Василия и патрикий Фома. Подвыпив, один из гостей стал хвалиться силой своего раба-варвара, казавшейся безграничной. Чтобы защитить честь римлян, Феофил вызвал Василия, который в борьбе с болгаринном без труда одолел того. Этот эпизод сблизил Македонянина с Константином Армянином, позволил ему приобрести новых друзей и покровителей. А вскоре удача сполна вознаградила юношу за его старания и терпение.

Как известно, император Михаил III был большим любителем и знатоком лошадей. Как-то раз царь отправился на охоту, приказав оседлать одного из самых любимых своих коней. Поразив палицей зайца, василевс соскочил с коня, чтобы собственноручно подобрать добычу, а благородное животное, предоставленное самому себе, немедленно вырвалось из рук слуг и усакало. Все попытки поймать лошадь казались тщетными, и тогда разгневанный монарх приказал подрубить животному задние ноги. Кесарь Варда просил василевса пощадить лошадь, но царь был непреклонен. Тогда Василий спросил у царя разрешения, догнал и усмирил вольного коня. Возликовавший Михаил III тотчас назначил Василия своим конюшенным, а вскоре, поразившись уму, силе, красоте и ловкости юноши, назначил его главным конюшенным царского дворца (протостратором). После этого – а назначение Василия на царскую службу состоялось в 856 г. – карьера молодого сановника начала стремительно продвигаться⁸.

Через короткое время император назначил его своим паракимоменом (главным спальничьим), хотя обычно эта должность предоставлялась евнухам. Открытый и честный, немного внешне простоватый и безупречный в исполнении своих обязанностей, Македонянин казался царю оптимальной фигурой для разрешения некоторых личных вопросов. Хотя Василий был женат на женщине по имени Мария, император велел ему разойтись с ней и женил на своей любовнице Евдокии Ингерине, присвоив попутно титул патрикия (патриция). Видимо, не только в награду Македонянину за этот «подвиг», но и для того, чтобы его любимая женщина не чувствовала себя обделенной царским вниманием.

«Византийская сказка», допускавшая чудесные превращения бедного юноши в сановного вельможу, в исполнении Македонянина вызвала естественную негативную реакцию среди других аристократов. Василия ненавидел кесарь Варда, чувствовавший в нем откровенного соперника, опасалась императрица св. Феодора. Но вместе с этим вокруг Македонянина сформировался кружок преданных друзей, готовых рискнуть на многое ради новых почестей и денег, а также для блага отечества, поскольку ошибки царствования Михаила III ни для кого не были секретом. Казалось, только один царь ни о чем не догадывался, полностью доверяя своему сановнику⁹.

В личной жизни Василий был счастлив и несчастлив одновременно. От первой и настоящей любимой жены Марии у него появился на свет сын Константин – тайная гордость и любовь отца. От Евдокии Ингерины родился сын Лев, о котором сановная молва утверждала, будто мальчик приходился сыном императору Михаилу III – ведь и после замужества Евдокии на Македонянина царь не прерывал с ней близких отношений.

Впоследствии у Василия родятся еще два сына – Александр и св. Стефан, а также четыре дочери – Анна, Анастасия, Елена и Мария. Конечно, в глубине души Македонянин был глу-

боко оскорблен тем, что ему, молодому и красивому мужчине, передали безнравственную женщину, дабы скрыть грехи царя. Еще более Василия угнетала мысль о том, что под именем его сына Льва скрывается плод грешной любви царя с Евдокией. Насколько справедливы были эти подозрения – невозможно ответить однозначно. Но Македонянин не скрывал, что всегда и во всем отдавал предпочтение своему первенцу и любимцу Константину, которого надеялся увидеть преемником.

Умертвив кесаря Варду, утратившего доверие царя, Василий удостоился титула «императора». А потом в скором времени убив Михаила III, который начал тяготиться уже своим соправителем, стал новым василевсом римлян под именем Василий I Македонянин, венчавшись на царство 24 сентября 867 г. в храме Святой Софии.

Состояние Византии, в котором ее застало начало царствования Василия I Македонянина, было в буквальном смысле слова плачевным. Казна оказалась пуста – царь продемонстрировал синклиту всего 3 кентария золота, хранившихся в ней. А неудачные войны с арабами в предыдущие годы привели к потере Сицилии, Крита и многих малоазиатских владений. На Западе, в Италии, сарацины захватили почти все прежние византийские земли.

Правда, имелись и свои плюсы. Благодаря самоотверженной деятельности царицы св. Феодоры, матери Михаила III, иконоборческий кризис был окончательно преодолен. А греческий элемент, и ранее довлевший в культурной жизни Византии, закрепил свою гегемонию, хотя и допускал то «содружество наций», вследствие которого на царский престол всходили один за другим представители армянского, германского и сирийского этносов. Да, Александрийская, Антиохийская и Иерусалимская патриархии в политическом плане были уже почти безвозвратно потеряны, зато отпали проблемы, связанные с существованием параллельных церковных организаций несториан и монофизитов. Константинопольская патриархия стала Церковью единомышленников и лиц, принадлежавших в массе своей к одному – греческому – этносу.

Казалось бы, неграмотный император, до конца своих дней едва умевший писать, не в состоянии был справиться со многими задачами, свалившимися на его плечи. Но, по счастью, в лице Василия Македонянина Византия получила прекрасного государя, заботливого и рачительного, мудрого и осторожного, своего рода «благочестивого прагматика», который единственно и смог вывести Империю из смертельного пике.

В первую очередь император озаботился восстановлением государственной казны, причем проявил удивительную чуткость и распорядительность, а также нестандартность избранных путей решения проблемы. Собрав синклит (сенат) и представителей основных сословий, он провел решение о возврате денег лицами, ранее получившими их от покойного Михаила III по его прихоти. Эти дары справедливо были квалифицированы, как безосновательное вознаграждение. И тут же явил свою царскую милость, разрешив возвращать не всю сумму, а только половину.

В результате казна получила единовременно 300 кентариев золота, которые император направил на неотложные нужды. Затем царь провел ревизию личных средств своего предшественника и разыскал множество золотых украшений, которые приказал переплавить в слитки и отчеканить в монеты. Кроме того, по несколько туманному свидетельству летописца, обнаружилось несколько богатых кладов, зарытых некогда в землю, также поступивших в государственную казну¹⁰.

В отличие от Михаила III император Василий I проявил недюжинные способности к государственному управлению, проводя все дни в хлопотах о державе, бодрствуя ночами и не гнушаясь деталями, как истинный самодержец, отдавая себя всего без остатка Римской империи и народу. Хотя еще император св. Юстиниан Великий боролся с коррупцией и продажей должностей, эта болезнь продолжала жить в недрах византийского общества, нанося серьез-

ный ущерб и авторитету власти, и народному благосостоянию. Теперь за решение этой задачи взялся Василий Македонянин.

Нисколько не боясь последствий, император провел решение о тотальной смене всех «кормленцев» на территории Римского государства, заменив их способными, хотя зачастую и неродовитыми людьми. Причем, в отличие от практики последних лет, все назначения происходили на безвозмездной основе. Его чиновники получили строжайший приказ блюсти правосудие и обеспечить торжество закона, что в короткое время и было достигнуто. Опасаясь царского гнева и желая наилучшим образом исполнить его волю, правители фем буквально состязались друг с другом, чтобы обеспечить благоденствие своих территорий. Всякие взятки в судах решительным образом пресекались, налогообложение населения значительно облегчилось, и вскоре равноправие и справедливость были восстановлены повсеместно¹¹.

Однажды в Константинополе случился голод вследствие неурожая, и спекулянты из числа чиновных лиц тут же воспользовались этим, чтобы продавать государственный хлеб по завышенной цене. Когда император на Праздник Пасхи отправился в храм Святой Софии, встречавшие по пути царя константинопольцы начали ему выговаривать о злоупотреблениях с хлебом. Тогда, повинившись перед всем народом, царь вернулся во дворец, созвал городских чиновников и обрушил на них свой гнев. Спекуляции с хлебом моментально прекратились¹².

Кроме этого, царь реставрировал здание Халки, в котором организовал общий суд, куда помимо судов на периферии мог обратиться любой желающий. Опасаясь, что не все истцы и ответчики из низших сословий могут оставаться в Константинополе в течение судебного разбирательства, император положил всем им специальное пожалование, способное поддержать их материально.

Сам василевс, когда предоставлялась свободная минута, неизменно отправлялся в Геникон, где располагалась государственная казна и царский суд. Попутно, анализируя судебную практику, император своевременно устранял пробелы в законодательстве. В частности, придя к выводу о том, что система записи налогов, как она сложилась в Византии, позволяет сборщикам злоупотреблять своим положением, он приказал изменить ее, сделав более доступной и понятной для крестьян.

Обновленная Василием I судебная система оказалась настолько эффективной, что вскоре все спорные дела были разобраны. Дошло до того, что однажды император, по обыкновению, направился в суд, чтобы непосредственно убедиться в справедливости правосудия, но никого в зале судебных заседаний не обнаружил. Македонянин решил, что, как это часто бывает, чиновники разогнали жалобщиков, и дал команду своей охране пройти по столице в поисках тех, кто ищет защиты и правды в суде. Но таковых не оказалось! Счастливый император рухнул на колени и у всех на виду возблагодарил Бога, Который даровал ему разум и силы¹³.

Царь, воспитанный в бедной хижине крестьянина, оказался удивительно восприимчивым к образованию. По его приказу самые знаменитые педагоги давали ему уроки истории, политики, богословия, грамматики, риторики. Особый интерес Василия I вызывали лекции о военных походах и бывших полководцах. Император изучал их поведение, стратегию, сами биографии блистательных военачальников. Как благочестивый человек, Македонянин любил встречаться со святыми подвижниками, к которым, презрев царский сан, сам ходил пешком. Пример царя не мог не оказаться неким эталоном поведения, и многие сановники старались следовать ему¹⁴.

Желая во всем подражать своим кумирам, Македонянин организовал масштабное строительство храмов. При содействии своей бывшей любовницы Данилиды он воздвиг в Константинополе новые храмы в честь Спасителя, Архангела Михаила и Ильи Пророка. Затем император выделил большие средства для реставрации храма Святой Софии, а также повелел нанести мозаичные изображения Богородицы с Младенцем на руках, окруженной апостолами Петром и Павлом – по-видимому, первые в этом знаменитом храме Константинополя.

Из своих личных доходов царь выделил большие средства для обеспечения клириков величественного храма, а также передал в собственность Церкви поместье Мантея, дабы «священные светильники не погасли». Вслед за этим были восстановлены храм Святых Апостолов, уже почти разрушившийся от старости, храм Богородицы в Пигах, а также храм Богородицы в Сигмах.

Наконец, под конец жизни в императоре проснулся литературный талант. Сохранилось два его политических сочинения, написанных в качестве руководства к действию для сына Льва – «Главы наставительные к сыну Льву» и «Другое наставление к сыну, императору Льву». Оба произведения имеют не только политический, но и нравственный характер, своего рода руководство по практической морали. Особое место в них занимает разъяснение статуса Римского царя и его обязанностей. Василий Македонянин упорно проводил ту мысль, что для императора важнее всего быть хорошим человеком и христианином, все остальное – вторично.

Императорская власть понимается им как власть, врученная Богом, хотя, конечно, значение имеет и воля предшествующего василевса. Власть дана царю не для личного благополучия, а для блага граждан. Император обязан твердо верить в Бога, быть первым в добродетелях, образом Христа на земле, строгим в словах и клятвах. Император должен стать настоящим неписанным законом в глазах подданных. Поощрение здоровых общественных сил и борьба с вредными элементами составляет его главную задачу, как главы государства.

Царь должен помнить заповедь о блаженстве миротворцев, а потому следует замирать всякую борьбу в обществе. Василевс является и первым хранителем законов – неуважение к ранее изданным нормам неизбежно влечет неуважение и к вновь принятым правовым актам. Однако Македонянин не стремится к слепому следованию букве закона и требует, чтобы уважение к праву сочеталось со снисходительностью и уважением к достоинству человека. В таком духе написаны обе книги¹⁵.

В целом в считанные годы Византия преобразилась. Можно только поразиться тому, насколько богатой оказалась Империя. Создавалось впечатление, что Константинополь заново перестраивается – все старые храмы, а также церкви, разрушенные землетрясениями, повсеместно восстанавливались. Это храм Св. Мокия, церкви в честь апостола Андрея, св. Романа, св. Анны в Девтере, мученика Дмитрия, Св. Эмилиана, Богородицы в Равде, страстотерпца Назария, Воскресения Господня, мученицы Анастасии в портике Домиана, великомученика Платона, мучеников Эспера и Зои, мученика Акакия в Гептаскале, пророка Ильи в Петрии, святомученика Лаврентия в Пульхерианах. Кроме этого, император добавил пристройки к храмам Богородицы в Халкопратиях и Богородицы близ Форума Константина¹⁶.

Помимо храмов, приказом Василия I были воздвигнуты огромный триклиний у Маркиановой галереи, именованной Пентакувикломом, поражающая всех красотой и элегантностью молельня апостола Павла, молельня св. Варвары-Мученицы, а также роскошные царские палаты возле Золотого триклиния. Рядом были возведены знаменитые римские бани. На личные средства царя, не желавшего тратить на это государственные деньги, было построено императорское имение Мангам, а также царские палаты в Пигах. Македонянин возвел также громадное водохранилище, чтобы обеспечить столицу чистой питьевой водой¹⁷. Можно назвать еще не один десяток построек, возведенных Василием Македонянином, но вернемся к основному изложению.

Продолжая миссионерскую деятельность среди болгар и россов, начатую еще при императрице св. Феодоре, Василий I направил к Болгарскому царю св. Михаилу архиепископа для проповеди Слова Божия, что и решило вопрос о том, какая Церковь будет окормлять Болгарию – Римская или Константинопольская.

Желая предотвратить набеги россов, ставшие уже ощутимым бедствием для византийцев, император щедрыми дарами склонил их вождей к мирному соглашению, а затем направил к ним архиерея. Собрав вокруг себя старейшин русского племени, святой подвижник Право-

славия прочитал несколько стихов из Евангелия о чудесах Иисуса Христа. Славяне заявили: «Если мы сами не увидим чуда, то не поверим в сказанное тобой». Архиерей взмолился Господу, а затем, обернувшись к вождям, сказал, что бросит Священное Писание в огонь, но оно не сгорит. Так и произошло: огонь погас, а книга лежала поверх пепла нетронутой. Эта сцена так потрясла россов, что многие из них сразу же пожелали креститься. По-видимому, это – первое описание сцены крещения россов, сохранившееся до нашего времени¹⁸.

Однако далеко не все сановники из числа высшей политической элиты с радостью встретили известие о воцарении Василия I Македонянина. И вскоре выяснилось, что два из них – Симватий (зять покойного кесаря Варды) и Георгий Пиган организовали заговор против императора, к счастью, своевременно раскрытый. По обыкновению того времени заговорщикам грозила смертная казнь, но император пощадил обоих, хотя и наказал. Чуткий к опасности, как и все люди, благодаря своим трудам пробившиеся наверх политической власти, Македонянин решил гарантировать покой и себе, и своей семье.

Поэтому 6 января 870 г. он возвел на престол в качестве соимператоров сразу двух своих сыновей – Константина и Льва. Через некоторое время был приобщен к царству и малолетний Александр – третий сын Василия I. Сына св. Стефана, равно как и всех дочерей, царь приказал постричь в монахи и отдал в монастырь. Возможно, он руководствовался тем же соображением, что некогда император Феофил (829—842), опасавшийся, что мужья дочерей сами начнут со временем претендовать на царство. Но нет сомнений, что пострижение малолетнего св. Стефана в монахи совершилось с личного согласия мальчика, и, как мы вскоре узнаем, царевич со временем сделает высшую духовную карьеру¹⁹.

Занимаясь делами государственного управления, строительством и приумножением государственной казны, император ни на минуту не забывал о своих воинственных соседях. Византийская армия по-прежнему включала в себя различные формирования, в том числе и наемные отряды, но фемное ополчение составляло основу вооруженных сил Империи. Проведя ревизию воинских списков, царь с тревогой обнаружил, что численность армии резко сократилась вследствие поражений последних лет и отсутствия должного финансирования. Нужно было срочно набирать новобранцев и гасить долги перед старыми солдатами, давно уже не получавшим жалованья за свои ратные труды. Как некогда великие императоры, прославившие римское оружие на поле брани, Македонянин лично проводил занятия со своим вновь сформированным войском, упражняя солдат «до седьмого пота», и восстановил строжайшую дисциплину. Наконец, приведя армию в боевую готовность, император решил, что наступила пора действовать.

Глава 2. Примирение с Римом. «Восьмой Вселенский» Собор 869—870 гг.

Как стало ясно уже буквально на следующий день после воцарения Василия I, Македонянин совершенно не собирался мириться с тем, что многие имперские территории захвачены арабами, а потому исподволь начал готовить почву для проведения военных операций, преследующих своей целью возврат исконных византийских земель в Италии и близ нее. Конечно, в одиночку такие смелые планы едва ли могли быть реализованы, а единственными потенциальными союзниками в борьбе с сарацинами на Западе являлись потомки Карла Великого (800—814). В свою очередь попытки привлечь их к своим планам для Василия Македонянина означали непереносимое примирение с Римским папой, имевшим на франков серьезное влияние.

Это примирение было тем более необходимо, что Западная Римская империя уже давно не представляла единого политического тела, и лицо, носившее на Западе титул «императора», не обладало прежней цементирующей франков властью. Только папа мог стать центром интеграции усилий всех западных государей, их представителем в переговорах с Константинополем. Императору нужен был лишь повод для мирных инициатив с папой, который нашелся очень быстро.

Как известно, в течение нескольких лет наиболее грозным врагом Македонянина являлся кесарь Варда – близкий друг и благодетель Константинопольского патриарха св. Фотия. Трудно предположить, что и ранее отношения патриарха с молодым сановником отличались добросердечностью и простотой, и уж тем более они не могли улучшиться после того, как Варда пал от руки Василия. И вполне закономерно, что столичный архиерей стал первой жертвой затеянной императором политики примирения с Римом – 25 сентября 867 г. он был низвержен по приказу царя со своей кафедры.

Правда, сплетничали, будто накануне патриарх отказал императору в причастии Святых Даров, за что и поплатился, но эти слухи мало похожи на правду. Совершенно очевидно, что Василию I не было необходимости создавать повод (тем более столь оскорбляющий его достоинство) для смены патриарха – как полновластный правитель Римского государства, он с полным основанием единолично решал такие вопросы. Безусловно, василевс не мог не понимать, что его шаг будет с восторгом встречен на Западе, где св. Фотия уже заочно анафематствовали несколько лет тому назад после ожесточенной фронды с Римским епископом Николаем I.

Оставался актуальным вопрос – кто должен стать преемником св. Фотия, но и здесь обошлось без затруднений: как выяснилось, император никогда не упускал из виду фигуру низвергнутого патриарха св. Игнатия, за которого ранее безуспешно заступался папа Николай I. Поскольку понтифик не признал каноничным низвержение св. Игнатия, казалось естественным вернуть того на столичный престол и тем самым пойти навстречу апостолику. Этот шаг казался правильным и с тем учетом, что «друг монахов» пользовался большим авторитетом среди рядовых византийцев. Патриарх из царского рода, ярый противник иконоборцев, благочестивый страдалец – все эти качества не могли не привлекать к нему простых христиан. Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что для многих, очень многих византийцев св. Игнатий ассоциировался с императрицей св. Феодорой, а св. Фотий – с мало популярным «пьяным» императором Михаилом III²⁰.

Через 2 месяца после удаления св. Фотия в монастырь Сретения, что располагался на берегу Босфора, император и св. Игнатий, восстановленный в патриаршем достоинстве царем, направили письмо Николаю I, которого к тому времени уже сменил папа Адриан II (867—872). Македонянин уведомлял понтифика, что крайне обеспокоен состоянием Восточной церкви и потому решил лечить ее. «Одну часть врачевания», по выражению царя, он уже совершил – имелось в виду удаление св. Фотия, «прегрешившего против истины и Рима». Теперь осталось

уврачевать другую сторону: император напрямую предлагал папе поддержать восстановление св. Игнатия и организовать суд над епископами, поставленными бывшим патриархом.

Если послание императора не выходило за рамки традиционной вежливости, то письмо св. Игнатия поражаало позицией, какую тот занял. Патриарх с начала письма именовал понтифика «единственным врачом в Церкви», которому принадлежит исключительная власть, как преемнику апостола Петра. Дальнейшее содержание письма выглядит откровенной капитуляцией – все, за что боролся св. Фотий, было отдано без боя и с немалыми унижениями.

«Того, кто противозаконно присвоил себе не принадлежащее ему, кто похитил чужое достояние, кто, подобно вору, не в дверь, а в окно проник в овчарню, – писал о св. Фотии новый патриарх, – того твоя святость, папа, через мощное вмешательство твоей первосвященнической и апостольской власти, отсекала от общего тела Церкви, и подражая ревности главы апостолов, приговором твоих могущественных слов умертвила. А нас, претерпевших тяжкую несправедливость, ты, в силу твоей строгой справедливости и твоей братской любви, удостоил твоего праведного суда, возвратил нас нашей Церкви и нашей кафедре»²¹.

Хотя эти письма стали настоящим елеем для сердца апостолика, Рим довольно долго хранил молчание. И дело заключалось не только в желании лишний раз «молчальным способом» подчеркнуть статус папы – просто Адриан II решил для начала созвать Собор на Западе для заочного осуждения св. Фотия. Можно было, конечно, ограничиться и старым поводом, но нашлась новая причина – незадолго до своей отставки, еще в 868 г., св. Фотий разослал окружное послание всем восточным архиереям, в котором жестоко критиковал *Filioque*, опресноки, субботний пост и другие римские нововведения²². Конечно, Собор осудил свергнутого Константинопольского архиерея: всем изначально было ясно, что это – дело техники.

Только летом 869 г. в Константинополь прибыли три папских легата – епископы Донат и Стефан, и диакон Марин. Прибытие легатов происходило в обстановке большой торжественности: еще в Фессалониках их встречали спафарии, а затем от императора прислали 40 лошадей, серебряную утварь и большое количество прислуги.

В субботу, 24 сентября 869 г., легаты прибыли в крепость Стронгил возле Константинополя, а наутро совершили парадный въезд в византийскую столицу. Они имели несколько аудиенций у Римского царя и уведомили Василия I, что не допустят участия в предстоящем Соборе восточных епископов, заранее не подписавшихся под папской формулой («*libellus satisfactionis*»), которую они торжественно произнесут на первом заседании. Но эта атака по закреплению папской практики в качестве обязательной для Восточной церкви тут же наткнулась на императора, который вполне обоснованно заявил, что прежде голосования нужно познакомиться с документом, переведя его на греческий язык. Латиняне уступили, и началась подготовка к намеченному собранию²³.

Собор открыл свою работу 5 октября 869 г., в среду, в храме Святой Софии в торжественной обстановке. Но собрать внушительный кворум не удалось: в зале присутствовали папские легаты, 12 высших сановников Римского государства, и всего ... 12 (!) епископов от Восточной церкви – безусловные сторонники патриарха св. Игнатия и враги св. Фотия. Уже это обстоятельство наглядно демонстрировало, насколько непопулярной была идея воссоединения Римской и Константинопольской кафедр на условиях, продиктованных папой. Пожалуй, ни один совместный Собор Западной и Восточной церквей не имел такого узкого представительства. Как и следовало ожидать, председательствовали римские легаты, разрешившие св. Игнатию войти в зал, как Константинопольскому патриарху.

Вначале была зачитана краткая речь императора участникам собрания, в которой Василий I увещевал епископов забыть свои личные интересы и принять необходимые меры по уврачеванию Церкви. Это было величественное по своему смирению письмо, тональность которого не могла не понравиться папским легатам. Уподобляясь святому царю Давиду, василевс публично каялся в своих ошибках и просил прощения для блага Церкви и Римского государства.

«Нет ничего постыдного в том, – писал Василий I, – чтобы являть свои раны и искать покаяния и исцеления. Нет стыда в том, братия, чтобы простираться ниц прел Богом. Пред Ним простираются те, кто подчиняет себя Церкви и Святым Отцам. Разве вы испытываете от этого стыд, чтобы я был бы для вас образом такого смирения, я, кто не имеет ни мудрости, ни знания, для вас, которые суть мудрецы и преславные учителя? Я, который погружен в свои грехи, пред вами, чистыми, являющими добродетель, я бросаюсь пред вами на землю первым. Наступайте на мое лицо, попирайте мои глаза, не беспокойтесь о том, что вы топчете спину императора. Я же готов претерпевать всякое, дабы увидеть единство всяческих»²⁴.

Затем, следуя устоявшейся традиции, сановник Ваанис предложил подтвердить полномочия представителям апостолика и остальных патриархов. Однако это естественное и совершенно законное требование неожиданно вызвало растерянность и протест легатов. Они заявили, что такая процедура является нововведением (!) и подрывает авторитет папы. Чтобы сгладить неловкость, Ваанис стал объяснять, будто преследует благие цели, чтобы не случилось, как ранее с историей Двукратного Собора 861 г., когда понтифик не утвердил соборные акты, подписанные его же собственными легатами. Только после этого объяснения посланники Рима предъявили письмо папы императору, которое и было зачитано под восторженные выкрики св. Игнатия и его сторонников.

Но еще большие волнения ждали императорских сановников впереди, когда дело дошло до подтверждения полномочий местоблюстителей двух восточных патриархов. От их лица выступил Иерусалимский пресвитер и синкелл Илия. Илия заявил, что он и митрополит Тирский Фома, представлявший Антиохийского патриарха, хорошо известны императору и присутствующим епископам. Поскольку же Антиохийская кафедра вдовствует, добавил он, то митрополит Фома не нуждается ни в какой доверенности и служит сам для себя (!) авторитетом. Относительно собственной персоны Илия представил письмо Иерусалимского патриарха Феодосия (862—878) на имя Македонянина, в котором архиерей уведомлял царя о поездке Илии в Константинополь ... для решения вопроса об обмене пленных сарацин по приказанию эмира Ахмета (!). Конечно, никоим образом такие полномочия не корреспондировались с предметом соборного обсуждения. Но «игнатиане» и легаты сделали вид, что удовлетворены таким «подтверждением»²⁵.

С грехом пополам начали работу, и первыми получили слово римские легаты, зачитавшие папскую формулу воссоединения Церквей. Формула эта без всяких околичностей требовала признать Римского папу главой Кафолической Церкви. В послании папа уведомлял также, что анафематствовал св. Фотия и епископа Григория Сиракузского, их последователей и сообщников, Собор 858 г., Двукратный Собор 861 г. и Собор 867 г., отлучивший Римского епископа Николая I от Церкви. Папа напрямую указал, что св. Фотий хиротонисан незаконно, а потому признает Константинопольским патриархом только св. Игнатия. Закончив чтение, легаты потребовали, чтобы все присутствующие епископы поставили под формулой свои подписи²⁶. Восточные епископы исполнили данное требование под зорким приглядом императорских сановников, из чего само собой выходило, что св. Фотий уже осужден (!) до суда. Но и здесь «не заметили» нарушения канонического порядка низложения патриарха.

Ваанис попытался в очередной раз сгладить неловкость, задав легатам вопрос: как св. Фотий мог быть осужден в Риме, если он туда не приглашался и на Соборе не присутствовал? На что получил ответ, согласно которому папа Николай I сам осудил патриарха на основе их переписки (!). Этот же вопрос был обращен и в адрес патриарших представителей – митрополита Фомы и синкелла Илии. Без всякого стеснения Илия ответил от лица их обоих, что неканоничность возведения св. Фотия на патриаршество – несомненный факт и не нуждается в отдельном доказывании (!). На этом Собор закончил свое первое заседание²⁷.

Второе заседание Собора состоялось 7 октября 869 г., было столь же малочисленным, как и первое, но еще более неприглядным по содержанию. Принимали в общение епископов,

ранее состоявших в лагере св. Фотия – всего 10 архиереев. От имени этой группы епископ Феодор Карийский представил записку, в которой живописал якобы имевшие место гонения на них со стороны опального патриарха. Что, как нужно полагать, и подвигло их на измену св. Игнатию. В конце своей речи эти лица дали обещание не вступать в общение со св. Фотием и соглашались понести любое наказание, какое им вынесет папа Адриан II и св. Игнатий.

Разумеется, их простили, и св. Игнатий возложил на «возвращенцев» свой омофор со словами из Евангелия (Ин. 5: 14): «Вот ты выздоровел, не греши же, чтобы не случилось с тобой чего хуже». Затем с покаянием явилось 11 пресвитеров, 9 диаконов и 6 иподиаконов. Все подписали папскую формулу и были приняты в общение. На них наложили небольшую епитимию, должную, скорее, служить примером для всех остальных, чем реальным наказанием за содеянные «грехи».

Третье заседание произошло 11 октября 869 г., и на нем присутствовало уже 23 епископа Восточной церкви. Всем открылось, что, желая какими угодно средствами увеличить число присутствующих архиереев, организаторы Собора привлекли и тех, кого только что приняли в общение на прошлом заседании. Таким образом, вчерашние подсудимые стали судьями. Делалась даже попытка привлечь к Собору двух епископов, рукоположенных еще при Константинопольском патриархе св. Мефодии: Феодула Анкирского и Никифора Никейского. Но те категорично отказались участвовать в этом судилище, хотя и обосновали свой отказ в уклончивой форме, заявив, будто не имеет смысла подписываться под папской формулой, поскольку при своей хиротонии они уже излагали Символ Веры, чтобы подтвердить свое правоверие. Стало ясно, что говорить больше не о чем, и в оставшееся время участники перечитывали переписку императора Василия I и св. Игнатия с папами²⁸.

После того как необходимая почва была подготовлена, Собор решил наконец-то изучить дело самого св. Фотия. В принципе при том беззаконии, которое творилось на его заседаниях, необходимость в этом уже отсутствовала. Но в дело вмешались два обстоятельства: во-первых, «игнатианам» и папским легатам очень хотелось окончательно унизить свергнутого патриарха; а, во-вторых, неожиданно возникла необходимость исследовать дело тех епископов и клириков, которые не желали признавать св. Игнатия Константинопольским патриархом. Этому вопросу и было посвящено четвертое заседание Собора, состоявшееся 13 октября 869 г.

Патрикий Ваанис сделал заявление о том, что 2 епископа – Феофил и Захария, бывшие в составе посольства в Рим для уведомления папы Николая I о посвящении св. Фотия в патриархи, уверяли, будто понтифик при них принял того в общение. Поэтому Ваанис предложил пригласить этих архиереев и доказать им, что их слова лишены основы. К ним направили делегацию, которой Феофил и Захария заявили, что не считают св. Игнатия своим патриархом. Члены Собора воскликнули: «Так пусть и они разделят жребий св. Фотия!»

Но Ваанис не удовлетворился таким ответом, заявив, что нельзя св. Фотия считать осужденным, не сделав ни одной попытки пригласить его на заседание Собора – совершенно справедливое мнение, не поддержанное легатами. Те искренне полагали, что, осудив бывшего патриарха, папа уже совершил окончательное осуждение; но восточный епископат все же думал иначе. Легаты упрямылись, Ваанис настаивал на своем. Сановник даже высказал в адрес папских представителей угрозу: если св. Фотий не будет приглашен на Собор, то он не станет подписывать от имени императора соборные акты.

Безусловно, эти грозные заявления были сделаны после предварительной консультации с Василием I, втайне совершенно не желавшего признавать абсолютную власть Римского епископа в Церкви и нарушать каноничную процедуру суда над патриархом²⁹. Его активно поддерживали даже «игнатиане», прекрасно понимавшие, что только благодаря Василию I стало возможным восстановление св. Игнатия на патриаршестве. Весь малочисленный Собор начал, к удивлению неподготовленных к такому обороту легатов, восклицать: «Определяем, чтобы

подлежащие суду были вызваны на Собор, и чтобы суд был в их присутствии; им нужно дать право защиты!»

Единственным утешением легатам стали льстивые и ни к чему не обязывающие слова греков, что суд папы – непреложен, а сами восточные епископы почитают их «как пророков». Все-таки папские посланники попытались мягко протестовать, спросив: «Разве осуждение папы неизвестно св. Фотию и остальным епископам?» Ведь раз произнесенное суждение папы не может быть никем отменено («Roma locuta res decisa»). Но получили ответ, что осужденные сами не слышали его, и потому должны быть приглашены на суд. Наконец, легаты сдались, справедливо опасаясь остаться в полном одиночестве³⁰.

Была отправлена делегация к «фотианам», из которых почему-то пригласили только уже знакомых нам епископов Феофила и Захарию. К великому недовольству легатов, те стали утверждать, что во время посещения Рима сослужили с папой Николаем I Божественную Литургию, и если понтифик принял их, как патриарших посланников, в церковное общение, то, следовательно, признал и св. Фотия патриархом. Возник длительный спор, полный противоречивых свидетельств и ложных клятв со стороны беспринципного синкелла Илии. Устав от словопрений, участники Собора предложили Феофилу и Захарии подписаться под папской формулой, но те и слышать об этом не хотели. Разъяренные легаты воскликнули: «Тогда выбросьте их вон!» – и «фотианских» епископов удалили из зала заседаний. Так завершился очередной день³¹.

На пятое заседание Собора, случившееся 20 октября 869 г., был наконец вызван приказом императора сам св. Фотий. Впрочем, это распоряжение царя вызвало новое замешательство у легатов, которые долго выясняли: пожелал ли бывший патриарх по своей воле предстать перед Собором или нет? На это никто не смог ответить определенно, но все же решили направить делегацию для вызова подсудимого на суд. И здесь легаты попытались унизить св. Фотия, настаивая, чтобы к нему, как мирянину, направили светских лиц. Но остальные епископы не согласились с ними.

Члены делегации пришли к монастырю, где пребывал отставной патриарх, и пригласили того на суд, на что св. Фотий ответил, что по доброй воле не пойдет, а только по принуждению (приказу). Ответ, переданный Собору через делегацию, вызвал настоящие волнения: легаты возмущались, но остальные участники вынуждены были составить приглашение в письменном виде, которое еще дважды направлялось св. Фотию. В конце концов св. Фотий ступил на порог храма Святой Софии и сразу же попал под допрос римских легатов, вопрошавших: готов ли он принять приговоры Николая I и Адриана II? Но святой патриарх молчал. Когда его спросили о мотивах молчания, св. Фотий ответил, что Господь слышит его голос. Ему пригрозили: «Своим молчанием ты не оправдаешься», на что получили ответ: «И Иисус молчанием не избегнул осуждения».

Эти слова привели легатов в ярость – они нашли их богохульными. Легатов в очередной раз активно поддержал все тот же синкелл Илия. «Соборяне» неистовствовали, св. Фотий молчал. Спустя какое-то время Илия выступил с обвинительной речью, в которой, впрочем, не было ничего нового, кроме оскорблений. Затем начались увещевания в адрес подсудимого – ему предлагали признать св. Игнатия законным патриархом и принять суд Римского папы, но св. Фотий молчал. Желая убедить св. Фотия, что спасения ему ждать неоткуда, а потому следует уступить и тем самым облегчить свою участь, Ваанис сказал: «К какому суду ты мог бы обратиться потом? В Рим? Но здесь уже сидят папские легаты. На Восток? Но здесь присутствуют патриаршие представители». На это не без благородства и смирения перед волей Бога св. Фотий ответил: «Мое оправдание не от мира сего; если бы оно было от мира сего, вы бы его услышали». Однако и сейчас участники Собора побоялись его осудить, дав срок для размышления. На этом заседание завершилось³².

Следующее, шестое, заседание Собора состоялось 25 октября 869 г. и ознаменовалось личным присутствием императора Василия I Македонянина. Видимо, желая своим видом восполнить численный недостаток епископов, царь внял просьбам «игнатиан» и прибыл на Собор. С его приходом число епископов несколько увеличилось и достигло 36 персон – все равно ничтожно мало для «Вселенского» Собора, как его пытались представить римские легаты и новый Константинопольский патриарх. Верные своим убеждениям в абсолютном характере власти понтифика, легаты начали настаивать на скорейшем признании св. Фотия низвергнутым, но император имел свои расчеты и не стал торопить события, повелев вновь вызвать св. Фотия и его сторонников на Собор.

Начались уговоры «фотиан», не принесшие, однако, успеха. Наиболее близкие к св. Фотию лица – Евхимон, митрополит Кесарии Каппадокийской, и епископ Халкидонский Захария произнесли великолепные речи против всевластия папы, чем вызвали негодование участников. «Вы – миряне, – кричали им из зала, – и вас пригласили не для того, чтобы вы лаяли на нас и городили вздор!»

Дальнейшее заседание сбилось с намеченного сценария: император начал спорить с «фотианами» по посторонним вопросам, желая доказать, будто св. Фотий потворствовал императору Михаилу III в бесчинствах и богохульстве – очевидная ложь, нужная Македонянину, чтобы хоть как-то придать моральное обоснование своему неблагоприятному поступку (убийству императора). Легаты, которым надоели эти дискуссии, предложили «фотианам» принять папскую формулу и признать св. Игнатия патриархом – те категорично отказались³³.

Тогда попытались опровергнуть аргументы, высказанные Захарием Халкидонским – особенно старался друг св. Игнатия Митрофан Смирнский, но малоубедительно. Затем император произнес длинную речь, в которой вновь объяснил созыв Собора желанием уврачевать Церковь, и его выступление произвело на легатов большое впечатление. Эти слова, говорили они, более приличествует епископу, чем императору. Но практического результата выступление царя не дало – сторонники св. Фотия остались на своих позициях. Собор дал им 7 дней на размышление, угрожая по окончании этого срока анафематствовать упорных епископов. К немалому сожалению «игнатиан» и легатов, шестое заседание вновь не принесло им успеха³⁴.

29 октября собрались на седьмое заседание, и опять в присутствии императора. На Собор вновь явился по приказу царя св. Фотий. Когда Ваанис поинтересовался, готов ли тот починиться Собору, св. Фотий предложил самим легатам покаяться в их прегрешениях, как лицам, нарушившим канонический порядок судопроизводства. Конечно, это вызвало бурное негодование со стороны латинян. Они заявили, обращаясь к императору, что прибыли в Константинополь не для того, чтобы сносить оскорбления, но судить виновных. Поднялся шум, причем наибольшую активность вновь проявил синкелл Илия. Но св. Фотий опять не смирился перед несправедливым судом, отказавшись признать папскую формулу и свою вину. Его сторонники, среди которых выделяются монументальные фигуры Захария Халкидонского, Иоанна Ираклийского и Амфилохия Иконийского, также отказались признать папскую формулу. Снова и снова пытался Ваанис поймать подсудимых на противоречиях, но ничего не вышло.

Были прочитаны письма пап Николая I и Адриана II, затем с большой речью выступил сам св. Игнатий, расхваливавший Римского понтифика и императора, который, по его мнению, выступал в роли послушного сына «непогрешимого» апостолика. Наконец, после всех велеречий, Собор анафематствовал св. Фотия: «Фотию, придворному и узурпатору, анафема! Фотию, неопиту и тирану, анафема!» и т.д. Завершились анафематствования гадкими стишками в адрес св. Фотия, а также анафематствованием всех «фотиан». Примечательно, что приговор св. Фотию и его сторонникам был подписан присутствующими епископами не чернилами, а евхаристической кровью, в которую макали перо. После этого закончилось седьмое заседание³⁵.

Хотя главное дело было сделано, Собор продолжил свою работу, имея еще три заседания. Сославшись на то, что предыдущие Соборы принимали решения под давлением насилия (очевидный намек на императора Михаила III), решили акты этих собраний сжечь. Затем, как символ единения Западной и Восточной церквей, были приглашены на заседание последние иконоборцы, которых оказалось всего 4 человека. Собственно говоря, этим и завершилось восьмое заседание.

Затем наступил длительный перерыв на 3 месяца, вызванный следующими причинами. Во-первых, до сих пор не прибыл местоблюститель Александрийского патриархата, и в его отсутствие Собор никак не мог быть признан «вселенским», поскольку по уже сложившейся канонической традиции полагалось присутствовать всем патриархам Кафолической Церкви. Во-вторых, всех смущало чрезвычайно малое число присутствовавших епископов, которых не набралось даже к концу последнего заседания более сорока.

Лишь 12 февраля 870 г. Собор продолжил свою работу (9-е заседание), имея в штате 26 митрополитов и около 40 епископов. Первым делом подтвердили полномочия прибывшего наконец-то представителя Александрийского патриарха Михаила (859—871), архидиакона Иосифа, но и тут не обошлось без неприятностей для св. Игнатия и «игнатиян». Патриарх написал, что по причине удаленности своего города мало знает о деле св. Фотия, но полагает, что оба они – и св. Фотий, и св. Игнатий – достойны патриаршества. «Пусть же выберет император, как глава и учитель Кафолической Церкви», – подытожил Александрийский архиепископ. Недовольны были и легаты, которым мало понравились тезисы о главенстве императора в Церкви³⁶.

И вновь, как раньше, начался разбор Двукратного собора 861 г. с целью обелить св. Игнатия и окончательно унизить св. Фотия. Вызывали свидетелей и участников того собрания и поочередно заставляли лгать на опального патриарха. Эти детали настолько неприглядны и даже омерзительны, что можно с легкостью оставить их вне нашего рассмотрения.

Здесь же возник еще один острый вопрос – о церковном кормлении Болгарии. В свое время царь св. Михаил рассорился с византийцами и обратился к папе Николаю I со 106 вопросами относительно устройства церковной жизни. Среди прочих там присутствовали такие, как, например: можно ли христианину иметь несколько жен, позволительно ли ему носить штаны и иметь рабов и т.п. Причем царь задавал очень тревожный для понтифика вопрос: можно ли Болгарии иметь своего патриарха? Несмотря на внешнюю простоту вопросов, касавшихся самых рядовых и обыденных проблем, в письме сквозило резкое раздражение Болгарского царя поведением византийских клириков, постоянно вмешивавшихся в политическую жизнь болгар. Святой Михаил начал не безосновательно опасаться, что претензии Константинопольского патриарха лишают его надежд на церковную автономию Болгарии³⁷.

Но едва ли «римская» альтернатива могла принести ему больше выгод. На письмо Болгарского царя апостолик отвечал уклончиво, что сейчас же готов отправить им епископа, чтобы тот изучил край; и лишь после этого можно будет решать вопрос о патриаршестве. Разумеется, папа совершенно не собирался предоставлять болгарским неофитам столь широкие церковные полномочия, и осознание этого факта св. Михаилом не заставило себя ждать³⁸.

Возникли и другие неприятные моменты. Когда на смену византийским епископам пришли римские архиереи, выяснилось, что болгары рано радовались: их царь просил папу назначить Болгарским архиепископом Формоза, а тот категорично отказал ему в просьбе, полагая, что выбор кандидата – его прерогатива. Латиняне категорично заявили, что крещение, совершенное греческими пресвитерами, не благодатно, а потому все болгары должны перекреститься у римских священников. В конце концов все закончилось договором между св. Михаилом и Василием I Македонянином, согласно которому болгары приняли византийскую юрисдикцию³⁹.

Теперь на Соборе легаты жестко стояли на том, что окормлять Болгарию духовно вправе исключительно Римский престол, против чего не менее категорично возражали восточные епископы. Затеялся спор уже между единомышленниками в деле посрамления св. Фотия, и византийцы припомнили некоторые обстоятельства, должные судить об ошибках Римского епископа. Однако для них ушатом холодной воды стали слова папских послов: «Апостольская кафедра не выбирала вас своими судьями. Вы ниже папы, и судить его вам не пристало, потому что один папа имеет право судить все другие Церкви».

В ответ константинопольцы, словно забыв, что только что вместе с папскими посланниками именовали друг друга единомышленниками, отвечали, что неприлично латинянам, отпавшим от Греческой церкви и отдавшимся во власть франкам (!), поставлять епископов на территории Византийской империи. Поскольку Болгария – исконная имперская территория, то и окормлять ее должна Восточная церковь.

Дискуссия достигла своего апогея, и тогда легаты напрямую обратились к св. Игнатию: «Тебя, патриарх Игнатий, именем Бога и Его Ангелов заклинаем, чтобы ты, сообразно с посланием папы Адриана, который восстановил тебя в должности, не вмешивался в дела Болгарии и не посвящал никого для этой страны и не посылал туда кого-либо из духовных лиц». Патриарх, попавший в неловкую ситуацию, не посмел перечить легатам, но и не рискнул открыто выступить против собственного клира. Он ответил неопределенной фразой, что будет остерегаться всего того, что может послужить к оскорблению Римского папы. Подумав, архиерей добавил: «Я не так молод и не так стар, чтобы позволить себе нечто несообразное со справедливостью». На этом прения и завершились⁴⁰.

28 февраля 870 г. состоялось последнее, десятое, заседание Собора. Попытались сделать его максимально пышным, и для этого туда прибыл император Василий I и его сын Константин, патриарх св. Игнатий, 108 архиереев, 20 патрициев, послы Болгарского царя, 3 посланника Западного императора Людовика II (855—875). Были торжественно зачитаны каноны, которые рекомендовалось принять. В латинском переводе значилось 27 правил, в греческом – 14. Понятно, что значительное число канонов было направлено против св. Фотия и его сторонников: их не только не признали духовными лицами, но и запретили преподавать науки и писать иконы – замечательное свидетельство интеллектуального уровня «фотиан». Затем «прошлись» по св. Фотию, запретив возводить в ускоренном порядке светских лиц в епископы, положив минимальный срок для этого 10 лет.

Особое внимание было уделено максимальному ограничению влияния императора на церковные дела. Было определено, что избрание епископов осуществляется впредь только на Соборе архиереев, причем ни царь, ни его представитель не должны там присутствовать под угрозой анафемы (!). Императору было также запрещено препятствовать епископам собираться на Соборы, на которых он к тому же не имел права присутствовать. Царю разрешалось посещать лишь Вселенские Соборы в память о старой традиции, но исключительно в качестве наблюдателя. Для ограждения чести епископов было определено, что отныне никакой архиерей не должен слезать с лошади, увидев царя, или кланяться ему при встрече. Наказание в таком случае ожидало и императора, и епископа. Едва ли Василий I Македонянин ожидал такого наступления на свои prerogatives. Впрочем, его ждало еще последнее унижение. По традиции, он пожелал подписаться после всех епископов, тем самым утверждая соборные решения, но легаты настояли, чтобы его подпись стояла после патриарших, но до епископов⁴¹.

Правда, и легатов ждали большие неприятности. Весной 870 г. они тронулись в обратный путь, но по дороге были взяты в плен пиратами и ограблены. Папа не скоро узнал об их печальной судьбе, но его попытки выкупить собственных послов долгое время не увенчались успехом. Только в декабре 870 г. легаты, нищие и раздетые, возвратились в Рим, не имея на руках даже самих соборных актов, которые так страстно желал увидеть папа Адриан II. Ждало

разочарование папу и по «болгарскому вопросу»: едва завершился Собор, как византийцы заключили договор с Болгарским царем, и все угрозы папы оказывались тщетны⁴².

А что же низвергнутый патриарх и «фотианине»? Святой Фотий не признал полномочий митрополита Фомы и синкелла Илии: «Никогда не бывало, чтобы посланники нечестивых измаильтян преобразовались в мужей священноначальных, чтобы им предоставлялись патриаршие права и объявлялись они представителями Собора». Не признал он и самого Собора, который назвал «варварской засадой», «комедией», «покрывалом стыда». Действительно, Собор, весь сотканный из политического полотна, имевший для императора Василия I значение только в части примирения с Римским епископом и объединением сил для борьбы с арабами, едва ли можно отнести к жемчужинам соборного творчества.

Ценой унижения св. Фотия и всей Восточной церкви царь решил конкретную задачу, но плата за этот мимолетный успех оказалась слишком высока. Константинопольский клир, и так до сих пор без особого восторга наблюдавший за попытками понтификов узурпировать власть в Кафолической Церкви, теперь окончательно убедился, что Запад и Восток разъединяет гораздо большее, чем сближает.

Именно эта «пиррова» победа папы Адриана II внесла свою лепту в грядущий раскол Кафолической Церкви, ставший уже почти неизбежным. И император понял – правда, довольно поздно, что попытки расплатиться за политические успехи головой Константинопольского патриарха ведут к умалению достоинства самого Римского царя. Разве кто-нибудь мог себе представить перед началом Собора, что его каноны так унижат императора? Неужели когда-нибудь позволялось так откровенно и публично «ставить на место» главу Вселенной, наследника Римских владык? Не удивительно, что вскоре симпатии императора Василия I резко изменятся. И время, как мы увидим, расставит все на свои места.

Глава 3. Война с арабами. Девальвация императорства на Западе

Внешнее положение Византии в те годы было далеко не однозначным, но оттого не менее опасным, чем раньше. И стратегия императора заключалась в том, чтобы, примирившись с теми из соседей, с кем временные союзы не требовали каких-либо серьезных политических и территориальных уступок, аккумулировать усилия для войны с арабами, которые по-прежнему являлись на тот момент времени врагом № 1. Причем не только для Византии, но и для папства и многих территорий Западного мира. Выбор союзников, таким образом, сформировался очень быстро.

Правитель Армении Ашот Багратуни (859—891), добившийся в 859 г. независимости от арабов, выступал своего рода буфером между Византией и Халифатом, получив, как нейтральная сторона, царский венец и от арабов, и от Византийского императора. Поэтому с этой стороны опасность пока не угрожала Империи.

В марте 870 г. Византия заключила мирный договор с Болгарией, согласно которому Болгарской церкви были предоставлены серьезные преференции: она получила статус архиепископии, хотя и подчиненной Константинопольскому патриарху, но с широкой автономией и высоким статусом. Достаточно сказать, что в списке священноначалия Восточной церкви Болгарский архиепископ занимал почетное 16-е место, в то время как некоторые византийские митрополиты и архиепископы занимали 58-е, 59-е и далее места⁴³.

Сын царя св. Михаила Симеон поселился в Константинополе, где получал образование наравне с императорскими детьми. Как следствие, Империя могла в течение 20 лет отдыхать, не опасаясь никаких неприятностей от воинственных соседей⁴⁴. В свою очередь мир был нужен и Болгарскому царю св. Михаилу, чтобы укрепить Церковь в своей стране. И, надо отдать должное, греки ни разу не нарушили условий этого договора⁴⁵.

Помимо этого, Василию I удалось заключить мирный договор с россамы, вождям которых он подарил много шелковых тканей, золотых и серебряных украшений, а те в ответ приняли архиепископа, рукоположенного св. Игнатием и получившего благословение на проповедь Слова Божия в далекой северной стране. Славяне, поселившиеся в Греции, Македонии, Адриатике, усмирённые еще при императоре Михаиле III, склонялись к близости с Византией, и ее культурное влияние начинало играть все бóльшую роль. Встал вопрос и об отношениях с Венецией. Как Римский император, Македонянин был, конечно, недоволен тем, что Венеция уже фактически вышла из состава Империи, но ввиду арабской опасности в Италии он вынужденно мирился с этим обстоятельством.

Таким вполне традиционным способом василевс подготовил почву для войны с арабами, у которых дела обстояли далеко не блестящим образом. Только-только в Халифате завершилась череда дворцовых переворотов, наглядно продемонстрировавших силу турецких гвардейцев и слабость их хозяина – халифа. После смерти самого молодого халифа в истории мусульманского мира аль-Мутазза Биллаха Мухаммада ибн Джафара аль-Мутавакия (867—870), довершившего внутренний разгром системы управления и ввергнувшего страну в хаос братоубийственной войны, ситуация заметно улучшилась после того, как аль-Мутазз отказался от престола и погиб.

Его сменил аль-Мухтади Биллах Муххамад ибн Харун аль-Васик (870—871) – по виду робкий и нежный молодой человек, большой поклонник богословия. Сельджуки обеспечили избрание его новым халифом, будучи абсолютно уверены в том, что тот станет их очередной марионеткой. Увы, они горько ошиблись: это был человек с железным характером и невероятной волей, способный согнуть и сломить любого врага. Турки к этому времени настолько разложились от безделья и богатств, что уже не представляли собой, как ранее, дисциплини-

рованных и организованных воинских подразделений. А потому аль-Васик решил действовать немедленно⁴⁶.

Однако реализация его дальних замыслов споткнулась об измену двух полководцев, решивших избавиться от своего правителя – Салиха ибн Васафа и Мухаммеда ибн Буге. Вместо того чтобы направиться на подавление мятежных хураджитов, они повернули свои армии против халифа; началась очередная междоусобная война. В окружении верных берберов с обнаженной саблей халиф отбивал атаки изменников, которым помогали турки; но в конце концов был взят в плен. Напрасно, однако, сельджуки пытались пытками вынудить его отречься от престола – халиф мужественно принял смерть. Однако его гибель была не напрасна – героическое поведение аль-Васика пробудило национальную гордость в арабах и подорвало уверенность (или, правильнее сказать, наглость) турецких военачальников.

Новым халифом правоверных стал представитель семьи Мутаваккилей, брат покойного халифа аль-Мутазза аль-Мутамид Аляллах Ахмад ибн Джафар аль-Мутаваккиль (871—892). Как и многие другие халифы, он был сыном невольницы своего отца. Аль-Мутамид вел довольно спокойный образ жизни, уделяя внимание главным образом развлечениям. Но у него был замечательный советник и помощник – родной брат аль-Муваффака, умный, энергичный и сильный человек.

Влияние аль-Муваффака было столь велико, что на пятничных молитвах его имя упоминалось наравне с именем халифа. Благодаря его усилиям турки присмирели, а некоторые наиболее одиозные мятежники были уничтожены. Впрочем, как это обычно бывает, отношения между братьями через некоторое время испортились, и халиф даже перебрался из Самарры в Багдад, опасаясь, что брат умертвит его и наследует престол⁴⁷.

Брожения и разлад наблюдались и в других частях Халифата; некогда единое и мощное государство медленно, но верно разлагалось. В скором времени пала династия знаменитых Тахиридов, на смену которым пришли представители семьи Саффаридов. Их предок, некто Якуб, имел мастерскую по изготовлению медной посуды, а затем собрал шайку из лихих людей и отвоевал у Тахиридов часть их владений. В 867 г. Якуб захватил и оставшиеся земли своего противника, чем немало порадовал подданных, нашедших в нем умного и справедливого правителя. В скором времени Якуб сумел не только покончить с Тахиридами, но и свергнуть аристократических правителей в Кирмане, Балхе, а в Нишапуре пленить последнего из Тахиридов Мухаммеда⁴⁸. Одна незадача – все свои успехи Якуб покупал интересами арабской державы.

Халиф довольно безразлично отнесся к этому событию, но когда Якуб стал угрожать Багдаду, аль-Мутамид направил против него сильное войско. Неподалеку от Васита враги встретились, и Якуб потерпел поражение. Мятежный правитель умер, но ему наследовал брат Амр, которому хватило осмотрительности заключить с халифом мирный договор и легализовать свои владения⁴⁹.

Вскоре ему пришлось вступить в борьбу с новым противником – представителями зарождающейся династии Саманидов, властителями Самарканда. В 874 г. знатные жители Бухары обратились к Насру ибн Ахмеду (864—892), амиру Самарканда, с просьбой прислать к ним правителем его младшего брата Исмаила (874—907), который вскоре, к радости горожан, вошел в город, осыпаясь монетами – древний обычай, сохранившийся до сих пор во многих местах. Все было бы неплохо, но вскоре он развязал междоусобную войну с собственным братом Насром ибн Ахмедом, над которым в 888 г. одержал верх. Правда, Исмаил отличался редким благородством и, пленив старшего брата, просил у него прощения за собственные грехи и ошибки, а затем отправил в Самарканд, сохранив за ним статус правителя всей Трансоксианы. Правда, после смерти Насра в 892 г. он наследовал ему, став новым правителем этой обширной области.

Однако к этому времени серьезную конкуренцию ему составил правитель Саффаридов Амр, достигнувший в тому времени пика своего могущества и распространивший свою власть

почти на весь Иран. И нет ничего удивительного в том, что в 893 г. халиф назначил именно его правителем Трансоксианы, проигнорировав права Исмаила Саманида. Лишь в 900 г. на поле битвы Исмаилу удалось разгромить армию Саффаридов и пленить Амра, чуть позже казненного в Багдаде.

Последующие действия Исмаила были чрезвычайно успешными: он сумел выбить мятежников из городов Рей и Казвин и установил с халифами добрые отношения, уплачивая им чисто символические налоги. Как справедливо говорят, с этого времени власть халифа над Хорасаном сошла на нет. А чуть позднее, объявив джихад, Исмаил сумел отразить нападение тюрок-кочевников, попытавшихся вторгнуться в его владения через северные земли Саманидов.

Новый правитель богатых иранских территорий был любим и почитаем всеми подданными. Добрый и чрезвычайно благочестивый, он имел обыкновение в одиночку выезжать на улицы Бухары, чтобы узнать проблемы простых людей. Помимо этого, он освободил народ от многих тяжелых податей, включая налог на восстановление городских стен. Правитель объявил, что, пока жив, сам является стеной Бухары, и жителям нечего опасаться. Он же стал покровителем ученых, поэтов и музыкантов. Его смерть в 907 г. стала трагедией для Бухары.

Преемником Исмаила стал его сын Ахмед (907—914), набожный мусульманин, пытавшийся восстановить старую традицию чтения указов по-арабски. Но эта инициатива нравилась далеко не всем, и в 914 г. Ахмед был убит в шатре собственными рабами. Новым правителем стал Наср (914—943), сын Ахмеда, которому исполнилось всего лишь 8 лет⁵⁰.

В таких условиях византийцам не стоило опасаться военных действий со стороны арабов на Востоке. Однако все еще оставалась актуальной угроза со стороны африканских сарацинов, завоевавших острова Крит, Сицилию, а также почти все византийские владения в Южной Италии. Это, по одному справедливому замечанию, уже было настоящей арабской колонизацией итальянских территорий от Тарента до Бари. Город Бари с 841 г. стал сарацинской столицей на полуострове, как и Палермо в Сицилии. Население этих земель хотя и являлось в массе своей греческим, но совершенно разуверилось в способностях собственных императоров отстоять их свободу и жизнь, и уже дважды приглашало к себе на помощь Западного императора Людовика II.

Однако первое столкновение Франкского короля с арабами в 858 г. у Бари не принесло ему успеха. Более того, мусульмане предприняли встречное наступление в Кампании, опустошили окрестности Неаполя, разбили войска дукса Сполетто, а также заставили князей Беневента и Салерно заключить с ними договор на поставку снаряжения и продовольствия для арабской армии⁵¹.

В 866 г. Людовик II вновь попытался овладеть Бари, но был вынужден отвлечься на Беневент и Сполетто, выступивших против него согласно договору с сарацинами; осаду Бари отложили. В 867 г. поход Людовика II также закончился плачевно — его армия потерпела сокрушительное поражение. Правда, затем, как мы увидим, дела франков пошли гораздо успешнее⁵².

Разумеется, это был естественный союзник Византии, с которым, однако, нужно было придерживаться стратегии в духе мудрой осторожности. Время неумолимо подгоняло Византийского императора, поскольку для него был очевиден военный перевес арабов в тех операциях, которые они предпринимали на Западе. Уже в 866 г. арабский флот под командованием полководцев Муфариг-ибн-Салима, Кальфуна и Саба в количестве 36 судов осадил важнейшую в стратегическом отношении крепость Рагузу (Дубровник) — самый укрепленный пункт Далмации. Осада длилась почти 15 месяцев, и обессилившие горожане направили послов к Византийскому царю с просьбой о помощи. Василий I не стал терять времени и тут же отправил 100 судов-хеландий под командованием друнгария флота Никиты Орифы к осажденным. Узнав о приближении римлян, арабы, изрядно истощившие свои силы в ходе долгой осады, спешно бежали; Рагуза была спасена.

К этому времени подоспело послание Василию I от Людовика II, в котором Западный император предложил василевсу союз (наконец-то!) и просил помощи византийского флота для взятия осажденного им города Бари. Король предлагал также заключить брачный союз, выдав свою дочь Ирменгарду за сына Византийского царя Константина. Эту идею поддержал и Римский папа, оценивший перемену в своих отношениях с Македоняниным. Наконец, формальности, как казалось, были преодолены, и Василий I отправил под Бари мощный флот во главе с патриkiem Георгием, причем к византийцам примкнули воины из множества славянских племен из Далмации, всерьез опасавшихся мусульман.

Зимой с 870 на 871 г. византийский флот подошел к Бари, но не предпринял никаких активных действий против сарацин. Как полагают, такая пассивность была обусловлена отсутствием положительного результата (все-таки!) в переговорах о браке наследников обоих престолов, который мог бы стать своего рода гарантией их верности друг перед другом. Кроме того, Василия I не могла не смущать известная односторонность действий западного союзника, который откровенно думал лишь о собственных интересах.

Еще летом 870 г. Людовик II, получив просьбу о помощи от населения Калабрии, помог им одолеть арабов, но потребовал взамен принести клятву верности. Затем, найдя формальный повод, франк напал на Неаполь и присовокупил захваченный город к своим владениям. Василия I поразило, что, присоединив к себе имперские территории, Людовик II даже не подумал поставить его в известность и справиться о мнении Византийского императора.

Конечно, союз Запада и Византийской империи против арабов был необходим, но реальные события демонстрировали, насколько шатким он являлся в действительности. Когда, наконец, в феврале 871 г. Бари был взят общим штурмом франков и византийцев, Людовик II также присоединил и этот город к своей державе, выделив византийцам лишь часть добычи за участие в войне как наемникам.

Как вскоре выяснится, он напрасно пробудил спящего льва, вполне обретшего свои силы. В ответ как ни в чем не бывало Византийский император публично объявил, что желает наказать пиратов, поднявших руку на легатов Римского епископа. Но на самом деле флот под командованием Никиты Орифы напал на сербские земли, т.е. грабил земли, принадлежащие Людовику II. Возможно, отношения между двумя государями окончательно бы расстроились, но в 872 г. Западный император попал в плен к герцогу Беневента Адальгизу и на время выпал из игры.

История этого пленения со всей очевидностью показала иллюзорность надежд венценосного франка на свое главенство в Италии и на Западе в целом. А также практически поставил крест на союзнических отношениях византийцев с франками. Определив для себя, что союз с Людовиком II не приносит с практической точки зрения тех дивидендов, которые можно было бы от него ожидать, затаив обиду на него, Василий Македонянин втайне договорился с греками Италии и Адальгизом о совместных действиях против франков. Конечно, с точки зрения этики это было далеко не самое благородное поведение по отношению к все еще союзнику, но, с другой стороны, практическая внешняя политика – не учебник для благородных девиц, и интересы государства часто допускают еще менее «эстетичные» комбинации.

Очевидно, император сумел убедить своих новых контрагентов, и вскоре большинство городов провинций Самнии, Кампании и Лукании признали над собой власть Константинополя. Правда, император Запада быстро вернул их себе, хотя и не смог овладеть хорошо укрепленной Капуей. В этот момент он и попался на хитрость герцога Беневента. Адальгиз прибыл во дворец Людовика II и в ходе частного разговора убедил того в своей преданности. Но ночью, когда император спал, герцог захватил дворец и самого монарха. Тому пришлось пережить постыдный плен и дать клятву Адальгизу в том, что никогда более не станет претендовать на итальянские владения Византийской короны и мстить Беневенту.

Разумеется, это был позор для императора Запада, и в 873 г., наполненный жаждой мести, он прибыл в Рим, где получил освобождение от клятвы, как данной под давлением непреодолимых обстоятельств. Папа объявил Адальгиза врагом Церкви и дал санкцию Людовику II на войну с герцогом. Правда, опасаясь все же, что франки признают его клятвопреступником, Людовик II отправил против Адальгиза вместо себя с войском собственную супругу. Но сражение не состоялось: герцог скрылся на Корсике, прекрасно понимая, что у франков нет флота, чтобы блокировать остров⁵³.

Это событие развязало руки Византийскому императору. У Василия I были все основания считать, что Лангобардские князья с большей охотой готовы признать его власть, чем подчиниться франку. Между союзниками возникли новые трения, которые замечательно иллюстрирует одно из писем Людовика II Василию Македонянину по вопросу о легитимности занятия отвоеванных территорий союзниками.

Этот вопрос имел не только сугубо политическую, но и идейную подоплеку – кто по праву владел императорским титулом, тот и мог считать эти земли своими. Вторая фигура в союзнической спарке могла лишь просить их себе на тех или иных условиях у законного собственника. Разумеется, обе стороны имели диаметрально противоположные мнения на сей счет, а потому между Людовиком II и Василием I разыгрался серьезный диспут. Когда император высказал соответствующие претензии франку, тот разродился пространном письмом, в котором попытался обосновать, что не Византийский царь, а именно он является единственным законным наследником короны правителей Священной Римской империи. Надо сказать, эта попытка выглядит несколько неуверенной. Нет, конечно, франк не сомневался в том, что является (также?) императором, но остерегся откровенно заявлять Василию I, будто тот нелегитимно носит пурпурную обувь.

«Напрасно мудрость твоя, – пишет Западный император Византийскому василевсу, – настаивает на капризном мнении, что другие, кроме тебя, не имеют права называться императорами (василевсами). Ты утверждаешь, что четыре патриарших престола на Святой Литургии упоминают одну Империю и что таково Святое Предание, идущее от святых апостолов, и советуешь убедить в этом тех, кто величает нас императором. Но даже дяди наши, славные короли, обращаются к нам с титулом императора и, как смею думать, признают это достоинство не ради возраста, поскольку старше меня, но во внимание к священному помазанию и возложению рук первосвященника и молитве, каковыми мы по Божественной воле возведены на эту величайшую степень и обладание Римской империей. И то вызывает смех, что ты говоришь по поводу императорского титула, что он не свойственен ни моим предкам, ни народу, когда известно, что Римские императоры происходили и из испанцев, и исаврийцев, и хазар. Разве ты станешь утверждать, что эти народы превосходят франков религией или доблестями? Ты удивляешься, почему мы называемся не Франкскими, а Римскими императорами? Но, не будучи Римским императором, я не мог быть и Франкским. Это имя и достоинство мы приняли от римлян, ибо Франкские вожди назывались сначала королями, а потом императорами, именно те, которые помазаны были от руки Римского епископа»⁵⁴.

Затем Людовик настоятельно объяснял, почему Бари должен принадлежать франкам, равно как Калабрия и Сицилия. Конечно, такие письма не могли не охладить отношений между двумя монархами и их державами. При этом диспут так и не дал ответа на главный вопрос: сколько императоров может быть у Священной Римской империи, и сколько вообще «Вселенских» империй может существовать на белом свете? Как следствие, территориальные споры вчерашних союзников оказались неразрешенными. А потому успех стал склоняться в сторону арабов.

Без поддержки франков византийцы бессильно взирали на то, как Сицилия, контролирующая все морские пути в Средиземноморье, постепенно подпадает под власть африканских арабов. Конечно, Василий I предпринял контрмеры, но в 868 г. византийский флот потер-

пел поражение от сарацинского правителя острова Хаваджа. Возвратившись 26 июня 868 г. в Палермо, где находилась его резиденция, Хаваджа в тот же день направил своего сына Мухаммеда с флотом для нападения на Италию, и вскоре тот вернулся с богатой добычей.

Развивая успех, ранней весной 869 г. Хаваджа попытался овладеть важной крепостью Таорминой, но без положительного результата. Решив реваншироваться за неудачу, в марте того же года он направил сына Мухаммеда к Сиракузам, подвластным Византийскому императору, но и эта попытка оказалась неудачной. В сражении, данном сарацинами, византийцы одержали блистательную победу, и Мухаммеду пришлось возвращаться в Палермо, где в июне один из берберов убил его отца – самого опасного на тот момент врага Константинополя. Подозревали (и, наверное, небезосновательно), что это убийство – дело рук византийской дипломатии и ее секретных служб.

В ответ полный энергией молодой вождь сарацинов вскоре захватил Мальту, остров Коссира (Понтеллария), Эгатские и Липарские острова. В результате Сицилия оказалась в мусульманском окружении, и византийскому флоту все труднее удавалось проникать в Сиракузы. По счастью для них, 27 мая 871 г. собственные евнухи убили Мухаммеда, и на время для Василия I Македонянина наступила передышка⁵⁵.

Попутно император попытался разобраться со старыми врагами Римской короны – павликианами, досаждавшими византийцам еще при императрице св. Феодоре и Михаиле III. Это крепко спаянная, многочисленная и хорошо организованная секта уже не раз создавала проблемы Византийскому правительству. Но первоначально Римский царь решил прекратить старую вражду миром. С этой целью в 869 г. он направил в Тефрику – главный город павликиан, епископа Петра Сицилийца, сочинение которого об этом путешествии дошло до нас. Но глава павликиан Хрисохир дерзко отказал императору в предложении мира и обмене пленными, выдвинув свои условия: безоговорочный отказ Василия I Македонянина от всей Малой Азии, которую следовало передать в руки павликиан. В противном случае Хрисохир грозился вообще лишит императора царства и разгромить Римское государство. С этими известиями Петр Сицилиец и вернулся в 870 г. в Константинополь⁵⁶.

Между прочим, из этого ответа легко можно определить, сколь беспомощной выглядела Византийская империя в глазах врагов и какие трудности пришлось преодолеть Василию Македонянину, чтобы изменить внешние представления о Римской державе.

Нет никаких сомнений, что ответ Хрисохира жестоко оскорбил Василия I. Особую его тревогу, как христианского правителя, вызвали известия Петра Сицилийца о том, что павликиане затеяли переговоры с болгарами и пытаются активно миссионерствовать среди этих неофитов. Конечно, в таком случае возникала реальная угроза повреждения веры у людей, совершенно не искушенных в православной догматике и организации церковной жизни. Кроме этого, создавалась опасность заполучить второй центр павликианства уже на Западе⁵⁷.

Получив секретные сообщения о том, что в данный момент восточные арабы вследствие внутренних неурядиц не могут поддержать павликиан, император весной 871 г. сам во главе войска двинулся на Хрисохира. К несчастью, в первом же сражении его армия потерпела поражение. Более того, Хрисохир сам перешел в стратегическое наступление и в 872 г. достиг Анкиры, лежавшей в Южной Галатии. Единственное, что удалось императору, – разрушить несколько малозначительных крепостей.

Но в том же 872 г. военное счастье улыбнулось все же уже римлянам: зять императора Христофор разгромил Хрисохира в сражении, а затем взял штурмом и до основания разрушил Тефрику, попутно присоединив к византийским владениям города Таранту, Локану, Куртикий. Самому Хрисохиму удалось бежать, но Василий I отдал приказ во что бы то ни стало схватить его. И вот как-то вечером, когда Хрисохир расположился лагерем на равнине, 1200 византийских воинов внезапно напали на его отряд. В ходе боя один из греков по имени Пуллад, ранее бывший в плену у павликиан и знавший Хрисохира в лицо, убил того копьем в бок, когда

вождь еретиков пытался скрыться на лошади⁵⁸. Голову грозного врага доставили в Константинополь, и император, потребовав свой лук, пронзил страшный трофей тремя выпущенными стрелами⁵⁹.

Победа римлян над павликианами была отмечена пышным триумфом императора в столице. На европейском берегу, куда царь переплыл на лодке, возвратившись из похода, его встречал весь синклит в сопровождении громадных толп константинопольцев с цветами в руках. Император вошел в храм Св. Иоанна Предтечи в Гевдомоне, где помолился, а затем, переодевшись в пурпурное платье, в сопровождении сына Константина направился к монастырю Богородицы близ Золотых ворот. Когда Македонянин въехал в столицу, весь город от Золотых ворот до Халки был устлан цветами и тканями. На площадке у Золотых ворот расположили палатки, куда привезли самых знатных пленников, лучшую часть добычи, захваченные знамена и оружие.

Царя встречали представители цирковых партий, надевшие праздничные одежды, с криками: «Слава Богу, возвратившему нам наших владык с победой! Слава Богу, возвеличившему вас, самодержцы римлян! Добро пожаловать, победоносные, храбрейшие государи!» Городской эпарх и царский наместник пали ниц перед Василием и Константином и по старому обычаю преподнесли царю золотой венец, как символ победы, а император отблагодарил их золотыми монетами. Продвигаясь по Константинополю, императоры дошли до храма Святой Софии, куда все вошли для торжественного богослужения. Затем был дан превосходный пир, после которого участникам похода и жителям столицы даровали различные и обильные милости царя⁶⁰.

Теперь, после победы над многолетними врагами, византийцы вышли на старые границы своей державы, соприкасающиеся с исконными арабскими землями. Однако в это же время стало ясно, что победы римского оружия делают неизбежными новые столкновения византийцев с восточными сарацинами, поэтому император решил разработать план военных действий на следующий год. Он правильно учел, что у арабов продолжается междоусобица, и в 873 г. начал поход, имевший своей целью взятие города Малатия.

Тщательно продумав предстоящую операцию, Василий I отдал приказ захватить несколько мелких крепостей, должных обеспечить безопасность продвижения римской армии. Он прошел с войском всю Малую Азию, а затем направил своего полководца с отрядом войск для взятия города Запетра. Приказ был успешно выполнен, и византийцы, захватив множество пленных, добычу и освободив большое количество христиан, томившихся в мусульманском плену, вернулись к императору, ставшему лагерем на реке Зарнук.

После этого византийское войско двинулось к Малатии, и их отдельные отряды даже переходили Евфрат, но в итоге христиане потерпели поражение в данном арабами сражении. Чтобы несколько сгладить эту неловкость, император Василий I вторгся на соседнюю территорию, где захватил несколько второстепенных крепостей. Все же и такие успехи не казались современникам ничтожными – как-ни-как, но уже давно Римские императоры не поили своих лошадей из Евфрата. Был организован новый триумф Македонянина, и патриарх св. Игнатий торжественно возложил на его главу венец победителя⁶¹.

Стало очевидным, что борьба на два фронта – с африканскими и восточными арабами без помощи других христианских держав пока Византии не по силам. Напротив, арабы начинали демонстрировать завидную слаженность в действиях. В сентябре 871 г. мусульмане Калабрии обратились за помощью к своим единоверцам в Африке, чтобы отвоевать обратно Бари, и вскоре Аглабитский правитель направил к ним свое войско, ведомое Абдаллах-ибн-Якубом, заранее назначенным правителем Италии (!), на Салерно.

Город был осажден и после нескольких месяцев осады уже готов был открыть свои ворота мусульманам, но Людовик II, все еще остававшийся в Италии, разбил сарацин в сражениях при Сан-Мартино и у Беневента. Арабы срочно сняли осаду и ретировались. Как уже говорилось,

эти земли находились в сфере интересов Константинополя, и потому в 873 г. Василий I направил в Отранто войско во главе с патрикием Григорием, чем вызвал новое недовольство Людовика II.

Василию I постоянно приходилось быть очень осторожным, старательно лавируя между многочисленными и опасными арабами, и своим, таким ненадежным, западным союзником. Но в целом победа начала склоняться уже в его сторону. Когда критские арабы прознали о перемещении византийских войск в Италию, они тотчас организовали внушительную флотилию и устроили настоящий грабеж Далмации, опустошив даже Святую гору Афон. Но друнгарий флота, непобедимый Никита Орифа, разгромил разбойников, потопив 20 судов сарацин; из всего их флота спаслось лишь 7 кораблей. Арабы попытались было перестроиться и организовать нападения на западные берега Пелопоннеса, но и здесь неутомимый Никита Орифа разбил их в морском сражении. Эта битва настолько деморализовала критян, что они срочно запросили мира у Римского императора сроком на 10 лет⁶².

Вслед за этим тяжелое поражение было нанесено арабам при попытке овладеть ими городом Еврипид (Халкида) на Эвбее. Теперь император Василий Македонянин решил вернуть остров Кипр, захваченный арабами еще в 825 г. Поход был успешным: его войско под командованием стратига Алексея, этнического армянина, в 874 г. провело удачную операцию, освободив остров от власти сарацин.

Но в это же время осложнились дела в Италии: в 875 г. умер король Людовик II, и теперь внутренние раздоры между Беневентом, Салерно, Неаполем, Амальфи и Гаэтой фактически открыли сарацинам путь на полуостров. Следует сказать, что покойный монарх являл собой достойную и величественную картину. Стоит лишь сожалеть о том, что он и Василий Македонянин так и не смогли соединить усилия, дабы преодолеть разногласия и вражду, глухо таящуюся между двумя великими народами христианской цивилизации. Непредубежденный и вдумчивый современник дал следующую характеристику покойному государю Запада: «Это был христианнейший князь, по вере католик, достаточно сведущий как в светских, так и в церковных науках; усерднейший исполнитель всего, что требует благочестие, мир и справедливость, хитрый нравом и разумнейший в советах. Никто не мог подкупить его дарами и никому не раздавал он за деньги ни церковных, ни светских должностей; но церковные чины приобретались добрыми нравами и святым образом жизни, а светские – преданной службой и верностью»⁶³.

Теперь, после его смерти, франки, по обыкновению, никак не могли поделить отцовские престолы, тратя свои силы не на арабов, а на междоусобицы. 52-летний Карл Лысый (875—877) – последний сын императора Людовика I Благочестивого, попытался занять Лотарингию и Италию. Но его возможности были весьма ограничены. Несмотря на все старания, Карл так и не сумел вернуть себе восточные территории, где покоился прах его великого деда. Отныне и на долгое время центр императорской власти на Западе все более ограничивался Западной Франкией. Но и там его власть была далеко не безусловной – император все более был вынужден вступать в сделки с аристократией, и престиж его титула уравнивался многочисленными обязательствами Карла Лысого перед франкскими вельможами. Автономия и амбиции светских аристократов находили отпор исключительно в Западной церкви, и вследствие этого авторитет Рима и его епископа все более возрастал в глазах рядовых христиан. Едва ли, с учетом всего сказанного, Карла Лысого можно было назвать могущественным владыкой⁶⁴.

Тем не менее, надеясь на его армию, папа венчал Карла Лысого императором Западной Римской империи. Но тот немедленно вступил в войну со своим старшим братом Людовиком Немецким – королем Восточно-Франкского королевства (будущей Германии) и был разбит в сражении. Сразу же после этого итальянцы отреклись от своего неудачливого правителя, а вскоре тот скончался⁶⁵.

Карл Лысый был далеко не одинок в череде несчастных королей – словно бич Божий опускался на плечи отпрысков Карла Великого, и они умирали один за другим в молодом воз-

расте или рождались с тяжелыми болезнями. Баварский король Карломан II (879—884) – старший из сыновей Людовика Немецкого, разваливший державу отца, в 35 лет был разбит параличом и через два года отрекся от престола. Но в 880 г. у его брата – 33-летнего Людовика III Молодого также обнаружились признаки тяжелого недуга, и он скончался в 882 г. Желая не допустить безвластия, папа Марин I (882—884) спешно венчал императором Карла III Толстого (884—887), еще одного сына Людовика Немецкого. Понтифик прилагал титанические усилия для того, чтобы восстановить единую централизованную власть в обеих частях Западной империи.

Как ему казалось, ситуация, в которой пришлось действовать Карлу III, объективно на руку смелому претенденту на императорство в Западной империи, поскольку за неимением других наследников он мог беспрепятственно предъявлять претензии на единовластие. Ведь Карл Толстый уже являлся королем Восточно-Франкского королевства с 876 г., кому, как не ему, теперь стать государем и Западной части некогда могущественной державы Карла Великого?! Но Карл III совсем не обладал достоинствами своего замечательного деда. В 885 г. он с большой армией не смог предотвратить осады Парижа норманнами, а в 887 г. сильно заболел, отказался от императорской короны и вскоре скончался от инсульта⁶⁶.

Теперь императорская корона стала ничего не стоящей игрушкой в руках франкских правителей. Единая Западная империя раскололась на Восточно-Франкское и Западно-Франкское королевства. Затем, вследствие борьбы сыновей со своими отцами и между собой, в автономные политические образования выделились Бавария, Тюрингия, Саксония, Италия, Лотарингия и Аквитания. Междоусобица осложнялась тем, что в это же время жесточайшие по своим последствиям набеги норманнов стали не просто обычным, а системным явлением для побережья Франции и даже внутри Западно-Франкского королевства.

Но если оба франкских королевства должны были решать норманнскую проблему самостоятельно, Италия находилась в лучших условиях – у них появился единственный, но все более и более возраставший по силе союзник – Византийский император, обладавший к тому времени уже сильным флотом и весьма боеспособной армией. Разумеется, в случае опасности именно к нему летели письма о помощи.

Так, в 876 г. понтифик Иоанн VIII (872—882), вымаливая помощь, писал Василию Македонянину: «Города, крепости и села уничтожены вместе с их жителями, епископы разогнаны, в стенах Рима ищут приюта остатки совершенно беззащитного народа. За стенами города все разорено и превращено в пустыню. Вся Кампания лишена своего населения; и мы, и монастыри, и другие благочестивые учреждения, и Римский сенат оставлены без средств к существованию. Окрестности города опустошены до такой степени, что в них нельзя найти ни одной живой души, ни взрослого, ни ребенка»⁶⁷.

И, надо сказать, василевс не оставлял такие просьбы без внимания. Когда жители Бари обратились к Византийскому императору, стратиг Григорий с флотом по его приказу отплыл из Отранто и взял город под охрану. Обрадованный папа Иоанн VIII тут же написал Македонянину письмо, в котором горячо благодарил того за помощь Римской церкви и просил выделить корабли для охраны морских вод Западной Италии⁶⁸.

В эти годы Византийский царь начал пожинать плоды блестящей западной стратегии прежних лет. В 876 г. Василий I восстановил византийское влияние на славяно-италийско-франкской границе и назначил Венецианского дожа своим протоспафарием, вследствие чего Константинополь начал властвовать над хорватскими славянами. В 877 г. императору удалось захватить часть франкской Далмации. Затем Македонянин утвердил на хорватском троне Здеслава (878—879), приславшего посольство в Константинополь⁶⁹.

В 876 г. Македонянин совершил еще один удачный поход против павликиан и арабов, опустошив все территории, расположенные между Тарсом и Марашем. Предпринятый сарацинами в 878 г. поход закончился для них страшным поражением, и лишь в 883 г. им уда-

лось взять некоторый реванш у византийцев. Война показала, что силы сторон, при очевидном стратегическом превосходстве византийцев, все еще почти равны. А потому оба противника не стремились к большим территориальным приобретениям, поставив перед собой главную задачу истощить вражеские владения. Как следствие, в эти годы пышным цветом расцвел морской разбой, причем здесь перевес наблюдался уже у мусульман – их быстроходные корабли иногда доходили чуть ли не до гавани Константинополя. Перевес арабов на море самым печальным образом сказывался на результатах столкновений вековых врагов. И успехи византийцев на Востоке часто перемежались с обидными и горькими поражениями⁷⁰.

В августе 877 г. правитель Африки Ибрахим-ибн-Ахмед, деятельный и энергичный воин, уничтожил посеы вокруг Сиракуз и осадил город с моря и суши. К несчастью, император почему-то не придал большого значения известию об этом нападении – видимо, посчитал этот поход очередной грабительской экспедицией, не способной захватить хорошо укрепленный город; и поплатился за это. Конечно, нужно было действовать более решительно, но следует принять во внимание то, что император был вынужден выделить много кораблей для охраны острова Кипр и поэтому оказался не в состоянии защитить сразу два пункта обороны. Правда, Василий I направил на помощь городу небольшой флот под командованием полководца Адриана, но тот легкомысленно остановился в гавани города Монемвасии и все ждал попутного ветра на Сиракузы. Настолько долго, что известие о взятии последнего на Сицилии христианского города застало его еще в Греции.

Хотя героическая оборона Сиракуз продолжалась до мая 878 г., 21 числа этого месяца арабам удалось пробить брешь в одной из крепостных башен и ворваться в город. Один из отрядов под командованием Иоанна Патрина заперся в цитадели, но был полностью уничтожен. У храма находилось еще несколько десятков вооруженных византийцев, попытавшихся спасти мирных жителей, но и тех перебили мечами. Выломав двери церкви, где прятались горожане, сарацины вырезали всех женщин, стариков и детей, находившихся внутри его. Стратиг города попытался во главе отряда из 70 воинов пробиться сквозь строй врагов, но был схвачен в плен, а на восьмой день после взятия города умерщвлен. Его товарищи также были убиты мусульманами: их забили камнями и палками. С особой жестокостью был казнен некто Никита из Тарса, известный сарацинам тем, что ежедневно с крепостных стен поносил пророка Мухаммеда.

Мужество защитников поразило даже издававших виды арабских летописцев, равно как и жестокость их единоверцев – только знатных лиц погибло более 4 тысяч человек. Два месяца арабы собирали обильную добычу, а затем вернулись в Палермо, до основания разрушив некогда сильнейший город острова. В довершение всех бед другой византийский флот, посланный запоздало Василием I для обороны Сиракуз, почти полностью погиб в сражении с арабами⁷¹.

Потеря Сиракуз стала переломным моментом во внешней политике Византийского императора. Он отложил в сторону наступательные планы на Западе, полностью сосредоточившись на обороне своих восточных владений, выбирая направление движения своей армии по мере поступления сообщений о нападениях врагов. В 878 г. греки из Киликии, Каппадокии и Селевкии, ведомые пятью стратигами, неожиданно напали на арабский отряд численностью 4 тысячи воинов и почти полностью разгромили его: удалось убежать не более 500 сарацинам.

Данный успех был не единственным: в январе 879 г. 30-тысячная византийская армия вторглась в область Урхуза. Они взяли в плен самого правителя этого региона, 400 воинов и убили почти 1,5 тысячи сарацин. А весной этого же года император вместе с сыном Константином во главе другой армии отправился к сирийской границе. Он захватил три арабских города, и местный правитель спешно искал спасения в бегстве. Затем византийские полководцы разрушили еще несколько важных арабских крепостей, внушая ужас врагам.

Для всех стало понятным, что, перестроившись, византийцы добились громких успехов: в течение последующих 10 лет их войска постоянно тревожили крепости Самосат и Малатью и даже захватили важный в стратегическом отношении город Лулуу. Но и в поле удача все

чаще начала поживать на голове христианских воинов. В 879 г. были разгромлены арабы под командованием Абдуллы ибн Рашида ибн Кавуса, а их командующий попал в плен. В следующем году 30-тысячная византийская армия вошла в Адану, а затем захватила Диярбакр. Чуть позднее греки дошли до Тарса, и арабы с великим трудом отстояли город⁷².

Но в конце 879 г. императору пришлось срочно оставить армию и вернуться в Константинополь: заболел его старший сын Константин. Все попытки поднять наследника на ноги не увенчались успехом, и юноша умер в декабре 879 г.⁷³ К сожалению, эта потеря самым негативным образом сказалась на уже давно немолодом царе: с этих пор он часто впадал в глубокую депрессию, и на него даже находили приступы кратковременного безумия⁷⁴.

Между тем успехи на арабском фронте становились уже обычным явлением. Хотя после взятия Сиракуз сарацины продолжали организовывать новые рейды по всему итальянскому побережью, но в 880 г. потерпели тяжелейшее поражение в морской битве у берегов Греции. Стратиг Назар – организатор победы – направился к берегам Италии, где соединился с сухопутным войском византийцев под командованием протовестиария Прокопия и Льва Апостиппа, стратига Фракии и Македонии. Вместе эти блестящие военачальники одержали целый ряд побед, в частности, вновь разгромили арабский флот и захватили целый ряд важнейших городов и крепостей. Правда, настроение византийского войска было переменчивым, как морской ветер, и офицерам нередко приходилось предпринимать жесткие меры, чтобы восстановить дисциплину. Так, в ходе военных действий некоторые матросы византийского флота попытались дезертировать, но по приказу Пелопоннеского стратига Иоанна Критского их посадили на кол. Как следствие настроение солдат резко изменилось и вновь стало боевым.

Развивая прошлые успехи, победоносный флот продолжил наступление на арабов. Восторженный папа, противопоставляя короля императору, описывал Карлу Лысому, какие великолепные победы одержаны византийцами над арабами. Как живой современник тех событий, понтифик не мог не отдавать себе отчета в том, что родоначальник Македонской династии являл собой полную противоположность потомкам Каролингов. Стало ясным, что если кому и было по силам вернуть Италию христианской цивилизации, так только Василию I⁷⁵.

Не только Восток восторгался победами византийского оружия, в скором времени уже Беневерт признал власть Византийского императора, а Бари открыл свои ворота войскам Василия I. В течение 7 лет византийцы владели Кипром, попутно укрепившись в Пелопоннесе, Далмации и Средней Греции. Южная Италия почти вся вернулась под Византийскую корону или контролировалась Константинополем.

Но и Византийский император внес коррективы в свои стратегические планы. Ему стало ясным, что его прежняя линия на сближение с Римским епископом даже путем принесения в жертву некоторых интересов Византии в церковных вопросах лишена смысла. Западные державы не стали союзниками византийцев в борьбе с сарацинами, Рим по-прежнему претендовал на Болгарию, а в самом Константинополе недавняя переориентация царя на союз с папой в ущерб столичному архиерею вызвала глухой ропот в народе. И нет никаких сомнений в том, что все эти события имели самое непосредственное отношение к новой церковной политике, которую император Василий I начал вскоре проводить⁷⁶.

Глава 4. Собор «В храме Святой Софии» 879—880 гг. «Прохирон» и «Эпанагога». Смерть императора

По завершении Собора 869—870 гг. понтифик искренне полагал, что после тех услуг, какие были с его стороны оказаны императору и лично св. Игнатию, он вправе рассчитывать на встречное уважение и в первую очередь на передачу церковного окормления Болгарии Риму. Увы, действительность грубо растоптала его мечты, заставив апостолика действовать решительно и высказываться более категорично. Правда, с учетом внешнеполитического положения Рима, державшегося исключительно за счет поддержки Византийского царя, он не посмел дерзить Василию I, зато полностью излил свой гнев на св. Игнатия.

«Как ни велики были знаки благосклонности, какие показывал ранее император папскому престолу, – пишет он василевсу, – теперь они готовы, однако, совсем стереться. Соепископ наш Игнатий дерзнул поставить предстоятеля в страну Болгарию, чему мы удивляемся, а вы, со своей стороны, тому благоприятствуете, чем мы изумлены. Поэтому просим вас: увещайте Игнатия отказаться от юрисдикции в Болгарии, иначе и он сам не избежит законного отлучения».

Тональность письма понтифика к Константинопольскому патриарху была, конечно, совсем иной. Без всяких стеснений и церемоний папа пишет патриарху: «Уже дважды я в письмах увещевал тебя, чтобы ты довольствовался Константинопольским диоцезом, который дан тебе в силу авторитета Римской кафедры и пределов этого диоцеза не должна переступить твоя нога!» – пишет он св. Игнатию, нисколько не сдерживаясь в чувствах и выражениях. – «Но ты, закрыв глаза, безрассудно поправ определения Святых Отцов, своей благодетельнице, Римской церкви, заплатил неблагодарностью, присвоил себе древнюю Римскую епархию в стране Болгарии. Уже за это ты заслуживаешь лишения церковного общения, но ради снисхождения мы в третий раз обращаемся к тебе письменно и увещеваем тебя: чтобы в течение 30 дней ни одного епископа, ни одного духовного, посвященного тобой или тебе подчиненными епископами, не оставалось в Болгарии». В противном случае папа обещал наложить на св. Игнатия епитимию, а затем лишить патриаршества и вообще низвергнуть из священства⁷⁷.

Естественно, содержание этого письма не являлось секретом для императора, и он стал понемногу вносить коррективы в свою церковную политику. Как опытный правитель, Василий I понял, что св. Игнатий оказался не в состоянии преодолеть образовавшийся церковный раскол на Востоке, где нередко в епархиях фактически находились по два епископа – один, поставленный св. Игнатием, другой – св. Фотием; случай, совершенно недопустимый по церковным канонам. Патриарх св. Игнатий вконец запутался между своими пристрастиями к «папской» идее, царскими указаниями и собственным клиром, где все громче раздавались голоса недовольных, которые обоснованно указывали на совершеннейшее забвение былых привилегий Константинопольского престола⁷⁸.

Но самую большую обеспокоенность императора вызывал описанный выше «болгарский вопрос» – кто вправе духовно окормлять Болгарию: Рим или Константинополь. Очевидно, для него было далеко не безразлично, как этот вопрос решится: по существу, речь шла о возможности политического влияния на беспокойного соседа. Василий Македонянин прекрасно понимал, что тот характер отношений, который сложился между Римским епископом, Константинопольским патриархом и Византийским царем, не может продолжаться вечно, а в силу своей неопределенности и искусственности рано или поздно неизбежно приведет к жестокому расколу.

На настоящий момент времени папа пока еще опасался открыто выступать против императора, всецело завися от его военной помощи. Но завтра, когда обстоятельства изменятся, таким ли уж лояльным останется Римский епископ? Вопрос, конечно, риторический. С учетом

же того, что папа уже более 100 лет все более и более тяготел к союзу с Западным императором, чем к восстановлению прежней близости с Константинополем, церковный вопрос относительно Болгарии очень быстро и легко мог трансформироваться уже в сугубо политическую проблему. Утрачивать же влияние Византии на Болгарию Македонянину совершенно не хотелось – он прекрасно понимал всю важность этой страны для своей державы. А потому император решил осторожно и незаметно «переиграть партию», вызвав из небытия униженного и лишенного всех прав св. Фотия.

Судьба опального патриарха первое время после Собора 869—870 гг. была печальна: его сослали в Стенос, где располагалось много монастырей, и держали на положении государственного преступника. Даже он, мужественный и характерный человек, писал в одном из писем друзьям: «Не говорю о чем-либо ином, я требую просто, чтобы соблюдались в отношении меня права человека. Я заточен, разлучен с родственниками, друзьями, слугами, у меня отнято всякое человеческое утешение. Моя жизнь хуже смерти». Однажды экспатриарх серьезно заболел, но тщетно в течение 30 дней просил пригласить к себе врача. Но, к разочарованию «игнатиан» и Византийского правительства, ни св. Фотий, ни его сторонники так и не приняли определенный недавнего Собора, равно как и патриаршество св. Игнатия. Более того, ни один епископ, посвященный в сан св. Фотием, не признал нового патриарха.

Но теперь для них все изменилось. В 876 г. был отозван из ссылки св. Фотий, которому император предоставил для жительства Магнаврский дворец и поручил, как педагогу, воспитание своих детей. Для знающих людей, к которым следует отнести не только придворных сановников, но и столичный клир вместе с патриархом, это был не просто знак, а символ грядущих решительных изменений. Затем с разрешения василевса бывший патриарх организовал великолепную библиотеку и попутно открыл школу для обучения детей высших сановников. А вскоре Василий I предпринял довольно рискованную комбинацию для снятия анафем со св. Фотия и его сторонников.

Разумеется, св. Фотий интересовал императора исключительно в качестве предстоятеля Восточной церкви. Но как вернуть св. Фотию ранее отобранное? – вот вопрос. А потому объективные обстоятельства вынуждали царя вновь отправить соответствующие запросы в Рим, к папе, ведь без него сделать это было невозможно. На этот раз послание ушло к Иоанну VIII – тот стал понтификом после смерти Адриана II. Однако если император ранее обращался к апостолику с тем, чтобы низвергнуть св. Фотия, то теперь волей-неволей приходилось прибегать к его услугам, но с противоположной целью.

Василевс отдавал себе отчет в том, что в создавшейся ситуации требовался внешний (для Восточной церкви) духовный авторитет, чтобы примирить «игнатиан» с «фотианами», не задействуя ресурс императора: по обыкновению, Василий I желал официально оставаться над событиями. Эта задача казалась тем более сложной для выполнения, что св. Игнатий был еще жив и занимал Константинопольский престол. Но не успел папа ответить на первое (и осторожное) письмо царя, как 23 октября 877 г. св. Игнатий скончался в возрасте 80 лет. Рассказывают, что перед смертью он поинтересовался, какой нынче праздник, а затем умер со словами: «Живите благополучно! Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь»⁷⁹.

Прошло буквально 3 дня, и св. Фотий вновь занял патриарший престол византийской столицы, к несказанной радости подавляющего большинства восточных епископов и мирян. Тем не менее проблема примирения нового патриарха с Римом сохранялась, и это стало новой, главной задачей, которую должен был решать император. Трудность ее обуславливалась тем, что такой исход с железной последовательностью означал необходимость для папы Иоанна VIII отозвать те декреталии, которые ранее выносились его предшественниками на Римском престоле по данному вопросу.

Впрочем, Василий Македонянин точно учел, что военная зависимость папы от него все еще продолжала сохраняться, и тонко на этом сыграл. Он дал понять папе, что только примирение двух «вселенских» кафедр может дать мир Кафолической Церкви и обеспечит успех в войне с арабами. А победив, он, как единственно легитимный Римский император, в состоянии положительно решить вопрос о Болгарии. Но это как бы к слову, а сейчас главное решить вопрос о восстановлении св. Фотия на патриаршестве.

И папа Иоанн VIII не смог удержаться от соблазна получить вожделенную болгарскую страну в свои владения. Он положительно ответил императору, найдя доводы, позволяющие с честью и с выгодой, как казалось Римскому епископу, выйти из затруднительной ситуации. Вкратце «теоретическое» обоснование политического «реверса» заключалось в следующем. Во-первых, Константинопольская кафедра вдовствует, а потому ее может занять любое другое лицо, пусть даже и св. Фотий. А, во-вторых, как преемник апостола Петра, папа сам волен решать, кому достанется патриаршество, тем более что за св. Фотия просил лично Римский император – единственный законный владыка Вселенной⁸⁰.

К несказанному удивлению «игнатиан», новый папа объявил их не исповедниками и мучениками, как ранее поступали предшественники Иоанна VIII, а преступниками. Выговорив «игнатианам», папа подал им единственный совет – срочно признать св. Фотия Константинопольским патриархом и вступить с ним в церковное общение. По его мнению, не надо смущаться тем, что ранее св. Фотий был анафематствован: как заметил папа, «Церковь Христова получила власть разрешать всякие узы»⁸¹.

В августе 879 г. Иоанн VIII разослал окружное послание всем епископам, в котором призывал тех войти в общение с новым Константинопольским патриархом. По договоренности с императором было решено созвать новый представительный Собор в Константинополе, который и начал свою работу в ноябре 879 г. в храме Святой Софии. Это было поистине грандиозное собрание: помимо трех папских легатов и представителей восточных патриархов, здесь присутствовало 383 архиерея, из них 80 митрополитов и архиепископов. Конечно, это не шло ни в какое сравнение с представительством на Соборе 869—870 гг. Председателем Собора стал сам св. Фотий, занявший почетное место.

После открытия первого заседания патриарх и легаты облобызали друг друга, воздав благодарение Богу, приведшему их в Константинополь. Легаты зачитали письмо папы, уверив св. Фотия и всех присутствующих в том, что понтифик питает глубокую любовь к новому патриарху Константинополя. Они передали св. Фотию и подарок от папы Иоанна VIII в честь его восстановления на патриаршей кафедре – фелонь, омофор, стихарь и остальные части богослужебного одеяния.

Посыпались обратные славословия в адрес апостолика, которого сам св. Фотий назвал «подражателем Христу, первому и верховному Первосвященнику». Выступило несколько горячих приверженцев нового патриарха, в богатых выражениях описавшие мудрость, кротость и благочестие своего кумира и главы Восточной церкви. Правда, в славословиях в адрес Рима уже прозвучали первые «шпильки». Так, выражая глубокую признательность за помощь и перечисляя заслуги Римской кафедры, византийцы тем не менее ядовито дали понять, что именно чрезмерная ревность предыдущих понтификов по своим надуманным прерогативам поссорила Запад и Восток. Видимо, латиняне, не знавшие греческого языка, плохо поняли смысл отдельных реплик, поскольку никак не отреагировали на неприятные для них оценки. Напротив, в конце первого заседания они подтвердили факт церковного общения папы и Константинопольского патриарха, а также попытались выяснить, нет ли среди присутствующих тех, кто против св. Фотия. Таковых не нашлось, и после этого первое заседание завершилось⁸².

Второе заседание, проходившее 17 ноября 870 г., было еще более торжественным. Святой Фотий вновь председательствовал, а легатам предложили вторые места после него – наглядная картина, свидетельствующая о том, насколько разнились новый и покойный патриархи.

Было зачитано письмо папы императору, в котором, между прочим, понтифик отмечал, что принимает Константинопольского епископа в общение и восстанавливает его в патриаршем достоинстве.

Представители восточных патриархов также заявили, что еще до Собора приняли св. Фотия в церковное общение, тем самым несколько сбив пафос речи римских послов. Легаты несколько раз вопрошали, все ли епископы принимают св. Фотия в качестве легитимного патриарха, на что получили утвердительный ответ. А затем задали вопрос: принимает ли Собор послание папы со всеми его подробностями? Очевидно, они желали таким способом «с налету» решить вопрос о церковном окормлении Болгарии, но получили неприятный ответ: «Все, что касается главы Церкви и признания св. Фотия патриархом, мы принимаем. Но то, что относится до дел государственных и императора, то мы решение их предоставляем самому императору». Хотелось или нет, но легатам пришлось напрямую дискутировать вопрос о Болгарии.

Но не тут-то было: в своей ответной речи св. Фотий отметил, что никогда не искал присоединения к своей патриархии болгарских земель, поскольку для него это – увеличение забот и трудов. Легаты похвалили его: «Ты правильно мыслишь и правильно поступаешь». Но тут слово взяли два митрополита – Прокопий Кесарийский и Григорий Эфесский, заявившие: «Можно надеяться, что Бог поможет нашему императору подчинить своей власти все страны света, тогда он сделает новый передел патриархатов и удовлетворит желания всех высших иерархов». Собор тут же согласился с их мнением, заявив, что не дело епископов устанавливать церковные границы и что вообще это нужно предоставить будущему времени⁸³.

Видимо, в отместку легаты вновь начали вопрошать о том, каким образом – т.е. законно или нет, – вошел св. Фотий на патриаршую кафедру, и не было ли при этом тирании? Им тонко ответили, что есть большая разница между тиранией и увещанием, и вообще не ясно, почему и отчего вдруг возник вопрос о тирании? Легатам пришлось лишь уклончиво ответить, что данные слова их удовлетворили. Предоставили слово самому св. Фотию, поведавшему, что он никогда не домогался патриаршей кафедры, а вошел на нее по приказу императора; и все епископы подтвердили эти слова. Затем патриарх рассказал, что когда был возвращен царем из ссылки, то принимал в своем дворце св. Игнатия, с которым они просили друг у друга прощения и пали в ноги.

Латинянам не очень понравились слова св. Фотия о том, что именно воля императора возвела его повторно на патриарший престол, и они заметили, будто патриарх обязан своим восстановлением Римскому папе, который и раньше не раз восстанавливал опальных архиепископов, а никому другому. На что св. Фотий ответил по своей «формуле»: «Благодарим Христа, Бога нашего, а также папу Иоанна, ибо он показал себя твердым в борьбе с схизматиками и содействовал общему умиротворению Церквей». Но его мысль о том, что Восточная церковь сама, без помощи понтифика привела св. Фотия к патриаршеству, была подтверждена письмами остальных патриархов, зачитанными тут же на заседании⁸⁴.

Третье заседание произошло 19 ноября 879 г. и продемонстрировало, насколько различной стала каноническая практика на Западе и Востоке. Легаты прочитали очередное письмо папы – на этот раз самому св. Фотию, в котором понтифик несколько сетовал на появившийся в Восточной церкви обычай ставить епископов из мирян. Святой Тарасий и св. Фотий являются прекрасными пастырями, замечал апостолик. Но сама по себе эта практика порочна.

Вновь был возбужден вопрос о Болгарии, как его сформулировал в письме папа, в короткой и ригоричной редакции: Константинополь обязан признать римскую юрисдикцию над данной территорией. Однако и эта попытка навязать Восточной церкви свою волю оказалась для понтифика и его легатов безуспешной. На вопрос папского посланника: принимают ли все епископы письмо понтифика, византийцы вновь ответили, что не вправе вмешиваться в компетенцию императора и не уполномочены определять границы епархий и их юрисдикцию, поскольку это – право василевса.

По поводу же посвящения мирян в епископы Прокопий Кесарийский сделал легатам довольно жесткую отповедь: «На это нет церковного воспрещения. Латиняне ссылаются на правила Сардикского собора 343 г., но в этих правилах запрещается избирать в епископы лишь тех мирян, которые обременены богатствами или проходят адвокатскую деятельность, а таких лиц Восточная церковь никогда не возводила в епископское достоинство. Да если бы какое церковное правило запрещало всех без исключения мирян избирать в епископы, то такое правило должно быть утверждено не Поместным, а Вселенским Собором, чтобы иметь силу закона. В таком случае правило имело бы обязательную силу для тех Церквей, где обычай не утвердил другой практики, ибо часто право обычая устраняет писанные правила»⁸⁵.

Такое суждение было, конечно, очень неприятно для легатов, поскольку на данные аргументы было трудно возразить. Их особенно поразило то, что византийцами совершенно отрицалась столь дорогая для Рима латинская редакция канонов Сардикского собора, на которой курия строила свою теорию о первенстве папы в Кафолической Церкви. Однако в данный момент им оставалось только слушать опровержение этих аргументов.

Прокопия Кесарийского активно поддержал другой друг св. Фотия, Захарий Халкидонский. Он добросовестно разобрал канонические предпосылки для поставления мирян в епископы, привел исторические справки об избрании архипастырями таких светочей Православия, как св. Амвросий Медиоланский, патриарх Нектарий, Евсевий Самосатский, Ефрем Антиохийский. «К чему человека, украшенного добродетелями, нужно наперед заставлять проходить низшие церковные степени для получения епископства, как скоро эти добродетели уже приобретены им?» – закончил он свою речь. Легатам ничего не оставалось, как согласиться с общей оценкой Собора⁸⁶.

Из других событий, на которые было богато третье заседание, следует особенно отметить довольно неожиданное публичное прочтение легатами папских инструкций, данных им перед началом Собора – дело беспрецедентное, труднообъяснимое и совершенно невыгодное в данный момент времени самим легатам. Ведь помимо других поручений в своих инструкциях папа особо наставлял легатов относительно Собора 869—870 гг.: «Хотим, чтобы Собор, бывший при папе Адриане в Константинополе, считался отвергнутым, лишенным значения и чтобы он не причислялся к прочим святым Соборам». Едва ли можно точно указать, почему папа высказал столь суровую оценку «VIII Вселенскому Собору», как его любили называть в Риме, но, очевидно, этот факт очень важен для опровержения и этой, явно завышенной, оценки бывшего Собора, и пресловутой «папской непогрешимости». Конечно же, греки восторженно воскликнули, что, признав св. Фотия законным патриархом, они тем самым уже анафематствовали Собор 869—870 гг.⁸⁷. Легаты поняли, что попались в собственную же ловушку: одно дело не признавать Собор 869—870 гг. «Вселенским», другое – анафематствовать его; но было уже поздно.

Четвертое заседание знаменитого Собора состоялось лишь 24 декабря 879 г., т.е. после месячного перерыва, вызванного «рабочими» встречами с представителями партии непримиримых «игнатиан», не желавших вступать в общение со св. Фотием. Как следует из объяснений легатов, им удалось склонить тех к миру, и они покаяться в своих ошибках. Раздосадованные тем, что им так и не удалось выполнить инструкции понтифика по «болгарскому вопросу», легаты вновь попытались вернуться к нему. Куда там! Блестяще владевшие риторикой восточные епископы в очередной раз повторили, что это – дело императора.

А чтобы несколько смягчить удар, византийцы перешли на неопределенные формы словесий в адрес Константинопольского патриарха и Римского папы. «Любовь и духовное братство между Римским первосвященником и нашим патриархом, – кричали они, – так велико, что они составляют как бы одну душу. Поэтому можно считать, что они как бы сообща управляют подведомственным им народом и подчиненными их власти странами. И каждый из них в приобретении другого видит свое собственное приобретение».

Ясно, что такой идиллической картины не было даже во времена Древней Церкви, когда земные вопросы не так глубоко влияли на взаимоотношения между различными епископами. Что же говорить о IX веке, полном церковных расколов? Конечно, эта тирада – почти не скрываемая издевка, на которую легатам было нечего возразить.

Опять возникла тема посвящения мирян в епископы, и теперь византийцы выразились более «канонично»: «В каждой Церкви есть свои обычаи, наследованные от древних времен. Их находят в Церквях Римской, Константинопольской и прочих восточных патриархатах. Если Римская церковь никогда не допускала избрания епископов из мирян, то и пусть она остается при этом обыкновении. Можно только пожелать, чтобы между клириками и монахами встречалось как можно больше людей, достойных епископского сана. Но, во всяком случае, никого не следует отстранять от епископской должности под предлогом непринадлежности его к числу клириков. Разумеется, если избираемый – лицо, отличающееся способностями и достоинствами»⁸⁸. Действительно, это читается как писанный канон.

Если представить «в лицах» картину этого заседания, то становится очевидным, насколько одинокими и беспомощными чувствовали себя некогда грозные легаты Римского епископа. Насколько растерянными и неповоротливыми они оказались перед дружной и сплоченной стеной сотен греческих епископов, отстаивавших честь Константинопольской кафедры. Казалось бы, при полном фиаско по основным проблемным вопросам легатам следовало проявить встречную инициативу, попытаться выдвигать дополнительные условия, но, сломленные натиском восточных архиереев, они продолжали с завидным упорством исполнять инструкции папы, данные им до Собора, сдавая одну позицию за другой.

Так, легаты вновь вынесли на обсуждение предложение понтифика, гласившее: «Что сделано против патриарха св. Фотия как на Римском соборе при папе Адриане I, так и на Константинопольском соборе при этом же папе, следует считать уничтоженным». Конечно, византийцы с восторгом согласились с этим пунктом: «Анафематствуем с величайшей ревностью все, что учинено против св. Фотия!»⁸⁹ Но разве папа предлагал анафематствовать свой Римский собор, где председательствовал его предшественник?!

26 января 880 г. состоялось пятое заседание Собора, на котором св. Фотий предложил утвердить авторитет VII Вселенского Собора. Он справедливо отметил, что этот Собор уже давно признан и на Западе, и на Востоке, но, к сожалению, не почитается равным среди остальных Вселенских Соборов. Это событие очень важное. Очевидно, что, предложив рецепировать VII Вселенский Собор, св. Фотий выразил недвусмысленное желание придать и проводимому Собору статус Вселенского, поскольку обыкновенно так и происходило ранее. Никогда ни один Поместный собор не претендовал на то, чтобы утвердить статус Вселенского собрания. И, конечно, придав Собору «В храме Святой Софии» высший авторитет, он тем более уничижал Собор 869—870 гг. Кроме того, возвеличивание VII Вселенского Собора, бывшего при патриархе св. Тарасии, поставленном в епископы также из мирян, укрепляло авторитет самого св. Фотия. После краткого обсуждения выяснилось, что ни у кого из присутствующих лиц нет возражений против этой инициативы Константинопольского патриарха⁹⁰.

Затем Собор перешел к обсуждению канонов, предложенных к принятию. Первый из них очень любопытен, и его следует привести полностью. «Если кто из италийских клириков, или мирян, или епископов, обитающих в Азии, или Европе, или в Ливии подверглись или узам отлучения, или низвержению из сана, или анафеме от святейшего папы Иоанна, те да будут и от святейшего Фотия, патриарха Константинопольского, подвержены той же степени церковного наказания. А кого из клириков, или мирян, или архиереев или иереев Фотий, святейший патриарх наш, в какой бы ни было епархии, подвергнет отлучению, или низвержению, или предаст анафеме, таковых и святейший папа Иоанн, и с ним святая Божья Римская церковь да признает подлежащими такому же наказанию. Притом в преимуществах, принадлежащих святейшему

престолу Римской церкви и ее предстоятелю, совершенно да не будет никакого нововведения ни теперь, ни впредь».

Подробный разбор этого канона будет сделан в соответствующем приложении, сейчас лишь отметим, что им, во-первых, утверждено в окончательном виде первенство в Кафолической Церкви двух «Вселенских» кафедр – Римской и Константинопольской, а, во-вторых, четко обозначены границы папской власти. Нельзя не обратить внимания на то, что этот канон не только является «родным ребенком» 28-го канона Халкидонского Собора и 36-го Трулльского, но и заметно возвеличивает Константинопольского патриарха, который теперь с полным основанием мог считать себя не вторым по чести епископом в Кафолической Церкви, а равным Римскому епископу. После этого были приняты еще 2 канона, и все присутствующие подписались под актами Собора, видимо решив, что это – последнее заседание.

Но жизнь внесла свои коррективы: 3 марта 880 г. состоялось шестое заседание Собора – уже в императорском дворце в присутствии самого царя и его сыновей (Льва и Александра). Была зачитана речь Василия I Македонянина к Собору, в котором император отмечал, что сознательно не принимал участия в его заседаниях, дабы никто не говорил, что над волей епископов довлела царская власть. Конечно, это была предупредительная мера против возможных обвинений папы в давлении на своих легатов. А потом – очевидно, под влиянием св. Фотия – император предложил легатам публично провозгласить Символ Веры, поскольку, по его словам, «появляются те, кто осмеливается менять его текст».

Нет сомнения, что это было сделано Константинопольским патриархом ради исключения Filioque, принятого к тому времени почти всеми западными епископами и самим папой, из Символа Веры. И легаты послушно согласились подтвердить истинность Никео-Цареградского Символа, чем вызвали бурный восторг присутствующих лиц. После этого Собор просил императора Василия I утвердить его акты, что и было сделано⁹¹.

Седьмое и последнее заседание Собора «В храме Святой Софии», на котором Западная и Восточная церкви проявили редкостное единодушие, носило сугубо торжественный характер. Так закончилась деятельность этого замечательного Собора – великой победы кафолического разума и лично св. Фотия.

Увы, Церковь уже не жила единым телом – настолько сильны были разногласия между «Вселенскими» кафедрами. Когда папа Иоанн VIII узнал, что на Соборе 879—880 гг. не решен вопрос о Болгарии, но зато отвергнуто Filioque, он взойшел на кафедру одного из римских храмов с Евангелием в руках и заявил, что анафематствует любого, кто не признает св. Фотия преступником, проклятым еще понтификами Николаем I и Адрианом II. Такая «легкость в суждениях» не встретила понимания на Востоке: когда легат папы Марин вскоре вновь приехал в Константинополь, чтобы восстановить «справедливость», его просто упрятали в тюрьму, а затем выдворили без долгих слов за городские ворота. После смерти Иоанна VIII новый папа – не так давно униженный в Константинополе прежний легат Марин I (882—884) – подтвердил анафемы в адрес св. Фотия⁹².

Но вернемся к делам политическим. После некоторого перерыва, вызванного проведением Собора, император возобновил военные действия на Востоке. Летом 882 г. он выступил с войском под город Мараш, но не смог взять его и в преддверии зимы отступил обратно. На обратном пути он нанес поражение местному арабскому правителю Абделамелю, немедленно запросившему мира у византийцев. Вновь, как и раньше, въезд императора в Константинополь был организован в виде пышного триумфа. Попутно летом 882 г. византийцы одержали важные победы в Сицилии, причем с одной победой связана легенда, будто их полководцу Мусилику было видение патриарха св. Игнатия на белом коне, указавшего ему правильное направление атаки.

Однако следующий, 883 год принес большие разочарования. Вследствие придворных интриг император отставил от командования армией военачальника Андрея (к слову, этниче-

ского скифа), с именем которого были связаны многие последние победы (в том числе при Подендоне в 878 г.). Как следствие, летом 883 г. арабы одержали победу у сирийской границы. А затем преемник Андрея стратиг Феодор Сантабарин, малоопытный воин, в сентябре 883 г. потерпел страшное поражение у города Тарса⁹³.

Но уже в 885 г. в Италию прибыл знаменитый малоазиатский полководец Никифор Фока Старший – дед будущего императора св. Никифора II Фоки. Он нанес арабам несколько чувствительных поражений, захватив города Амантию, Тропею и крепость св. Северины. Вследствие побед византийских полководцев императору удалось организовать новую фему – Лангобардию, куда вошли Амальфи, Сорренто, Неаполь и Гаэта⁹⁴. Видя такие успехи, папа Стефан V (885—891) перестал искать помощи на Западе, склонившись к престолу Византийского императора, хотя прежних анафем в адрес св. Фотия не отменил.

Однако военные действия и церковные дела занимали далеко не все время Римского царя. В истории император Василий I Македонянин остался не только великим василевсом, буквально сохранившим Италию и саму христианскую цивилизацию от очередной арабской экспансии, миротворцем для Кафолической Церкви и борцом за права Константинопольской кафедры, но и блестящим законодателем.

Законодательство времен св. Юстиниана I Великого к тому времени уже устарело и стало неудобным в применении, поскольку было написано на латыни, которой византийцы уже практически не владели; а также содержало много противоречий с позднейшими узаконениями. К тому же разбросанные по нескольким кодексам законы были трудны для практикующих судей и адвокатов. Хотя формально старые законы не были отменены, но аутентичный текст «Кодекса Юстиниана» был фактически вытеснен из судебной практики, которая более склонялась к использованию новелл св. Юстиниана и их толкованиям, произведенным различными юристами. Отсюда возникла страшная неразбериха, царившая в судах. Одни судьи предпочитали комментарии к «Институциям» юриста Феофила, другие – «Дигесты» в толковании Стефана, третьи – «Кодекс» с замечаниями Фалелея⁹⁵.

Поэтому, едва взойдя на трон, император поставил перед собой 3 задачи: а) отменить старые и устаревшие законы; б) уничтожить все контрверзы; в) составить краткое руководство к изучению права. Об этом хорошо говорится во введении в «Эпанагогу», о которой речь пойдет ниже.

«Наше царство, будучи посвящено некоторым божественным и неизреченным способом в таинства физической монархии и тройственной власти, со многим тщанием и прилежанием обратилось к провозглашению доброго и миротворческого закона. И, прежде всего, произведя очистку в тексте древних законов, мы соединили в 40 книгах весь чистый и непорочный свод закона и предложили его вам, как бы некоторый божественный напиток. Мы предложили его вам как спасительное руководство, как душеполезный закон, сокращенный и ясный, который будет служить вам введением к содержанию заключающегося в Сорока книгах»⁹⁶.

И уже в период с 870 по 878 г. Василием I и его сыновьями Константином и Львом был опубликован «Прохирон» («Руководство по праву»), принадлежавший их перу. Кодификация законодательства продолжилась дальше, и в 884 г. вышел в свет сборник тех законов из законодательства св. Юстиниана Великого, которые могли применяться в данное время.

Как замечают исследователи, влияние законодательства св. Юстиниана на правовые акты Македонянина огромно. Более того, как иногда полагают, сами новеллы Василия Македонянина едва могут быть признаны самостоятельными законоположениями, скорее, они являются развитием правовых идей святого императора. «Иными словами говоря, Василий Македонянин в своих новеллах модифицировал то, что было модифицировано из предшествующего права в новеллах Юстиниана». Нередко отмечают, что творчество двух великих императоров роднит еще одна далеко не маловажная деталь: христианская гуманность, как главный мотив законодателя, и нежелание принуждать граждан к исполнению закона. Оба они пытались не

столько изложить повеление, сколько объяснить закон и убедить всех в необходимости его исполнения⁹⁷.

В 886 г. было подготовлено новое издание «Прохирона» под наименованием «Эпанагоги» («Введение»), в разработке которого деятельное участие принял Константинопольский патриарх св. Фотий. По обстоятельствам, которые мы изложим позднее, многие исследователи полагают, что «Эпанагога» никогда не являлась законодательным актом, а представляет собой лишь проект, так и не увидевший свет⁹⁸. Но в любом случае многие идеи и юридические институты, изложенные в ней, вошли в состав сборника «Василики» («Царские законы»), изданного уже при сыне Василия Македонянина императоре Льве VI Мудром⁹⁹.

Как уже отмечалось, назначение «Прохирона» состояло в передаче в краткой форме громадного законодательного материала, а также в установлении новых правовых положений. «Прохирон» состоял из 40 титулов и предисловия. Титулы с 1-го по 11-й регулируют вопросы брака и распоряжения приданым, с 12-го по 20-й — гражданские обязательства, с 20-го по 37-й — наследственное право. Собственно, публичные вопросы регулируют последние титулы «Прохирона»: о военных преступлениях, общественных постройках, воинской добыче. Следует сказать, что практическое значение «Прохирона» было огромно: достаточно напомнить, что он использовался еще в XIV веке и стал основой для нового законодательного сборника Арменопула. Его изучали все византийские канонисты, когда им приходилось разбирать казусы, касающиеся и церковных и гражданских отношений. Под наименованием «Градского закона» он вошел и в состав нашей русской «Кормчей»¹⁰⁰.

В отличие от «Прохирона», в основе которого лежали институты св. Юстиниана и «Эклога» Льва III и Константина V Исауров, «Эпанагога» содержала много новых законов: о царской власти и власти патриарха, а также общие нормы права. В частности, в 1-м титуле говорится о праве и правосудии, о полномочиях императора говорится в титулах со 2-го по 7-й. Титулы с 8-го по 10-й регулируют вопросы о священнодействующих. Титулы 12 и 13 дают правила о свидетелях и документах, титулы с 14-го по 17-й и 21-й титул — о помолвке и браке, титулы с 18-го по 20-й — о приданом и дарениях между мужем и женой. Учение о договорах изложено в титулах с 22-го по 28-й. В титулах с 29-го по 38-й дается учение о завещаниях. Титулы 39 и 40 посвящены уголовным преступлениям¹⁰¹.

Но самому императору не удалось вкушать всех плодов своих ученых трудов. Как гласит предание, однажды он, уже далеко не молодой человек, помчался за громадным оленем. Внезапно животное остановилось, развернулось и, случайно зацепив пояс императора своим рогом, понеслось вместе с несчастным царем в чащу. Напрасно придворные, обнаружившие царского скакуна без седока, пытались перехватить оленя — животное неизменно убегало от охотников. Только через несколько часов двум слугам удалось подкрасться к оленю и перерубить пояс императора, на котором тот висел; Василий Македонянин без чувств рухнул на землю.

Интересно, что старый и израненный император, изверившийся во многом, придя в себя, никак не мог поверить, что слуги не смогли перерубить ремни, на которых он висел — ему казалось, что они покушались на его жизнь, а потому своим бездействием убивали царя. Впрочем, возможно, что подозрения императора были небезосновательны. Возникал еще один вопрос: как животное могло протащить по лесу такое грузное тело, не пытаясь освободиться от обременительного груза?

Наконец, самое большое подозрение вызывало то обстоятельство, что спасательный отряд в лесу возглавил Стилиан Заутца, отец любовницы Льва Мудрого, которого отец откровенно не любил. Вполне возможно, что, опасаясь неуравновешенности императора, который однажды уже чуть не погубил собственного сына, сановник решил помочь царевичу получить престол, надеясь на будущие преференции. Было это так или иначе — никто достоверно не знал, по крайней мере в хрониках нигде не упоминаются альтернативные версии случившегося¹⁰².

Императора принесли во дворец, где обнаружили признаки серьезного повреждения внутренних органов. Поняв, что ему осталось совсем немного времени, Василий Македонянин отдал последние распоряжения. По его приказу опекуном его сыновей Льва и Александра был назначен уже упоминавшийся выше Заутца – армянин, родившийся в Македонии. Ему же он поручил управление всеми церковными и государственными делами. Спустя 9 дней, 29 августа 886 г., великий император скончался в возрасте 74 лет¹⁰³.

II. Император Лев VI Мудрый (886—912)

Глава 1. Нелюбимый сын. Философ на троне

Родившийся в 866 г. Лев VI, прозванный впоследствии «Мудрым», имел все основания считать свое детство малосчастливым. Вследствие упорных сплетен и слухов, бродивших по дворцу, Василий Македонянин до конца своих дней полагал, будто бы Лев является отпрыском покойного императора Михаила III и откровенно недолюбливал сына. Правда, в 870 г. Лев вместе со старшим братом Константином был удостоен императорского титула, но это еще ничего не значило. Нет, конечно, Лев получил блестящее образование – его учителем был сам св. Фотий, но Василий I постоянно и наглядно демонстрировал всем, что его сердце отдано старшему сыну Константину, которого он желал видеть наследником престола. Когда вследствие роковой болезни Константин умер в декабре 879 г., Лев неожиданно для себя стал первым претендентом на императорство, что, впрочем, не улучшило их отношений с отцом.

Нередко излишне прагматичный и властный, Василий Македонянин по-своему устраивал судьбу сына, мало заботясь о его желаниях. Отдавая себе отчет в том, что сыну необходимо получить поддержку со стороны высшей аристократии Римской империи, он женил его в 882 г. на дочери патрикия Константина из знатного рода Мартинакиев св. Феофании, 16-летней скромной и богобоязненной девушке, к которой Лев не испытывал ровным счетом никакого влечения.

По преданию, выбор невесты произошел следующим образом. Как обычно, созвали девиц из богатых семей со всех уголков Римской империи, и когда выдалось свободное время, девушки, возбужденные предстоящими смотрами, коротали время. Одна из кандидаток, афинянка, предложила погадать необычным образом: все должны были разуться, и первая, кто встанет, наденет свои туфли и сделает красивый поклон, станет избранницей судьбы. Так и поступили, и св. Феофания выиграла состязание. Девушки живо обсуждали происшедшее событие, когда в дверь вошли император и императрица. Они сразу обратили внимание на св. Феофанию, стоящую в центре залы в окружении остальных девиц. Девушка понравилась им своей красотой, скромностью и набожностью, и они тут же остановили свой выбор на ней.

Льва, конечно, никто не спрашивал: между отцом и сыном отношения были не столь нежными и доверительными, чтобы ожидать со стороны Василия I такого шага¹⁰⁴. Более того, по личному признанию Льва VI, сделанному позднее, Василий Македонянин избил его, заставив жениться на св. Феофании. Разумеется, никто не спрашивал согласия и у невесты – все решала воля царственных родителей жениха¹⁰⁵.

Безусловно, св. Феофания являла собой широко распространенный пример женской святости и благочестия, далеко не редкий в те дни. Тем не менее ее судьба и жизнь были не вполне обычными. Святая царица принадлежала к знатному роду, и ее отец имел звание иллюстрия, т.е. относился к высшим аристократическим кругам. У него и его жены Анны долго не было детей, но по их горячим молитвам Господь подарил им ребенка, св. Феофанию. Уже с 6-летнего возраста та знала Псалтирь наизусть, а ее благочестие стало широко известным. Именно поэтому на нее обратил внимание василевс, по приказу которого св. Феофания была приглашена во дворец на смотрины невест; теперь она стала женой Льва Мудрого¹⁰⁶.

Рожденная скорее для монастырской обители, чем для царского дворца, св. Феофания под роскошным царским платьем носила обноски, спала на жесткой подстилке вместо кровати, и ночью каждый час вставала на молитву. Все дни она проводила в благочестивых делах, явно не озадачиваясь вопросами телесной близости с мужем, и быстро наскучила молодому царевичу, пышущему энергией и мужской силой.

Не удивительно, что вскоре Лев Мудрый сошелся тайной связью с дочерью этериарха (начальника иноземной дворцовой стражи) Стилиана Заутцы Зоей. Обворожительная девица полностью пленила сердце Льва, и их отношения стали настолько открытыми, что св. Феофания однажды не выдержала и пожаловалась свекру на поведение собственного супруга. Не мудрствуя лукаво Василий Македонянин тут же приказал венчать Зою с неким придворным Феодором Гузуанитом, а сыну сделал жесткое взыскание. Этот инцидент еще более охладил отношения Льва с отцом, что привело в 885 г. к печальным последствиям¹⁰⁷.

В число доверенных лиц императора входил Евхаитский архиепископ Феодор Сантаварин, друг патриарха св. Фотия. Со Львом они откровенно не любили друг друга – Сантаварин публично высказывал сожаление по поводу легкомысленности царевича, и, кроме того, как друг св. Фотия, не без опасения следил за тем, что вокруг Льва Мудрого образовалась группа придворных, недовольных политикой Константинопольского патриарха. Заметим попутно, что, по мнению некоторых историков, Сантаварин являлся тайным манихеем и приверженцем волхования. Как уверяют, сохранилась даже история о том, как он волховал перед самим Василием I Македонянином и тот, пораженный его способностями, ошибочно принятыми за проявление святости, доверился хитрому архиерею¹⁰⁸.

А тот задумал дьявольскую комбинацию, результатом которой должно было стать окончательное отвержение императором своего сына. Как-то он посоветовал Льву вооружиться коротким мечом, чтобы не быть застигнутым врасплох недругами, которые – уверял царевича архиепископ – желают его смерти; и юноша доверчиво внял словам архиерея. Но вслед за этим Феодор Сантаварин «открыл» императору, будто неблагодарный сын желает его убить.

Льва доставили в царские покои и обыскали – конечно, меч был при нем, из чего следовало, что он действительно желал убить отца. Разгневанный василевс отдал приказ ослепить сына (!), и лишь горячее заступничество св. Фотия, Заутцы и многих сенаторов спасло Льва. Все же царь лишил сына права носить пурпурные сапоги и на 3 года заключил под стражу – верная св. Феофания добровольно разделила с мужем тяжесть пребывания в заключении. Все время пребывания под арестом супруги предавались молитве и посту, моля Бога о даровании им прощения и спасения. Вместе со Львом наказания не избежали и его ближайшие товарищи – доместик схол Андрей и магистр Стефан¹⁰⁹.

Однако друзья Льва, которых было много среди придворных сановников, неоднократно предпринимали попытки освободить его. Сохранилось известие о том, что кто-то из них специально обучил говорящего попугая, клетка с которым висела в большом зале Священного дворца, и во время обеда птица постоянно повторяла: «Бедный Лев! Бедный Лев!» Во время одной трапезы император заметил грусть на лицах своих сановников и спросил, в чем причина. «Как мы можем пировать с легким сердцем, государь, – ответили они ему, – если птица и та укоряет нас за наше поведение. Как мы можем среди веселья забыть несчастного царевича?»¹¹⁰ Под давлением придворных сердце отца смягчилось.

В течение всего срока заточения сын не переставал писать отцу, пытаясь оправдаться в возводимых на него обвинениях, и, наконец, на праздник Илии Пророка (20 июля) Василий I даровал ему свободу, разрешив даже участвовать вместе с собой в пышной процессии. Когда обрадованные константинопольцы начали славословить Льва, император рассерженно воскликнул: «Вы благодарите Бога за моего сына? О, вы еще переживете с ним немало бед!» Нет сомнений в том, что он непременно лишил бы Льва императорского достоинства, но второй сын, Александр, демонстрировал еще худшие качества, а младший сын св. Стефан откровенно стремился к духовной жизни. Поэтому сразу после смерти отца новым императором Римского государства стал Лев VI Мудрый.

Жертва своего тревожного детства и придворных интриг, которых во множестве он вкусил сызмальства, Лев вырос человеком закрытым, но решительным, небесхитростным, но благочестивым. Поскольку никто в семье не предполагал, что когда-нибудь Лев станет единовласт-

ным правителем, его не готовили к ратным подвигам, зато стремление к учению и любовь к наукам навсегда поселились в его душе.

Возможно, религиозное чувство нового царя не было таким горячим, как у св. Феофании, но, несомненно, глубоким. Лев VI много жертвовал на строительство монастырей и храмов, а также писал праздничные каноны и стихиры, вошедшие в состав богослужебных книг. Император настолько увлекался чтением богословских трудов, что тратил на это занятие не короткие часы досуга, а почти все время. Неправильно, однако, полагать, будто государственные дела совершенно не волновали его. По многим направлениям деятельности Римского государства он продолжил политику отца и, в частности, решительно уничтожал последние остатки республиканского строя – отжившие, но все еще опасные атавизмы. Затем он упразднил сенат и отменил муниципальное устройство в городах, как уже совершенно невостребованное жизнью.

Первым его делом после вступления на царский престол стало восстановление доброго имени и отдание последних почестей (пусть и запоздалых) императору Михаилу III. В Хрисополь, где находился прах погибшего царя, был отправлен стратилат Андрей, сенаторы и священники. Они извлекли останки Михаила III, обрядили в царские одежды, положили в кипарисовый гроб, а затем доставили в Константинополь и торжественно перенесли в усыпальницу храма Святых Апостолов¹¹¹.

Это событие вновь возродило старые слухи, будто настоящим родителем Льва Мудрого являлся император Михаил III. Но едва ли действия молодого царя имели своей целью почтить память «отца». Во-первых, нельзя сбрасывать со счетов естественное желание молодого царя хотя бы немного загладить вину Василия Македонянина. А, во-вторых, как настоящий василевс, полный сознания своего статуса, он не мог не желать отдать дань одному из своих предшественников.

Его считали чрезмерно подозрительным, но мог ли жить с открытой душой император, на жизнь которого не раз покушались самые близкие люди?! Едва он стал единоличным правителем, как выяснилось, что отец его возлюбленной Зои Заутцы вместе с несколькими придворными составил заговор с целью убийства царя. И самое удивительное, что, открыв намерения заговорщиков, Лев VI не смог покарать преступников, спрятавшихся от них в своем дворце (!). Лишь после того, как некий магистр Лев Феодотакис примирил царя с отцом его возлюбленной, император осмелился открыто ходить по царским покоям¹¹².

В этом нет ничего удивительного: еще не приобретший опыта в делах государственного управления, Лев Мудрый казался многим придворным излишне робким и неуверенным в себе. Напротив, Заутца, прекрасно понимавший, что может произойти с ним лично вследствие какого-нибудь удачного заговора, очень опасался за свою жизнь. Как и в любом обществе, высший свет Византии был изнутри разделен на множество партий и групп, соединившихся по интересам. Понятно, что первый сподвижник и друг покойного Василия Македонянина мог в случае неудачного правления Льва Мудрого расстаться с жизнью, причем не по своей воле. Заутца резко осаживал молодого царя и не давал воли жалости, постригая в монахи и ссылая всех подозрительных людей.

Особенно неприятно было для Льва VI то, что Заутца поссорился с его любимым духовником Евфимием, и все попытки примирить их ничего не дали. На этой почве и произошла первая размолвка Заутцы с императором, закончившаяся, как видим, тем, что Лев Мудрый пошел навстречу пожеланиям своего опекуна¹¹³.

Этот заговор был первым, но далеко не последним. Незадолго до смерти второй жены, Зои, ее родственники – эпикт (служащий из числа конюшенных) Василий, етериарх Николай и друнгарий виглы Парда, опасаясь, что царь женится в третий раз и забудет о них, решились просто сместить его с престола. По счастью, некий евнух из арабов по имени Самон донес

императору о готовящемся перевороте, и тот схватил изменников. Примечательно, но ни один из них опять не был казнен¹¹⁴.

Если перечень малосимпатичных качеств Льва VI довольно ограничен, то, напротив, о его достоинствах можно сказать много. Так, по одному справедливому замечанию, Льва Мудрого следует отнести к самым выдающимся церковным законодателям после императора св. Юстиниана Великого. Замечательно, что, как и его отец, Лев VI шел в этом отношении путем, указанным еще царями Исаврийской династии, хотя официально законодательство Исавров было отвергнуто им по идейным соображениям – они желали выделиться на фоне иконоборцев.

Попутно цари-македонцы продолжили ревизию действующего законодательства, отменяя устаревшие институты и нормы, и издавая новеллы для удовлетворения насущных вопросов бытия. «Кодекс Юстиниана» уже давно не соответствовал потребностям жизни Византийской империи. И зачастую местные судьи были вынуждены самостоятельно составлять целые сборники местных обычаев, которые применялись в конкретном месте, а со временем даже вытеснили официальные сборники права. Нельзя также забывать, что этнический состав многих территорий резко изменился за последние 300 лет, и новым подданным царя были чужды старые законы¹¹⁵.

«Под влиянием местных обычаев, – писал об этом сам Лев VI, – еще не ставших законным правом и единственно почерпывающих силу в угодовности толпе, возникают многие новшества, происходит путаница в применении закона, и в делах чрезмерные запущение и беспорядок». Между тем, продолжает он свою мысль, «законы служат как бы охранителями нашей жизни и врачами, которые, с одной стороны, затрудняют укоренение в жизни дурных привычек, с другой, устраняют вредные последствия тех, которые уже незаметно проникли в общество, отсекая зло с корнем и не давая ему укрепиться»¹¹⁶.

Доработав при содействии юристов отцовское наследие, император выпустил сборник «Василики», состоявший из 6 томов или 60 книг. Не удовлетворившись этой работой, царь выпустил еще более 100 новелл по вопросам канонического права – по другим источникам, всего им было выпущено 120 или даже более 200 новелл. Например, только на имя своего брата Константинопольского патриарха св. Стефана он написал более 50 законов, причем каждое из новых узаконений сопровождалось подробными разъяснениями самого царя относительно мотивов своего решения и должной практики применения данной новеллы. Отличительная же черта новелл заключалась в том, что они проникнуты мягкостью, гуманностью и практичностью¹¹⁷.

Лев не считал себя связанным старыми правилами, а потому, действуя свободно, устанавливал новые канонические нормы. В вопросах о браке, священстве, крещении младенцев, владении церковными имуществами (например, новеллы 7, 16, 17) царь рассуждал совсем иначе, чем его предшественники. Его новеллы, по обыкновению, пестрят ссылками на Священное Писание, апостольские и святоотеческие правила, гражданские законы прошлых лет, внося и закрепляя тем не менее новые идеи.

При этом император строго разделял сферу действия своих новелл и освященных древностью канонов, заявив как-то: «В делах гражданских полезнее законы гражданские, а в делах церковных, для благоустройства всех, полезнее священные постановления». Правда, на практике эта граница неоднократно нарушалась Львом Мудрым – да и могло ли быть иначе в условиях все еще сохраняющейся «симфонии властей»?

В частности, царь заметил как-то, что память многих святых подвижников Православия не празднуется в Римской империи, а потому 38-й новеллой установил эти праздники. В другом случае (2-я новелла) царь установил правило о том, что лица, имеющие детей, также вправе претендовать на епископство¹¹⁸. Кроме того, василевс определил обязательное празднование воскресного дня, запретив в этот день любые работы – исключение делалось лишь для зем-

ледедльцев в летнюю страду. Подтвердив узаконения своего отца о принудительном крещении иудеев 55-й новеллой, Лев VI обязал тех жить по христианскому обычаю.

Заботясь о благочестии клириков, император установил 15-й, 36-й и 39-й новеллами, что архиереев и священников, унижающих свое достоинство адвокатской практикой и выполнением частных поручений, следует на время запрещать в священничестве, а также налагать на них епитимию. После покаяния они могут вернуться к священнодействию, отмечал Лев Мудрый, поскольку эти прегрешения вполне понятны по слабости человеческой природы и нашей немощи. Но если они вновь будут пойманы на этом, то должны быть навсегда запрещены к служению. Конечно, это было известным отступлением от некоторых канонов, установленных Вселенскими Соборами, но вполне оправданным с точки зрения жизни¹¹⁹.

Развивая идеи, изложенные в 82-м Апостольском правиле, император 11-й новеллой установил, что раб, достигший епископского сана без ведома и разрешения своего господина, лишается его. «Мы не только не прощаем тех, кто достиг какой-либо цели обманом или воровством, и не позволяем им пользоваться тем, что они приобрели, но и нередко наказываем их как преступников. Тем более мы не позволяем, чтобы спокойно жил и пользовался двумя самыми почетными преимуществами – свободой и священством тот, кто осмелился получить их путем воровства, пронырливости и постыдного обмана».

В брачном законодательстве отдельные новеллы Льва VI вызвали настоящий переворот. Например, он уравнивал в правах на вступление в брак свободных лиц и рабов. Василевс объявил, что брачные союзы рабов и свободных граждан должны считаться законными, хотя некоторое время свободная женщина, вышедшая замуж за раба, должна претерпеть в несвободе. Однако дети от такого брака в любом случае являются полноправными гражданами Римской империи. Затем император решительно запретил конкубинат (внебрачное сожительство), заявляя, что такого насилия над верой и природой он в своем государстве не потерпит. Рядом с этим законом стоит новелла, согласно которой брак непременно должен начинаться с благословения Церкви – ранее сакральные церемонии осуществлялись лишь по желанию самих брачующихся сторон. Таким образом, старое промежуточное состояние между браком и безбрачием, известное еще с античных времен, было законодательно упразднено (39-я новелла).

Львом Мудрым было введено обязательное правило об обручении брачующихся лиц, согласно которому нарушение обручения противно церковному обычаю и потому неприемлемо (73-я новелла). Запрещено было также обручать лиц моложе 15 и 13 лет (соответственно мужчину и женщину)¹²⁰. Заботясь о солдатах, император 33-й новеллой совершенно запретил женам воинов, пропавших без вести, вступать в брак без удостоверения воинскими властями смерти их супругов. За ослушание они подвергались телесным наказаниям вместе со своим новым мужем, и военные командиры – большому штрафу. Мужьям и женам пленников также запрещалось вступать в новый брак.

Вместе с тем Лев Мудрый расширил перечень оснований для расторжения брака. В частности, согласно 30-й новелле, поводом к разводу считалось соглашение замужней женщины с другим мужчиной о браке, поскольку, как считал царь, прежний брачный союз уже не существует по Божественным заповедям. Аборт также стал считаться основанием для развода – правда, если он имел место не по инициативе мужа (31-я новелла). В случае сумасшествия жены муж также мог развестись с супругой.

Другим замечательным юридическим памятником являлась «Книга эпарха», также принадлежавшая перу императора Льва Мудрого. Как известно, градоначальник Константинополя, эпарх, занимал высокую ступеньку в византийской «табели о рангах», и «Книга эпарха» детально регламентирует его деятельность. В этом сочинении регулируются также вопросы организации торговли корпорациями, обязанности чиновников по поддержанию порядка торговли на столичных рынках, а также внутренняя организация самих корпораций, торговых и ремесленных цехов¹²¹.

Надо сказать, что свод законодательства Льва Мудрого активно использовался в восточных христианских странах, включая Грузию и Армению. Интересно, что еще в XV веке Молдавский князь Александр Добрый (1401—1433) приказал перевести на молдавский язык «Василики», полученные им из Константинополя. Албанский свод законов, изданный в 1646 г., также включал в себя в качестве важнейшей составной части «Василики» Льва VI. В Валахии в 1634 г. был издан свод государственных и церковных законов, который исследователи считают точной копией «Василик»¹²².

«Василики» и новеллы Льва Мудрого широко использовались не только на Востоке, но и на Западе, где превалировало законодательство св. Юстиниана Великого. Но «Василики» были очень удобны тем, что зачастую не только содержали тексты новелл святого императора, но и давали ссылки на их источники, что очень нравилось глоссаторам.

Как некогда знаменитый св. Юстиниан Великий, Лев VI много времени посвящал составлению проповедей и церковных песнопений. Сохранились его «слова» на Рождество Богородицы, Введение Ее в храм, Благовещение, Сретение, Рождество Христово, Вербное Воскресенье, Воздвижение Святого Креста Господня, Воскресение и Вознесение Христа, Сошествие Святого Духа и Пятидесятницу, Успение Богородицы, Неделю Всех Святых, Усекновение главы Иоанна Предтечи, в честь св. Иоанна Златоуста и св. Николая Мирликийского, и «слово» ко всем христианам – всего 19 проповедей. Из несохранившихся сочинений известны работы «О судьбе», «Главы о добродетели», «Нравственные правила». Кроме того, Льву Мудрому приписывается полемическое сочинение с сарацинским князем Омаром. Как правило, эти проповеди зачитывались в храмах его чиновниками, но нередко царь и сам выходил с текстом на амвон¹²³.

Не менее плодотворным император был и в области церковной гимнографии. Он написал стихир на «Хвалите» в Лазареву Субботу, две стихиры на Великий Пяток, стихир на утрени в неделю вай «Презревши, душа моя, божественных помазаний», 5 стихир на «Господи воззвах» за вечерей, 11 стихир Евангельских, среди них известную стихир «Придите, людие, триипостастному Господу поклонимся». Его перу принадлежит и песнь на второе пришествие Христа, впоследствии положенная на ноты¹²⁴.

Анализ проповедей императора показывает, что он владел достаточными познаниями в Священном Писании и богословской литературе, не без успеха раскрывал догматико-полемические темы, широко пользовался церковно-историческими и житийными материалами. И по форме все его проповеди имеют признаки риторически правильных сочинений, речь царя полна сравнений и образов, в общем – перед нами яркий пример схоластической проповеди, образец риторической науки. Но в «словах» Льва Мудрого встречаются и элементы современности. Он призывает к доброте и добротолочию, духовному единению, и сам обещает употребить все силы для доброго управления вверенным ему Богом народом¹²⁵.

Глава 2. Царь и патриарх. Четыре брака императора

По этим причинам совершенно очевидно, что иногда высказываемые суждения, будто в лице Льва VI на царский престол взошел только философ, лишены всяких оснований. Император прекрасно ориентировался в сложившейся к концу царствования своего отца ситуации и предпринял предупредительные меры, направленные на укрепление царской власти и самодержавия. Со времени Собора 879—880 гг. прежний баланс отношений между императором и столичным клиром оказался нарушенным, и «симфония властей» испытала первый системный кризис – об этом подробно речь пойдет в специальном приложении. Сейчас лишь отметим, что первым следствием этого кризиса стало постепенное удаление императора из сферы управления Восточной церковью и сосредоточение в руках столичного патриарха невиданных ранее прерогатив, сравнимых разве что с папскими полномочиями на далеком Западе.

Идеологом этого движения, душой и живым символом новой церковной партии стал св. Фотий. Уже давно не молодой человек, претерпевший множество испытаний, угнетаемый недугами, он все еще оставался влиятельной политической фигурой в византийском обществе. Это обстоятельство и решило судьбу св. Фотия, которого первым коснулись перемены. Вскоре после начала царствования бывший ученик святителя прямо высказал свою волю – св. Фотий должен оставить патриарший престол столицы. В принципе патриарх мог и побороться за себя: и ранее и позднее некоторые непокорные архиереи позволяли себе апелляции к епископским собраниям, не желая подчиниться воле василевса. Но св. Фотий не стал сопротивляться и добровольно отправился в монастырь Гордон.

Впрочем, сохранились свидетельства, что престарелый патриарх оказался замешанным, хотя бы и косвенно, в очередном заговоре против Льва VI – по прошествии времени этот факт не был никем ни подтвержден, ни опровергнут. Уже знакомый нам архиепископ Феодор Сантаварин – главный обвиняемый по проведенному расследованию, был ослеплен и сослан в Афины, а св. Фотий удален в монастырь¹²⁶.

На его место император возвел в патриаршее достоинство своего младшего брата 16-летнего св. Стефана (886—893), носившего сан диакона и бывшего синкеллом (сокейяником) св. Фотия. Это был жестокий удар по клирикам, чьим мнением никто не поинтересовался – понятно, что никаких заслуг перед Церковью св. Стефан не продемонстрировал по причине своего юного возраста, и его назначение состоялось по единоличной воле царя. На Рождество 886 г. митрополит Кесарии Каппадокийской Феофан совершил посвящение св. Стефана в присутствии множества архиереев и самого василевса. Теперь, при юном патриархе, к тому же его брате, император мог быть абсолютно убежден в том, что все ветви власти в Римской империи сосредоточены в его руках.

Поражению партии «фотиан» много способствовало одно послание из Рима, принадлежавшее папе Стефану V (885—891). Верный последователь Николая I и Адриана II, Стефан V не преминул после начала своего понтификата высказать некоторые претензии Василию I Македонянину. Он заметил, что наверняка автором последних, так раздражавших понтифика, писем императора в Рим является не он сам, а Константинопольский патриарх – «царь, верный постановлениям Собора 869—870 гг., не мог так плохо писать о Римской церкви». Опровергнув слова об ошибках предыдущих понтификов («представительница всех Церквей не может ошибаться»), апостолик перешел в наступление, утверждая, что если и есть где нестроения, так это в Константинополе.

Святой Фотий, по его мнению, всего лишь мирянин, и только любовь Римского епископа к императору заставляет его воздержаться от порицаний в адрес Восточной церкви. В конце папа выражал радость по поводу того, что Василий Македонянин предназначил своему сыну св. Стефану духовную карьеру – видимо, в Риме были хорошо осведомлены относительно бли-

жайших планов василевса. Это послание пришло в византийскую столицу осенью 886 г., когда Василий I уже почил в Бозе, и в значительной степени развязало руки Льву VI в отставке св. Фотия. Если папа не признает св. Фотия законным патриархом, то как тот может оставаться на престоле? И наоборот: если понтифик приветствовал рукоположение св. Стефана в клирики, то, значит, с назначением брата Константинопольским патриархом проблем не будет¹²⁷.

Опасения царя связывались не с возрастом нового патриарха, а все с тем же св. Фотием. Дело в том, что рукополагал св. Стефана в диаконы сам св. Фотий. Но если он не признан законным патриархом, то, очевидно, и все его рукоположения являются ничтожными с канонической точки зрения. Однако император, не вдаваясь в такие подробности, никоим образом не ставил под сомнение факт посвящения своего брата. А сторонники св. Фотия тем более желали отдать последнюю дань уважения своему учителю и вождю. Оставался Рим, с которым Лев Мудрый начал выстраивать добрососедские отношения, и «игнатиане», вовсе не исчезнувшие со страниц церковной истории после смерти св. Игнатия и сохранившие вес в обществе. Они, известные ригористы и сторонники застывших форм, представляли главную угрозу для Льва VI и св. Стефана.

Чтобы не создавать очередного раскола, император собрал всех заинтересованных лиц в Константинополе в начале 887 г. на Собор, причем в число приглашенных попали не только епископы и игумены, но и рядовые монахи, пресвитеры, диаконы. Возглавлял «игнатиан» митрополит Неокесарийский Стилиан. В своей речи царь напрямую предложил «игнатианам», если те опасаются вступать в общение с патриархом св. Стефаном, направить просьбу папе в Рим дать разрешение на служение с клириками, поставленными св. Фотием. Естественно, «игнатиане», довольные отставкой св. Фотия, согласились и направили послание папе Стефану V¹²⁸.

В своем письме в Рим Стилиан долго обличал св. Фотия, просил простить народ Константинополя за заблуждения относительно свергнутого патриарха (св. Игнатия), неожиданно и неприятно для понтифика заметив, что это произошло под руководством папских легатов, а затем сформулировал главную просьбу. «О, честный глава! Ведь никто из бывших в общении с Фотием не сделал этого по собственному побуждению, но лишь по насилию предрежащей тогда власти. Молим твое преподобие: пожалей отчаявшихся людей! Через это ты и сам удостоишься милости Божией, дабы молитвами Богородицы и всех святых управлять как можно дольше Апостольской церковью».

Получив столь лестное для себя (за небольшим, но неприятным исключением) послание митрополита, понтифик не без удовольствия вмешался в дела Константинопольской церкви в роли почетного и абсолютного судьи. Однако, к неудовольствию греков, начал с того, что вернулся к вопросу о каноничности поставления патриархом св. Фотия.

В своем ответном письме он выразил недоумение тем обстоятельством, что в послании восточного клира говорилось о низложении св. Фотия, а в послании императора – о добровольном оставлении им патриаршего престола. Эта разница слишком существенна, заметил понтифик, чтобы пропустить ее мимо. А поэтому потребовал прислать в Рим восточных епископов, дабы исследовать все обстоятельства дела, после чего (не раньше) готов будет вынести окончательное суждение по данному вопросу. «Ибо святая Римская церковь служит как бы зеркалом и образцом для прочих церквей, и что она постановит, то остается нерушимым на вечные времена»¹²⁹.

Письмо папы поставило Стилиана и его сторонников в крайне затруднительное положение. Получалось, что если св. Фотий добровольно оставил престол, то, следовательно, ранее он занимал его законно. Говорить же, что его низвергли – значит, утверждать заведомую ложь: ведь никакого специального Собора для повторного осуждения св. Фотия не собирали; и Рим прекрасно знал об этом. Целых 3 года «игнатиане» находились в размышлении относительно того, как отвечать апостолику; наконец ответ был подготовлен.

В ответном послании они пояснили, что якобы просто вышло недоразумение. Те, кто писал, будто св. Фотий отрекся добровольно от патриаршества, признавали его священническое достоинство, но они сами строго следовали приговорам пап Николая I и Адриана II. «Как мы могли признать осужденного добровольно отказавшимся?» – риторически вопрошали «игнатиане». Вместе с тем напомнили свою старую просьбу относительно тех, кто признавал св. Фотия патриархом по насилию, и ссылались на аналогичное желание императора, «который вывел нас из тьмы и сени смертной и даровал свет свободы». За счет таких хитроумных словопроений митрополит Стилиан и его партия надеялись выйти из сложного положения, одновременно с этим уклоняясь от категоричных суждений по главному вопросу – признают они св. Фотия легитимным патриархом или нет.

Но папе Стефану V не суждено было завершить начатое дело, поскольку к тому времени он уже отдал Богу душу. Впрочем, смена лиц на папском престоле практически не повлияла на существо вопроса. Новый понтифик Формоза (891—896) направил в 892 г. в Константинополь послание, в котором укорял византийцев за то, что они не уточняют, кого следует прощать: если признавшие св. Фотия патриархом миряне, то они достойны снисхождения; а если клирики, то как сообщники осужденного сами заслуживают осуждения. Правда, новый папа готов был простить и их, если они признают себя согрешившими, покаются и пообещают впредь не грешить.

Однако имело место существенное уточнение в письме: папа Формоза особенно отмечал, что таковых он готов простить, но как мирян, из чего выходило, что и Константинопольский патриарх св. Стефан, царственный брат, по существу должен оставить патриаршую кафедру и остаться в звании мирянина. Отдельно досталось митрополиту Стилиану, которого папа жестко отчитывал за отказ прямо и откровенно ответить на главный вопрос: признает ли он св. Фотия патриархом? Послание это было привезено в Константинополь папскими легатами, которым Формоза и поручил дальнейшее расследование дела.

Столь негибкая позиция Рима в очередной раз сильно охладила отношения между Западной и Восточной церквями. Разумеется, император Лев Мудрый никогда не пошел бы на то, чтобы добровольно, своими руками низвергнуть с патриаршего престола собственного брата, им же поставленного в столичные архиереи. Даже строгие «паписты» – Стилиан и «игнатиане», основу которых составляли Студийские монахи, испытали горькое разочарование по поводу столь нелепых амбиций Рима. Мало-помалу они начали присоединяться к своему юному патриарху, нисколько не заботясь о том, признан он таковым Римским епископом или нет¹³⁰.

Поскольку же в этот период времени всеми делами в Восточной церкви управлял сам император, то, по сути, весь клир объединился вокруг Льва Мудрого. Возможно, эта история еще могла бы иметь свое продолжение, но 17 мая 893 г. патриарх св. Стефан скончался и был погребен в малоизвестном Сикейском монастыре. Позднее он был причислен Константинопольской церковью к лику святых, как праведник и великий аскет.

Смерть св. Стефана вызвала новые интриги, связанные с личностью будущего патриарха. Небезызвестный нам Заутца, по-прежнему имевший серьезное влияние на императора, сделал все, чтобы не допустить поставления в столичные архиереи Евфимия – духовника Льва Мудрого, яркого представителя партии «игнатиан». И действительно, новым Константинопольским патриархом решением царя был назначен св. Антоний II Кавлей (893—901), ранее подвизавшийся на монашеском поприще в одной из обителей на берегу Босфора.

Это был очень интересный человек, происходивший из знатного рода, начитанный (он научился читать в 5-летнем возрасте), благочестивый и аскетичный. Еще в молодости он был посвящен св. Фотием в пресвитеры и, следовательно, являлся представителем партии «фотиан» – неприятное известие для Рима. Кроме того, незлобивый и простой, патриарх св. Антоний II снискал любовь и уважение среди «игнатиан». Выбор царя пал на него не только по этим причинам, но и вследствие того, что, будучи престарелого возраста, совершенно не

разбираясь в политических делах и далекий от дворцовых интриг, он никак не мог стать конкурентом Льву Мудрому в части церковного и государственного управления¹³¹.

Даже ригоричный Стилиан безоговорочно признал св. Антония II в патриаршем достоинстве и лишь написал в Рим письмо, в котором ради приличия спрашивал согласия папы на церковное общение с «фотианами», мало беспокоясь ожидаемым ответом. Конечно, это послание повергло понтифика в шок. Новый папа Иоанн IX (898—900) даже усомнился, не в насмешку ли над ним Стилиан направил такое письмо, не стремился ли он унижить Римский престол, и, разумеется, не дал своего согласия. Но, умудренный печальным опытом своих предшественников, заметно смягчил тон ответного послания, опасаясь окончательно потерять сторонников в Константинополе. В конце концов отношения между двумя «вселенскими» кафедрами выровнялись и стали почти мирными, тем более что вскоре патриарх св. Антоний II скончался, а вместе с ним исчез и предмет спора¹³².

Но здесь возник новый вопрос, вновь взбудораживший Кафолическую Церковь. Как известно, замужество первой любви Льва Мудрого Зои Заутцы на Феодоре Гузуниате не прервало, однако, между ними прежних интимных отношений. В 893 г. Льва VI постигло сразу два несчастья: умерла его дочь Евдокия, а вслед за ней императрица св. Феофания (10 ноября). Царь решил построить храм в ее честь, и вскоре многочисленные чудеса на могиле покойной императрицы засвидетельствовали, что Византия обрела новую святую¹³³.

А в начале 894 г. скончался муж его старой возлюбленной – теперь руки василевса оказались развязанными. Недолго думая он поселил Зою у себя во дворце, а в утешение даровал ее отцу новый в византийской иерархии титул «василеопатр» («отец царя»).

Однако горячее желание царя соединиться с Зоей законным браком встретило неожиданное препятствие со стороны его же духовника Евфимия, наотрез отказавшегося венчать императора с этой «дурной женщиной». Монах вполне резонно говорил царю, что тот может венчаться с любой другой женщиной, но только не с этой, поскольку в таком случае все подумают, будто слухи и сплетни об их преступной и богопротивной связи являются правдой. Но Льву Мудрому было нечего терять, и потому император не принял аргументов старца, стараясь все же уговорить его¹³⁴.

Однако пресвитер неизменно отказывал в удовлетворении просьбы царя, за что и был отправлен в обитель св. Диомида, откуда продолжал порицать «дерзновенное беззаконие». Нет никаких сомнений в том, что это довольно суровое наказание было подсказано императору василеопатром (уже!) Заутцой, которого очень обидел отказ Евфимия венчать его дочь с царем. Все же в конце 894 г. придворный священник Синап совершил таинство брака, за что был подвергнут запрещению патриархом св. Антонием. Впрочем, император недолго наслаждался счастьем – осенью 896 г. императрица Зоя умерла от внезапной болезни. Как рассказывали, для похорон ей нашли гроб, на котором были вырезаны слова: «Дочь Вавилона несчастная» – явный намек на Зою, как «Вавилонскую блудницу»¹³⁵.

Горе не сломило императора, и он, думая о продолжении династии (брат Александр, проводящий время в пьянстве и развлечениях, внушал мало надежд), в 899 г. женился в третий раз на девушке Евдокии, происходящей из знатного армянского рода Ваяни и проживавшей до этого в Опсикийской феме. Но вновь пришла беда – в 900 г. при родах новая царица умерла, а вместе с ней и новорожденный ребенок, сын Василий.

И тут неожиданно василевсу пришлось встретиться с жесткой оппозицией со стороны столичного клира. По обыкновению, царь желал придать тело покойной супруги земле, но игумен монастыря св. Лазаря вернул гроб в царский дворец, отговорившись тем, что не желает совершать погребение в праздник Святой Пасхи. На самом деле это событие имело тайный подтекст: клирики отказывались признать Евдокию императрицей, поскольку та являлась третьей женой Льва Мудрого, а, следовательно, данный брак по государственным законам был сомнительным.

Разумеется, этот подтекст не являлся тайной для царя. По его приказу гроб доставили в храм Святых Апостолов, но желание императора отпеть покойную в День Воскресения Христова, было вновь отвергнуто. Царь написал послание Евфимию, в котором просил пресвитера совершить печальный обряд, ссылаясь на то, что в канонах нигде не содержится запрета на отпевание покойников в Святую Пасху, однако тот был непреклонен. Он написал ответ императору, в котором недвусмысленно отмечал, будто царь сам виновен в случившемся: «Что мы сами устроаем себе, то и принимаем от Того, Который праведно судит наши дела». Старец намекал на недавнее предсказание, переданное императору, согласно которому ему предлагалось выпустить из тюрем всех должников, иначе царя постигнет несчастье. Этот тайный подтекст, являющийся очередной попыткой вмешаться в полномочия царя, нигде не оглашался. Официальная версия склонялась к тому, что в Пасху хоронить нельзя¹³⁶.

Разумеется, Лев Мудрый был не тем человеком, которого пугали препятствия. Желали того отдельные клирики или нет, но он решил похоронить Евдокию, как Римскую царицу, и привел свой замысел в исполнение: 20 апреля 900 г. она была погребена в храме Святых Апостолов¹³⁷.

Вновь император остался один и, чтобы не нарушать строгий этикет, царящий во дворце, венчал императрицей свою дочь от первого брака Анну, как царицу, что, конечно, не решало главной проблемы – рождения наследника. Этот шаг отчетливо свидетельствует о том, что первоначально Лев Мудрый не собирался жениться, а если и искал новую супругу, то не для плотских утех, а с целью обеспечить Византии законного преемника царской власти¹³⁸. В принципе наследником могла стать и его дочь, но Анна уже была сосватана за Людовика III Слепого (880—928), короля Нижней Бургундии, затем Италии и впоследствии императора Западной империи. Правда, по неизвестным причинам этот брак так и не состоялся.

И нет ничего удивительного в том, что в 902 г. Лев Мудрый сошелся с Зоей Карбоносиной («черноокой»), от которой надеялся получить наконец-то наследника, что было невозможно с правовой точки зрения без его законного бракосочетания с пассией. Для укрепления своей позиции и достижения цели (брак с Зоей) Лев VI возвел на патриарший трон друга детства и приемного брата (его крестным отцом выступил сам император Василий I Македонянин) Николая Мистика (901—907 и 912—925). Ранее он являлся секретарем царя, «мистиком», откуда и получил свое прозвище.

Однако вскоре выяснилось, что этот выбор был, мягко говоря, неудачным. Во вновь поставленном патриархе внезапно обнаружилась сильнейшая тяга к власти и желание сосредоточить в одних руках (естественно, своих) все нити управления и Церковью, и государством. Он полагал само собой разумеющимся открыто оспаривать акты царя и вообще свысока смотрел на императора, которого считал по статусу ниже себя.

«Его бессердечие и черствость в отношении тех, кому он раньше выказывал самую низкую лесть, были непреклонны; без всяких зазрений совести, без пощады он топтал своих врагов ногами, готовый при этом во всякую минуту, если бы счастье повернулось и собственная выгода того потребовала, вновь стать их крайне почтительным и самым верным слугой», – давал нелицеприятную характеристику Николаю один исследователь, и к этим словам сто́ит прислушаться¹³⁹.

Ученик и племянник св. Фотия, харáктерный и один из самых образованнейших людей своего времени, Мистик вовсе не собирался уподобляться покорному воле императора св. Стефану или св. Антонию II Кавлею. Конечно, в перипетиях последующих событий присутствовал и личный аспект неприязненных отношений патриарха к василевсу и его отпрыску (очевидно, скрытая месть за дядю, который был смещен с патриаршей кафедры решением царя), но это было не главным.

Личность нового патриарха не следует ни демонизировать, ни идеализировать. Как и св. Фотий, Николай Мистик являлся человеком идеи и отдавал ей себя всего целиком, не размени-

ваясь на «мелочи», к которым он относил вопрос о преемственности царской власти и личности будущего императора. Убежденный в превосходстве священнической власти над царской, он делал все, чтобы новый принцип получил право на жизнь в Византийской империи. Однако эта идея шла вразрез с устоявшейся практикой управления Римским государством и Церковью и вела прямым ходом к грядущему разрыву отношений с Римской кафедрой.

Встретились два решительных характера, ни в чем не уступающие друг другу, и Льву VI пришлось уже в ближайшее время с опаской поглядывать в сторону патриарших палат. Отсутствие законного наследника являлось, собственно говоря, его личной проблемой, поскольку брат царя Александр официально также являлся императором, а потому после смерти Льва становился законным преемником власти. Отношения с ним у Николая Мистика складывались самые лучшие, а настрой мыслей и душевные качества соимператора навевали куда более позитивные и оптимистичные мысли в голове столичного архиерея, чем личностные качества Льва Мудрого, серьезно стеснявшего клерикальную партию.

11 мая 903 г. император со свитой как обычно явился в храм Св. Мокия, день памяти которого отмечался, и тут на него неожиданно набросился некий человек с дубиной в руках. Только чудо спасло императора: орудие убийства в полете столкнулось с паникадиллом и потому удар, пришедшийся на Льва Мудрого, был заметно ослаблен. Все же рана оказалась серьезной, хотя и не смертельной. Преступника поймали – им оказался некий Стилиан – и долго пытали, пытаясь найти сообщников, но тот так ничего и не открыл. Однако этот инцидент зародил в душе Льва VI подозрения, что покушение было организовано окружением его брата Александра при тайном и молчаливом согласии патриарха Николая Мистика. По-видимому, эти мысли были далеко не безосновательными, но подозрения, как известно, к делу не пришьешь, а потому никто из подозреваемых не пострадал¹⁴⁰.

Но буквально через год произошла еще одна история, усугубившая подозрения царя относительно своего брата и патриарха. В августе 904 г. полководец Андроник Дука получил приказ царя соединить силы с адмиралом Имерием и напасть на арабский флот в Эгейском море. Но в силу тайных интриг не успел к битве, в которой византийцы нанесли арабам поражение. Испугавшись наказания, Дука вместе со своей семьей и отданным под его командование отрядом отправился в крепость Кавала, что в Иконии, где прожил зиму с 904 на 905 г.¹⁴¹

На письма царя Андроник не отвечал, а когда узнал, что за ним направлен отряд под командованием domestika Григора Ивиритца, просто перешел на сторону сарацин. В это время ко Льву Мудрому прибыло несколько перебежчиков из числа слуг Андроника, и среди них оказался личный нотариус изменника, доставивший императору переписку Дуки с различными лицами, проживавшими в столице. Одно из них принадлежало патриарху Николаю Мистика. Особый интерес вызвало то обстоятельство, что в письме архипастырь умолял Андроника, которого величал будущим императором, быть предельно осторожным и не доверять царю¹⁴².

Может показаться странным, но император не покарал изменника – и этот факт иногда приводится как неопровержимое доказательство в пользу того предположения, что Мистик не участвовал в заговоре, и вообще письмо оказалось подложным. Но на самом деле ситуация в Константинополе была не настолько благоприятна для Льва VI, чтобы затевать политический процесс и публично карать патриарха. Его отношения с клерикальной партией и так казались чрезмерно натянутыми, и в случае смещения Мистика царь мог получить открытую оппозицию, поддержавшую его брата и других конкурентов на властном поприще. Понятно, что в этом случае легализация его сожительства с Зоей Карбоносиной становилась практически невозможной. А ведь в это время Зоя уже ждала ребенка, наследника царя, и все признаки свидетельствовали, что он – мальчик. Поэтому император не дал хода следствию и даже скрыл от патриарха, что знает о его письме.

Но тот все равно почувствовал перемену в настроениях своего названного брата и резко смягчил свою позицию – очевидно, что все же некоторые сановники негласно донесли ему

о подозрениях царя. Патриарх начал проявлять подобострастие и даже пообещал василевсу узаконить брак и статус наследника, хотя против этого открыто возражал митрополит Лаодикийский Епифаний. Более того, патриарх начал добровольно докладывать императору о тайных разговорах, происходящих среди епископов и митрополитов, и всячески ему угождал¹⁴³.

Не могут не вызывать удивления картины, когда при встречах патриарх предсказывал царю рождение мальчика и уверял в благополучном исходе всех его пожеланий¹⁴⁴. А при наступлении времени родов (сентябрь 905 г.) архиерей вместе со всем клиром молился о благополучном разрешении Зои от бремени. Примечательно, что при рождении Константина Порфирородного на небе появилась яркая комета, после этого 40 дней испускавшая лучи, и все решили, что родился новый василевс, царствие которого будет успешным¹⁴⁵.

Здесь-то и проявилось все коварство Мистика – патриарх подтвердил свое обещание крестить новорожденного Константина как царевича, но при том обязательном условии, что царь расстанется с Зоей (!). Лев Мудрый слишком поздно понял, в какую попался ловушку: в данный момент времени только патриарх мог в привычных для византийцев формах признать Константина законным сыном и наследником императора, и потому никакое административное насилие в отношении него, включая отставку, ничего бы не дало.

Начались тайные переговоры, и в конце концов Мистик вырвал у Льва клятву выгнать Зою из дворца и навсегда прекратить с ней связь. Лишь в январе 906 г. младенец, восприемниками которого стали император Александр и духовник царя Евфимий, был крещен патриархом в царской купели.

И тут Лев вернул Мистика долг: буквально через 3 дня Зоя была публично введена императором во дворец. Патриарх негодовал, но ничего поделать не мог. В отместку он заявил царю, что никогда не повенчает их с Зоей – она останется конкубиной, сожительницей, и никогда не станет императрицей. Поняв, что мирно уладить отношения с Мистиком не удастся, император в день Пасхи 906 г. поручил придворному пресвитеру Фоме совершить Таинство и сам возложил на голову жены императорскую диадему. После этого в народе начали говорить, что Лев Мудрый был для Зои «и муж, и архиерей»¹⁴⁶.

Долгие месяцы прошли в бесконечных спорах между архиереем и царем: Мистик все пытался убедить Льва Мудрого отказаться от Зои и дезавуировать свой брак, но император был непреклонен. Понятно, что предложение архиерея было неприемлемо для Льва Мудрого. Если мать Константина не признана законной женой императора, то при желании и права маленького сына на престол могли быть с легкостью отклонены, как незаконнорожденного царевича¹⁴⁷.

Царь понимал, что едва ли Мистика смущают канонические основания его брака и на самом деле архиерей ведет свою почти беспроигрышную политическую игру. На кону стоял вопрос о власти, причем в различных аспектах. В первую очередь кто является властителем Римской империи – царь или патриарх. Во вторую – кто станет императором. Понятно, что оба вопроса были взаимосвязаны: личности конкретных императоров и патриархов много значили для формирования устойчивой политической тенденции в Византии. При одном развитии событий столичный архиерей мог стать лицом, властвующим над Константином, когда тому придет время принять бразды правления в свои руки. При другом сценарии Николай Мистик оказывал большую услугу брату царя Александру, отказываясь венчать после смерти Льва Мудрого его наследника на царство и передав власть тому, кто еще Василием Македонянином признан соимператором.

Следует учесть и правовую подоплеку событий, о которой много говорили позднее. В принципе вопрос о каноничности четвертого брака не был к тому времени решен со всей непреклонностью церковных и государственных законов. До св. Юстиниана I Великого и много позже четвертые браки разрешались мужчинам, и только императрица св. Ирина в 800 г. запретила третий брак, не говоря уже о последующих. Император Василий I Македонянин также в «Прохироне» посчитал четвертый брак неблагочестивым, обязав накладывать епитимию и на

брачующихся в третий раз. Наконец, сам Лев VI Мудрый в одном из своих недавних законов осуждал третий брак, и теперь сам шел наперекор собственному же узаконению. Но на Западе третий и четвертый браки не считались предосудительными, и данное обстоятельство в условиях все еще единой Кафолической Церкви и только складывающейся практики на этот счет даровало императору надежду на счастливое разрешение своего вопроса.

В конце концов патриарх предложил созвать Собор и поручить ему решение этого вопроса. Лев VI согласился, но тут же внес существенные коррективы – Собор будет созван, но только для того, чтобы признать его брак каноничным и тем самым решить разом две задачи: развязать руки патриарху, сняв с того бремя персональной ответственности, и узаконить статус наследника через разрешение четвертого брака. Пожалуй, едва ли кто-нибудь станет оспаривать тот факт, что данное предложение было вполне приемлемым для обеих сторон. К сожалению, как и ранее, над патриархом довели политические пристрастия, и он начал открытую борьбу.

В развитие мысли о способе узаконения своего брака император направил приглашение в Рим и в другие патриархии прибыть на Собор в Константинополь, но в отместку Николай Мистик наложил на Льва беспрецедентную епитимию: царю не воспрещалось посещать Литургию и слушать Евангелие, но нельзя было приобщаться Святых Тайн, кадить в храме и носить светильник во время Великого входа – обычные формы участия василевсов в богослужении¹⁴⁸.

Но Лев VI не признал промежуточных решений и попытался довести дело до логического конца: «Пока не увижу епископов, идущих из Рима, не буду входить в храм», – заявил он патриарху. Мистик откровенно был напуган – его волновали даже не «упрямство» царя, а тот факт, что, ссылаясь на Рим и ожидая заведомо положительный ответа оттуда, император тем самым ставит под сомнение его авторитет как «Вселенского» патриарха.

Напряжение возрастало, и тогда Лев Мудрый передал патриарху через доверенных лиц Николая Мистика, что в случае несговорчивости архиерея обнародует его письма к Андронику Дуке и, как государственного изменника, низвергнет с престола. В отместку патриарх на Рождество 906 г. запретил императору вход в храм Святой Софии, перегородив ему дорогу. Мистик предупредил Льва VI: «Если попытаешься войти в храм, я тотчас выйду из него со всеми священниками». В ответ василевс произнес: «Как кажется, ты, патриарх, издеваешься над нашим царским величеством, раз так говоришь и делаешь. Уж не ожидаешь ли ты мятежника Дуку из Сирии и, надеясь на него, презираешь нас?» Он вошел в храм, но по прочтении Евангелия вышел со свитой из него¹⁴⁹.

Вражда между царем и патриархом перестала быть тайной для столицы, и теперь обе стороны уже открыто, отбросив в сторону «политес», предпринимали меры, чтобы выиграть грядущий Собор. Первым неписаные правила нарушил Мистик, собравший у себя всех восточных епископов, пребывавших в Константинополе, и потребовавший подписать «соборную» грамоту царю о незаконности его четвертого брака. «Чтобы никто не пренебрегал своим престолом и не уступал его по отречению, но боролся до самой смертной участи. Чтобы все были тверды, непреклонны, не отрекались от Церкви, не уступали воле императора, но твердо стояли на своем», – напутствовал архиереев патриарх. «А кто не будет тверд, да будет ему анафема!»

Своему окружению он объяснял: «Если император прикажет под внушением дьявола что-нибудь противное закону Божьему, ему не должно повиноваться; должно считать несуществующим нечестивое повеление, исходящее от нечестивого человека. Никогда служитель Божий не будет повиноваться таким преступным приказаниям, и он скорее должен предпочесть утратить жизнь, чем служить такому господину»¹⁵⁰.

В этой риторике не только звучит непривычная для Византии тональность, когда речь заходила о царях, но и обращают на себя внимание исключительно негативные предположения

о характере деятельности государя. Такое ощущение, будто император только и делал, что подпадал под внушения дьявола и творил беззакония, а мудрый патриарх его обрывал и поправлял.

Это была уже неприкрытая попытка государственного переворота – ведь речь шла о прямом неповиновении царю, чего ранее никогда не случалось в Константинопольской церкви. Настала пора действовать уже императору, и 1 февраля 907 г., в день памяти святого мученика Трифона, он пригласил к себе на обед патриарха и епископов. Под конец трапезы царь спросил Мистика: «Доколе ложные обязательства и пустые обещания? До каких пор ложно измышляемые тобой распоряжения? Ты думаешь, мне неизвестны твои лукавства?»

Растерянный патриарх, не моргнув глазом, солгал, что грамота была написана им по требованию архиереев (!), но царь продолжил: «Неужели архиереи поручили тебе поощрять мятежника Дуку и подкапывать основания нашего царства?» В заключение диалога император объявил свою волю: патриарх и некоторые митрополиты должны быть изолированы до времени начала Собора, чтобы не смущать умы константинопольцев; это фактически означало недопущение Мистика на Собор.

В таких условиях византийские епископы вдруг поняли, что на Соборе они окажутся без своего главы, и это, несомненно, уронит честь Восточной церкви в глазах римских легатов, мнение которых заранее проглядывалось в ходе переписки царя с папой: они наверняка разрешат четвертый брак, как допустимый в Римской церкви. И вновь получится не равноправное обсуждение вопроса, а диктовка Римом своей позиции, которую, нет сомнений, утвердит император. И после того как в присутствии митрополитов Лев Мудрый приказал бывшим слугам Андроника Дуки зачитать старые письма патриарха мятежнику, многие архиереи решительно заняли сторону царя – это была та соломинка, которая, по известной пословице, ломает хребет верблюда.

Действительно, против Мистика свидетельствовали уважаемые люди – 2 стратига, 4 протоспафария, а также нотарий. Используя их присутствие, Лев VI немедленно предложил присутствующим архипастырям осудить Николая Мистика и низвергнуть с престола, что и произошло в действительности. Все же император не желал скандала, а потому направил опальному архиепископу столицы послание, в котором предлагал тому добровольно отречься от патриаршей кафедры, а в противном случае явиться на суд и оправдаться от обвинений в государственной измене. Немного поупрямившись, Мистик написал прошение об отречении. Разумеется, этот факт опровергал все прежние и будущие разговоры о лживости возводимых на патриарха обвинений¹⁵¹.

Теперь руки Льва VI были развязаны, и он, не теряя времени, предложил епископам назвать достойного кандидата на патриаршество. Но те и сами знали, какая кандидатура будет наиболее приятна царю – его духовник, престарелый и благочестивый Евфимий (907—912), бывший ученик св. Игнатия, родом из Селевкии, которому исполнилось уже более 70 лет. Их отношения со Львом Мудрым были настолько дружескими, что даже временная размолвка из-за второго брака императора не смогла их испортить, и некоторое время тому назад Евфимий был возведен царем в достоинство патриаршего синкелла. Желая всегда иметь его поблизости, василевс построил старцу монастырь Псамматий неподалеку от Студийской обители, где Евфимий и проживал. Когда духовнику доложили о выборе царя и епископов, он решительно воспротивился, говоря, что нельзя назначать другого патриарха на место Мистика, а следует простить ошибшегося архиерея. На время вопрос остался нерешенным.

В феврале 907 г. в Константинополь начали прибывать представители других восточных патриархов и римские легаты от папы Сергия III (904—911). Они имели на руках грамоту царю от понтифика, в которой тот принимал покаяние царя и разрешал ему четвертый брак. Начался Собор, на который император пригласил и сторонников Николая Мистика, но те решительно отказались, не желая вообще вступать в общение с участниками этого собрания. На соборных заседаниях сенсации не произошло: легаты высказались в том миролюбивом тоне, что третий

и четвертый браки не противоречат учению Христа и святым традициям, а потому и говорить в общем-то не о чем. Если же императора и можно в чем-либо упрекнуть, то, как глава Римской империи, он заслуживает снисхождения. Их позиция нашла понимание и у представителей восточных патриархов, подписавшихся под этим решением¹⁵².

Напоследок решили обсудить дело самого экспатриарха Николая Мистика, которого нашли виновным и достойным заключения в монастырь. Поскольку патриаршая кафедра оказалась вакантной, вспомнив старые обычаи, сообща назначили на нее Евфимия – старец не стал упорствовать перед лицом представителей всей Кафолической Церкви.

Увы, это решение только привело к новому расколу в Восточной церкви: Мистик не признал Евфимия патриархом, а в ответ тот запретил в служении священников, не желавших вступать с ним в церковное общение. Некоторых даже пришлось отправить в ссылку, например Григория, митрополита Эфесского, и Фотия, митрополита Гераклеяского. А из далекой ссылки Мистик посылал бывшей пастве одно послание за другим, призывая бойкотировать Евфимия. Собственно говоря, это являлось реставрацией старого противостояния «игнатриан» и «фотиан», но предмет их спора, отнюдь, не ограничивался фигурой Льва Мудрого и его четвертым браком¹⁵³.

Раскол пронизал всю Восточную церковь до самых последних провинций, а престарелый Евфимий оказался не в состоянии преодолеть его и залечить духовные раны своей паствы. Но главное событие все же произошло: 9 июня 911 г. патриарх Евфимий венчал 5-летнего младенца Константина Порфирородного на царство¹⁵⁴. Лев VI решил свой наболевший вопрос, хотя, как мы вскоре увидим, последнее слово в этой истории осталось все же не за ним...

Как же оценить это противостояние царской и патриаршей власти? Обратим внимание на главные детали. В условиях, когда вселенские каноны не оговаривали все случаи церковной дисциплины и касались лишь конкретных прецедентов, не было ничего невероятного или преступного в том, что царь выбрал ту практику, которая открывала ему желанные возможности. Отметим: помимо субъективных мотивов Лев, как царствующий монарх, должен был задуматься над тем, что будет с государством после его естественной кончины. А ответ в данном случае совершенно очевиден – угасание очередной династии всегда приводило к общественным нестроениям, которые можно было миновать, обеспечив Римской империи законного наследника престола. И, очевидно, правы те, кто утверждал, что в итоге Лев VI Мудрый оказал значительную услугу Византии: только наличие законного наследника, вокруг которого сплотились все его приверженцы, не дало Империи погибнуть в хаосе наступившего безвластия.

«Если Македонский дом вместо того, чтобы занимать престол в течение нескольких недолгих лет, управлял Византией в продолжение почти двух веков, дав ей славу и редкое благоденствие, она этим главным образом обязана предусмотрительности Льва VI, тонкой дипломатии и спокойному мужеству, с каким этот царь преследовал свою цель, достигнутую несмотря на все трудности, несмотря на все сопротивления»¹⁵⁵.

Глава 3. Война с болгарами и арабами

Нестроения в межцерковных отношениях самым негативным образом повлияли и на ход государственных дел. В первую очередь слабиной дала жесточайшая дисциплина, установленная императором Василием I для византийского чиновничества. Льву VI, вынужденному проводить время в баталиях с собственным патриархом, было просто некогда следить за этим. Как следствие, взяточничество и административный произвол вновь стали привычными картинами в провинциях. Очень тяжелая обстановка сложилась на «арабском» фронте. Для того чтобы хоть немного понять, в каких тяжелых условиях приходилось действовать правительству Льва Мудрого, дадим общую картину событий тех волнительных лет.

Хуже всего дела византийцев складывались в Средиземноморье. В 888 г. арабы вследствие предательства захватили пограничный город Ипсила и взяли всех его жителей в плен¹⁵⁶. Обстоятельства складывались для византийцев так, что они уже не мечтали вернуть захваченные сарацинами средиземноморские острова, думая более об активной обороне, чем о наступательных операциях. Но эта стратегия не оправдала себя. В октябре 888 г. их флот прибыл в Регнум и, пройдя Мессинский залив, встретился с арабскими кораблями. Сражение закончилось для христиан катастрофой – византийский флот был уничтожен, погибло более 7 тысяч воинов.

Преследуя отступающих ромеев, арабы достигли берегов Калабрии, а затем вернулись на свою базу в Палермо. Затем сарацины осадили город Самос, стратиг которого Паспала после штурма попал в плен к мусульманам. Правда, вскоре после этого военные действия в Сицилии прекратились, поскольку в 890 г. началась междоусобная война между сицилийскими сарацинами и прибывшими на остров африканскими берберами. Более того, сарацины заключили с византийцами перемирие сроком на 40 месяцев, произвели обмен пленными и выдали им своих заложников в качестве гарантии исполнения условий мирного договора. Но в конце концов в 900 г. берберы победили, их флот взял штурмом Палермо, и многие арабские семьи даже переселились в немногие оставшиеся на Сицилии византийские города в поисках убежища¹⁵⁷.

Но и на других театрах боевых действий ситуация была не лучше. В 892 г., после смерти аль-Мутамида, новым халифом стал Ахмад ибн-Тальха (892—902), родной племянник покойного правителя. Твердый и решительный, смелый и удачливый, он стал одним из последних властителей арабов, с чьим именем связывались успехи внутри государства и вовне. Строгий и справедливый, он снискал любовь населения за личную бережливость и высокую образованность. Новый халиф удачно вел войны с Византией и тюрками, угрожавшими Халифату. Его войскам даже удалось пленить их правителя вместе с женой¹⁵⁸.

Попутно императору пришлось столкнуться с волнениями на Западе, где взбунтовался стратиг фемы Лонгивардия, герцог Беневента Аиона, зять Франкского короля. Для усмирения бунтовщика царь отправил войско западных фем под командованием препозита двора Константина, но в случившемся в 887 г. сражении византийцы потерпели поражение около Бари¹⁵⁹. Справиться с герцогом Беневента мешали все те же средиземноморские арабы, вынуждавшие византийцев буквально распылять свои силы для противодействия грабительским набегам сарацин и яростной мусульманской экспансии.

Дела в Закавказье также развивались не лучшим образом, хотя начало царствования Льва VI выглядело в этом отношении весьма перспективным. Так, в 885 г. по инициативе патриарха Малой Армении Георгия (870—888) царский венец был отдан Багратида Ашоту (885—890). Следует сказать, что эта династическая ветвь сыграла далеко не последнюю роль в истории Армении и Грузии. Как полагают, Багратиды представляли собой знатный и старинный армянский род, первые представители которого снискали славу на воинском поприще. Хотя сохранились сведения и о том, что этот род имел древнее еврейское происхождение. В скором

времени Багратиды приобрели большие земельные владения в горном массиве Малого Кавказа вблизи Аракса и даже проникли в Араратский регион. Не удивительно, что впоследствии один из Багратидов женится на наследнице Грузинского царства.

Ашот был мудрым и опытным правителем, однако одно обстоятельство оказалось выше его – царские возможности оказались весьма и весьма ограниченными. С одной стороны, Ашот должен был выплачивать дань арабам, с другой – имел обязательства и перед императором. В довершение всех бед часть армянских дворян выдвинула нескольких претендентов на царский трон, с которыми Ашоту пришлось бороться. По счастью, задача оказалась ему по силам, и в конце концов мятеж удалось подавить. Понимая, что мусульмане Курдистана всегда будут угрожать его царству, Ашот отправился в Константинополь, надеясь найти поддержку у императора, в жилах которого текла армянская кровь, и у многочисленных византийских аристократов, принадлежавших к этому же этносу.

Его поездка была чрезвычайно успешной. Государи подписали два договора – политический и торговый, армяне выставили солидный отряд воинов в помощь Византии для войны с болгарам, а ромеи обязались направить в Армению несколько полков своих воинов по окончании болгарской кампании. К несчастью, на обратном пути, в Трапезунде, Ашот скончался¹⁶⁰.

Таким образом, в 890 г. трон достался его сыну Семпаду I (890—914), продолжившему политику отца. Вскоре он направил посольство в Константинополь и был включен в состав союзников Византии. Не желая, однако, становиться и открытым врагом мусульман, Семпад ничего не имел против того, чтобы представитель халифа возложил на его голову царский венец. Таким эффективным способом был обеспечен внешний нейтралитет Армении как «буферного» государства. Но в действительности Лев VI и Семпад I по вполне понятным причинам, как единокровные лица, поддерживали весьма дружеские отношения и даже заключили в 893 г. тайный союз против арабов. Как говорят, император называл Семпада возлюбленным сыном и уверял того в ненарушимости их союза. А Армянский царь относился ко Льву как к отцу.

И действительно, Византийский император был весьма чуток к армянским делам. Когда до него дошли сведения о том, что арабы обратили в крепости все христианские храмы в области Фасианы, которой в то время владели мусульмане, он немедленно отправил туда патриция и стратига Армениака Лалакона со стратигами Колонеи, Месопотамии и Халдеи, которым удалось вернуть храмам их прежний статус. А через короткое время магистр и domestik схол Катакал, напав на Феодосиополь, опустошил его окрестности, разрушив находившиеся там сарацинские укрепления, чем нанес сильный удар сарацинскому владычеству в тех местах.

Однако новому царю армян все равно предстояли нелегкие испытания. Для начала ему пришлось подавить мятеж, поднятый его собственным родным дядей Араксом, а затем вступить в противостояние с эмиром Азербайджана Юсуфом, недовольным тем, что Семпад начал отправлять дань халифу непосредственно, минуя, как это было в прежние годы, правителя этого региона, выступавшего в качестве посредника.

Ситуация усугублялась тем, что некто Григорий, князь Тарона, донес на Семпада халифу. Как следствие, халиф вдвое (!) увеличил дань, взимаемую с Армении. Разумеется, это привело к началу военных действий, далеко не безуспешных для мусульман – армянская армия терпела поражение за поражением. В одном из сражений сам царь был взят в плен, но даже под пытками не отрекся от христианской веры, за что был обезглавлен в Двине¹⁶¹.

К сожалению, личные амбиции некоторых вождей из обоих лагерей помешали далее развить положительные тенденции. Так, приход Николая Мистика на патриаршую кафедру самым негативным образом сказался и на характере отношений с Армянской церковью. Предыдущая церковная деятельность со стороны Константинополя и наиболее разумных армянских архиереев многое дала для умиротворения сторон, но формально Армянская церковь никогда не

отрекалась ни от одного из своих «монофизитских» Соборов. А потому последующее рецензирование Халкидонских актов могло иметь место лишь при последовательной и терпеливой работе клира среди рядовых членов Церкви, чего, увы, на самом деле не случилось. Ситуация осложнялась тем, что армяне традиционно не только не блистали богословскими познаниями, но, напротив, были фаталистично привержены своим древним церковным обрядам и чуждались всего нового, даже если это «новое» было основательно забытым старым.

Помимо этого, в ситуацию межцерковного общения вмешались арабы, крайне недовольные постепенным сближением армян с византийцами. Уже вскоре после Собора в Ширакаване в 842 г. представитель халифа некто Исей разрешил носить перед католиком хоругвь с крестом, что, конечно же, не могло не остаться незамеченным среди армянского священноначалия. К несчастью, в это же время в Константинопольском синоде решили подвергнуть ревизии недавние договоренности с беспокойными и не очень верными соседями. Николай Мистик не относился к фигурам, способным на компромисс, для него приемлемым было лишь тотальное подчинение своей воле. И потому в первую очередь он решил исключить все то, что не вписывалось в привычные для греков формы и традиции. Как следствие, все недавние договоренности, должны были сблизить обе Церкви, в скором времени были «дружно» преданы забвению обеими сторонами. Само собой, охлаждение отношений не заставило себя долго ждать¹⁶².

Параллельно с этим продолжались, хотя и с переменным успехом, военные действия между византийцами и арабами. В 891 г. мусульманский полководец Ахмед-ад-Уджейфи соединился с двумя другими правителями арабских областей и дошел по южному берегу Малой Азии до Саланду (в древности – Селинунт), прибрежного города Западной Киликии. Армия сарацин была весьма многочисленна, к тому же ее активно поддерживал арабский флот, и потому византийцы уже собирались сдать город, как случайным снарядом катапульты с крепостной стены был убит один из вождей похода Язаман – этнический грек, перешедший в Ислам и прославившийся своими победами над бышими единоверцами. Смущенные арабы отступили от Саланду.

Однако положение дел в Италии было совершенно катастрофическим: в 891 г. сарацины прочно обосновались на дорогах, ведущих в Рим из Нарни, Риети и Непи, и в течение 30 последующих лет (!) ни один паломник не имел возможности пройти в Вечный город, не заплатив мусульманам произвольной «дани». Центральной власти на полуострове уже давно не существовало, и каждый город, каждая крепость и область были предоставлены собственным силам¹⁶³.

Зато в столице Халифата набирала оборот анархия – скорый предвестник кончины единой Арабской державы. После смерти Ахмада ибн-Тальха престол занял его сын аль-Муктафи Биллах (902—908), которого по праву относят к одному из последних великих халифов арабов. Деятельный и воинственный правитель, он не считал мир естественным состоянием своего все еще громадного государства. В первую очередь халиф усмирил карматов, грабивших торговые караваны в Сирии. Затем его взор обратился против Тулунидов, захвативших его египетские владения. Несколько лет длилась война, и наконец, в 907 г., Тулуниды пали, а Египет был возвращен Халифату. Однако это стало «последней песней» воинственного правителя: в 908 г. в возрасте 35 лет он скончался¹⁶⁴.

Осенью 893 г. в Тарс с поручением правителя Египта и Сирии прибыл Ахмед-ибн-Абба, который совместно с уже известным нам Ахмед-ад-Уджейфи произвел нападение на Западную Киликию, дойдя до местности Лалассиса. А летом 894 г. арабы захватили город Малурию¹⁶⁵.

В декабре 895 г. византийская армия потерпела еще одно крупное поражение от мусульман. Но арабы, понеся значительные потери, не желали продолжения войны и согласились на перемирие с обменом пленными. Надо сказать, что организация обмена была поставлена из рук вон плохо, и он состоялся только в октябре 896 г. К тому времени император уже заключил мирный договор с болгарями, надеясь аккумулировать силы на Востоке, но особых успехов

не достиг. В августе 897 г. сарацины овладели крепостью Курой в Каппадокии, а летом следующего года арабский флот имел решающий успех в битве с византийцами у берегов Малой Азии, потопив множество греческих судов¹⁶⁶.

Но в Малой Азии наметился стратегический перелом, связанный с прибытием туда знаменитого полководца Никифора Фоки Старшего, победителя западных арабов в Италии, в благодарность которому местное население даже возвело храм в честь его покровителя св. Никифора. Как свидетельствуют современники, благородство византийского полководца стало неким эталоном для всякого военного. Уходя из Италии, византийское войско уводило с собой большое число пленных местных жителей, которые должны были быть проданы в рабство. Но когда византийские войска прибыли в Брундизий, откуда они намеревались переправиться в Иллирию, Никифор, не сказав никому ни слова, посадил свои войска на корабли, а всех пленных оставил в Италии, даровав им свободу.

В начале 900 г. Никифор Фока по приказу императора двинулся в Киликию с войсками восточных фем против арабов, осадивших город Мисоию. Через горный проход Маврианон он приблизился к городу Адане и разгромил арабское войско, пытавшееся остановить его. Захватив множество пленных, включая правителя Сирии Абу-Сабита, а также богатую добычу, Никифор не стал штурмовать города, а прошел через другой проход по горной дороге Каридон. Арабское войско, осаждавшее Мисоию, немедленно сняло осаду и бросилось вслед уходящему Никифору Фоке, но безуспешно пыталось его догнать¹⁶⁷.

Однако война есть война, и самого Никифора Фоку иногда преследовали неудачи. Летом 901 г. сарацинские отряды под командованием Назар-ибн-Музаммеда взяли несколько пограничных крепостей, захватив 200 знатных пленников, в том числе духовных лиц, и с триумфом вернулись в Багдад. К сожалению, войско Никифора Фоки не смогло им противодействовать. Тем не менее уже в ноябре 901 г. византийский полководец совершил удачное морское нападение на приграничный месопотамский город Кейсума, захватил 15 тысяч пленных и таким способом на время остудил воинственный пыл арабов¹⁶⁸.

Но в целом император Лев VI не был склонен воевать с сарацинами – за исключением первоначальных операций по закреплению византийского влияния на Кавказе, он не провел ни одной инициативной военной кампании. Однако и арабы все реже проявляли активность в военных операциях против византийцев на Востоке. Гораздо опаснее положение Римской империи было на Западе, где неожиданно активизировались болгары.

Началось с того, что после добровольного отречения св. Михаила (св. Бориса) от царской власти его сын и наследник Владимир-Росат (889—893) тут же попытался реставрировать язычество. Решительный и смелый, сформировавшийся как личность еще в те годы, когда болгары не признавали христианство единственной истинной верой, он, положившись на своих сторонников, начал смертельную борьбу с Церковью. По его приказу храмы разорялись и закрывались, священники изгонялись, а христиане подвергались телесным наказаниям и пыткам. В силу вынужденных обстоятельств престарелый св. Михаил покинул монастырь и возглавил борьбу против сына-отступника, которая вскоре завершилась его блестящей победой. Владимир был низложен, ослеплен и брошен в темницу. А на созванном св. Михаилом в 894 г. народном собрании царем был избран его младший сын Симеон (893—927), с которым некогда Лев Мудрый обучался за одной скамьей у св. Фотия¹⁶⁹.

Это был поистине выдающийся правитель своего времени. С детства его готовили к священническому сану, а потому Симеон отлично изучил логику и риторику и вообще сохранил любовь к наукам на всю жизнь. Как говорят, его палаты были всегда наполнены книгами (дорогое удовольствие), и он неизменно на ночь читал Священное Писание и Святых Отцов. Став царем болгар, Симеон не утратил благородства и тяги к аскетизму – его дворец мало отличался от кельи отшельника¹⁷⁰.

Христианское рвение Симеона было для всех бесспорным: как говорят, он стал настоящим миссионером Болгарии, искренне желая, чтобы его народ воцерковился. А потому распорядился перевести на болгарский язык творения Святых Отцов, причем сам лично принимал участие в переводах. За это Симеон был назван «Новым Птолемеем, который, подобно трудолюбивой пчеле, собирает сок со всех цветов, чтобы распространить его среди бояр»¹⁷¹.

Однако при всем своем духовном совершенстве как христианин, Симеон вовсе не был миролюбивым человеком и сразу же по воцарении объявил Византии войну. Рассказывают, что причина заключалась в непомерных податях, которыми близкие к василеопатру Заутце торговцы обложили болгарских купцов в Фессалониках. Нет сомнений в том, что греками руководило желание умножить свое благосостояние, что казалось удобнее сделать подальше от царских глаз, далеко за пределами Константинополя.

Симеон потребовал от императора прекратить безобразия, но Лев Мудрый так любил Заутцу (и зависел от него), что проигнорировал эту угрозу. Впрочем, дело, возможно, было не только в личных пристрастиях. Как известно, Болгария, занимавшая исключительно выгодное географическое положение, организовала широкую торговлю в ущерб грекам, и попытки византийцев изменить ситуацию царь Симеон воспринял крайне негативно.

С этой истории начинается период длительного, векового противостояния Византии и Болгарии за мировое первенство. Честолюбивый гений, «полугрек», как его называли современники, убежденный в превосходстве всего византийского, включая политическую философию, Симеон решил стать правителем Римской империи, включив в нее Болгарию. А для этого требовалось занять Константинополь и венчаться титулом «Римский император»¹⁷².

Болгары выступили в поход, и, увы, военная удача отвернулась от византийцев: необученное войско, посланное императором в поход под командованием стратилата Кринита, потерпело тяжелое поражение в Македонии, у Адрианополя. Более того, Симеон приказал отрезать всем пленным хазарам из гвардейской царской стражи носы, после чего отправил изувеченных солдат в таком виде в Константинополь¹⁷³.

Лев VI снарядил новое войско под командованием Никифора Фоки Старшего, ставшего domestikом схол, и флот под начальством друнгария Евстафия. Попутно он направил посольство к мадьярам (венграм, уграм), склонив тех напасть на болгар. К тому времени сыны земли, расположенной в середине Урала, Волги и Камы, мадьяры постепенно перешли к низовьям Дона, где подчинялись Тюркскому, а затем Хазарскому каганам. Затем они освободились от хазарской зависимости, и около 885 г. мадьярская орда покинула приволжские просторы и разместилась на территории современной Молдавии¹⁷⁴. Теперь они согласились воевать с болгарами.

Правда, миролюбивый Лев Мудрый не желал войны, а потому параллельно с этим направил к Симеону своего посланника квестора Константина с предложением мира. Но болгарин не доверял византийцам и попросту бросил посла в темницу, презрев древний дипломатический обычай о неприкосновенности посланника. Началась полномасштабная война, но уже менее успешная для Симеона. В то время, пока он застрял на Никифоре Фоке, мадьяры вторглись в Болгарию и опустошили всю страну. Болгары попытались препятствовать переправе византийских войск и венгров, но протелат (младший морской офицер) Михаил Варкала со своими солдатами своевременно предпринял меры и не допустил блокады византийского флота по Дунаю.

Тогда Симеон попытался все решить в одном сражении, но был наголову разбит степными кочевниками, едва спасшись в бою. Желая восстановить добрые отношения с другом детства, император выкупил всех болгарских пленников у мадьяров, чтобы вернуть их на родину, и вскоре получил сообщение от друнгария Евстафия, будто Симеон просит мира. Лев VI немедленно дал согласие начать переговоры и направил к правителю болгар Льва Хиросфакта,

приказав Никифору Фоке и Евстафию вернуться с войском назад на родину, чтобы там распустить его.

К сожалению, царь не знал, что Симеон приготовил ему коварную ловушку. Укрепив свою армию печенегами, он быстро разбил мадьяр, которые, оставшись в одиночку, не смогли сопротивляться болгарам. Битва была чрезвычайно кровопролитной, и даже победители – болгары потеряли около 20 тысяч всадников. Месть их была жестокой: они истребили почти всех женщин и детей венгров, и тем пришлось покинуть степи в низовьях Днепра, чтобы навсегда поселиться между Дунаем и Тисой. И еще много лет они будут вынуждены совершать набеги на славян и германцев, чтобы обеспечить своих мужчин невестами¹⁷⁵.

Поскольку впоследствии нам придется столкнуться с мадьярами еще не раз, кратко проследим их дальнейший путь после страшного поражения от болгар. В 896 г. они прошли на территорию Великоморавского княжества, которое разгромили в считанные недели. К победителям моравов присоединились новые венгерские отряды, ушедшие из-под власти хазар, и в 898 г. они вторглись в Северную Италию, где разгромили войско короля Беренгария (888—924). В этом же году они вторглись в Венецию, но на этот раз были разбиты. В 899 г. венгры вновь напали на Венецию, и города сдавались им один за другим. Но у города Альбиолы потерпели тяжелое поражение от войск венецианцев под командованием полководца Трибуно¹⁷⁶.

В 900 г. мадьяры наводнили собой Баварию и дошли до Регенсбурга, а оттуда – до Лайбаха (современная Словения). В 903—906 гг. венгры вновь терроризовали Баварию, и король Беренгарий уже не решался вступать с ними в открытые столкновения. В последующие годы опустошительным набегам подверглись Швабия, Тюрингия и Саксония. В 910 г. они уничтожили войско Германского короля Людовика III. В итоге к 919 г. венгры добрались до Реймса и Шампани¹⁷⁷.

После некоторого перерыва, в феврале 954 г., венгры прорвали баварскую границу, разграбили Северную Италию и направились в Германию, которую считали легкой добычей. Но в битве на реке Лех в июне 955 г. они были наголову разбиты Германским императором Оттоном I Великим (936—973) и отступили в свои края¹⁷⁸. Вскоре мы с ними встретимся еще не раз.

Вернемся, однако, к событиям Болгаро-византийской войны. Только разгромив мадьяр, Симеон дал согласие начать переговоры о мире, потребовав у Льва Мудрого в виде аванса бесплатно вернуть всех своих пленных соотечественников, выкупленных византийцами у венгров. Оскорбленные византийцы решили дать еще одно сражение, но в 896 г. в битве при Булгарофиге потерпели очередное поражение¹⁷⁹. Симеон продолжил свой поход на Восток, а у византийцев не оставалось сил для того, чтобы воспрепятствовать его продвижению. Письма Льва Мудрого болгарину, в которых василевс напоминал об общности их веры, ничего не дали.

Ситуацию попытался поправить и патриарх Николай Мистик, также отправивший Симеону несколько посланий. «После того, – убеждал он Болгарского царя, – как Бог благоволил и вас просветить светом познания Своего и, разрушив средостение вражды, призвал вас к свету славы Своей и соединил с греками, как верой, так и любовью, с этой поры вражда прекратилась, прекратилось и всякое движение оружия и место несогласия заняла любовь. Что же ныне? Враг Божий снова покушается разрушить единение. Праведно, чтобы ты был наследником не только державы твоего отца, но также наследником миролюбивой души и прочего христианского его настроения. Он с помощью Божьей завязал узел любви к римлянам. Ты же, сколько возможно, должен скрепить его, но не рассекать. Он по внушению свыше отвратил от христиан смертоносное оружие, а ты, чтя отца, должен отбросить это оружие»¹⁸⁰.

Увы, все было тщетно – Симеон хорошо понимал интересы своего государства и не поддавался на лживые уговоры. И тогда царь пошел на крайнюю меру: он вооружил арабских пленников, которым пообещал свободу, и направил их на болгар. Только после этого Симеон одумался и решил заключить мир с Византией на условиях выплаты ежегодной дани¹⁸¹.

Надо сказать, Льву Мудрому сильно повезло, что война с болгарами по времени не совпала с отражением арабских атак. Но вскоре сарацины напомнили о себе. После того как Никифор Фока Старший покинул Италию, отправившись на войну с болгарами, арабы заметно активизировались. В 902 г. халиф аль-Муктафи приказал эмиру Ифрикии Ибрагиму отречься от престола в пользу сына. Тот повиновался, однако, желая найти себе новые владения, объявил, будто собирается в хадж в Мекку, но пройдет туда через христианские земли. С войском во главе он перебрался в Сицилию, осадил и 1 августа 902 г. взял греческую крепость Таормину. Всех пленных, отказавшихся перейти из христианства в Ислам, он казнил после жестоких мучений, включая и местного епископа. Через месяц Ибрагим высадился в Южной Италии и осадил крепость Региум, которую также вскоре взял штурмом. Планы сарацинского вождя простирались до захвата Рима, но вскоре он умер, а его войско, получив отступное, вернулось на родину¹⁸². Таким образом, в 902 г. византийцы окончательно утратили свое влияние на Сицилии, которая прочно перешла в руки сарацин.

Война с мусульманами продолжалась и на Пелопоннесе, население которого особенно донимали критские и сирийские пираты. В 902 г. арабский правитель Дамиан со своим флотом опустошил острова Эгейского моря, затем вошел в Пегасейский залив и произвел нападение на город Димитриада. Хотя горожане оказали отчаянное сопротивление, Димитриада была взята штурмом, после чего многие острова Архипелага стали добычей мусульман, включая остров Лемнос, захваченный арабами в 903 г.¹⁸³

Весной 904 г. император Лев Мудрый направил громадное войско – говорят, насчитывавшее почти 100 тысяч воинов, к аль-Хадасу, сжигая все на своем пути и опустошая окрестности. Но ввиду того, что византийцам грозила опасность со стороны арабского флота, сухопутная кампания развития не получила¹⁸⁴.

А в 904 г. пришла весть, что бывший римский стратиг Лев Триполийский, а ныне гулям Зарафы, перебежавший к арабам и даже принявший Ислам, с мусульманским флотом направляется к Атталии, откуда сам был родом. Город оказался беззащитным перед арабами и быстро пал. Как говорят, победителям досталась сказочная добыча: почти 5 тысяч византийцев попало в плен, а 4 тысячи пленных мусульман освобождены Львом, захвачено 60 греческих кораблей, на которых перевозили громадное количество золота, серебра, различной утвари и рабов. Добыча была настолько велика, что доля каждого участника в этом походе достигала тысячи динаров.

Впрочем, Лев Триполийский не думал этим ограничить свой поход: его планы шли гораздо дальше. Он замыслил нападение на Константинополь. Рассказывают, будто ренегат говорил: «Я дойду до царственного города и возьму его; если же это не удастся, то для меня достаточно похвалиться тем, что я дошел до столицы государства ромеев и потратил на нее стрелы». Навстречу ему царь отправил друнгарию флота Евстафия, который, однако, не решился дать сражение сарацинам ввиду их явного численного превосходства. Как следствие, враги беспрепятственно вошли в Геллеспонт и завладели Абидосом, главным таможенным пунктом Византии. Затем они дошли до гавани Парии, являвшейся ключом к проходу в Мраморное море. Срочно навстречу им император направил с флотом протасикрита Имерия, но тот разминулся с арабами.

После этого по непонятным причинам Лев Триполийский внезапно изменил свои планы и повернул к Фессалоникам. Это нападение застало жителей богатейшего города Римской империи врасплох. Они узнали о предстоящей осаде от протоспафария Петронаса, направленного василевсом для организации обороны города. Поскольку времени для серьезных фортификационных мероприятий почти не осталось, многоопытный Петронас посоветовал фессалоникийцам возвести нечто вроде подводного вала, препятствующего арабским кораблям подойти к берегу. Работа была в самом разгаре, когда неожиданно появился другой царский

полководец, стратиг Лев Хитцилак, назначенный ответственным за оборону города. Согласно приказу василевса, Петронас срочно отзывался в Константинополь.

К несчастью, Хитцилак остановил ранее начатые работы, взамен приказав укреплять сухопутные стены – вариант, заранее обреченный на неудачу. Впрочем, и он недолго командовал обороной, поскольку случайно упал с лошади и сильно разбился. Его заменил стратиг Никита, поспешивший позвать для обороны города славян, населявших окрестные земли, но реальной помощи от них не получил – пришло всего несколько малочисленных отрядов¹⁸⁵.

29 июля 904 г. арабский флот появился у мыса Ембол, что у входа в городскую гавань. Арабы не сразу предприняли штурм, но вначале Лев Триполийский внимательно исследовал городские укрепления. Затем сарацины попытались подойти к морским стенам Фессалоник, но были остановлены тучей стрел, которые искусно метали славянские воины, нанятые византийцами. Небольшая группа арабов попыталась вплавь достигнуть берега и даже приставила лестницы к крепостным стенам, но была буквально сметена градом стрел сверху. Пока шел бой, стратиг Никита обходил византийских солдат на крепостных стенах и своими словами укреплял их сердца¹⁸⁶.

В этот день арабы не имели успеха, но назавтра продолжили штурм города, выдвинув осадные орудия, метавшие в стены громадные камни. В последующие дни мусульмане продолжили атаки с суши и с моря. Они связали попарно свои суда, соорудив на них высокие башни, и оттуда поражали защитников Фессалоник стрелами. Атаки продолжались, горожане были объаты паникой и уже думали только о том, как бы спастись, но спасение не приходило. Отцы и матери прощались со своими детьми, возлюбленные – друг с другом, кругом стоял плач и стенания¹⁸⁷.

Между тем арабы ворвались в город, и началось массовое побоище. Сарацинский меч не щадил никого – дети и взрослые гибли, пораженные острой сталью. Алтари церквей заполнились трупами павших горожан и воинов, а в это время арабы, среди которых особенно бесчинствовали берберы, сгоняли толпы пленных мирных жителей. Раненые и ослабевшие греки тут же добивались пьяными от крови сарацинами, остальные распределялись между победителями.

Среди плененных византийцев оказался даже царский евнух Родофил, отправленный в Фессалоники для передачи жалованья сицилийскому войску, воевавшему с сарацинами на острове. Но хитроумный сановник каким-то чудом сумел передать деньги своему слуге, бежавшему из арабского плена. Когда об этом узнал Лев Триполийский, он вызвал к себе Родофила и задал один вопрос: «Где деньги?» Евнух ответил, что их уже при нем нет, за что был забит палками до смерти¹⁸⁸.

Разорив дотла город, 9 августа 904 г. арабы подняли паруса и прибыли на остров Крит, где продали 22 тысячи византийских пленников, а затем успешно вернулись к своим родным берегам. Подробности этого страшного «путешествия» столь трагичны, что их тяжело переносить на бумагу; заинтересованный читатель может ознакомиться с ними по приведенному в сносках первоисточнику.

Взятие Фессалоник произвело глубокое впечатление на современников. Патриарх Николай Мистик с амвона произнес пространную проповедь на эту тему, риторически вопрошая: «Где св. Дмитрий Солунский (духовный покровитель города. – А.В.), непобедимый союзник? Как подвергся стольким несчастьям находившийся под твоей защитой город, недоступный врагам с тех пор, как Солнце смотрит на него?»¹⁸⁹

Захват Фессалоник пробудил алчные мотивы царя Симеона Болгарского, пожелавшего занять этот благословенный край и присоединить его к своей стране. Лишь с большим трудом императору Льву VI удалось отговорить его от этой затеи и разрешить дело миром. Направленный им к Болгарскому царю посол Лев Хирсфакт каким-то чудом сумел убедить болгарина отказаться от спорной территории и не начинать новой войны с Константинополем.

Очевидно, назначение Льва Хирсфакта послом было очень удачным. Образованнейший человек своего времени, интеллектуал, происходящий из знатной семьи, он с детства подавал большие надежды. Состоя в родстве с царской семьей (его мать принадлежала к царской семье, а сам Хирсфакт состоял в родстве с Зоей, четвертой женой императора Льва VI Мудрого), он быстро сделал прекрасную карьеру: личный секретарь императора, хранитель императорской чернильницы, патрикий, анфипат и магистр. Помимо этого, Хирсфакт исполнял обязанности судьи (надо полагать, при особе императора, который традиционно рассматривал судебные дела). Дипломатические миссии Льва Хирсфакта были неизменно столь успешны, что он однажды, не впадая в ложную скромность, писал царю: «Кто может – чтобы мне похвалиться в Господе – оставаться таким стойким в посольском служении, кто будет бдеть над такими делами, кто отправится в посольство к язычникам и убедит их вернуться к честности? Разве кто-нибудь другой сделает это?»¹⁹⁰

Впрочем, «чуду» в немалой степени способствовала не одна ученость византийского посла, а также некоторое неприятное для Симеона обстоятельство. Воспользовавшись тем, что мадьяры воюют в Болгарии, печенеги заняли их земли, и угры быстро поняли всю бесперспективность попыток вернуть потерянное обратно. Они были вынуждены мигрировать через Карпатские горы, создав тем самым угрозу захвата долины Тисы, где находились богатейшие запасы соли. Симеон не мог игнорировать такую угрозу и поспешил прекратить войну на два фронта, заключив мир с Византией¹⁹¹.

Потеря Фессалоник заставила Византийское правительство предпринять срочные меры по восстановлению мощи своего флота – стало ясно, что сухопутные операции в новых условиях дают ничтожный эффект без поддержки хорошо оснащенных боевых кораблей. Уже в ноябре и декабре 904 г. стратег Андроник Дука, с которым мы сталкивались выше, произвел нападение на город Мараш. Арабы срочно подтянули войска из Массины и Тарса, но потерпели тяжелое поражение, потеряв своего командующего и многих военачальников.

Дука решил развить успех и в июле 906 г. двинулся южнее, проникнув в область Алеппо и напав на город Курус. Успешно преодолев оборону врага, византийцы захватили город, пленили множество жителей и убили командующего арабскими войсками Бени-Темима. В ответ осенью того же года сарацины дошли по южному берегу Киликии до крепости Саланду и захватили ее практически без потерь. В октябре 906 г. византийцы смогли, наконец, снарядить большой флот под командованием Имерия, к которому обязан был, согласно плану кампании, присоединиться и Андроник Дука с сухопутным войском¹⁹².

Казалось бы, теперь должен был наступить решительный перелом в ходе военных действий, но, запутавшийся в придворных интригах Дука оставил напарника в одиночестве, что, впрочем, не помешало Имерии одержать блестящую морскую победу над арабами 6 октября 906 г., в день памяти св. Фомы. Поняв, что этого бездействия ему не простят, Дука вступил через посредство арабского правителя близлежащей местности Рустума в тайную переписку с халифом, предложив тому свои услуги в обмен на приют и безопасность.

Конечно же, обращение военачальника нашло самый благоприятный прием у араба. Но пока ожидался ответ, Андроник был вынужден отбивать атаки своих же соотечественников, для чего освободил и вооружил около 200 мусульманских пленных, выведенных им из византийских земель. Понимая, что ничего хорошего ждать ему не приходится, изменник совершил неожиданное ночное нападение на войска стратига Ивиритцы, блокировавшие его крепость, и, по-видимому, довольно успешно. Рассказывают, что много византийских солдат пало на поле сражения, а в руки Андроника попала и часть обоза.

Несмотря на это, положение Дуки оставалось тяжелым, но тут подоспел Рустум во главе мусульманского войска, после чего Ивиритца не решился продолжать осаду и отступил. На утро Андроник со своими родственниками и остатками своего отряда вышел из города и перешел в лагерь мусульман, после чего вместе с Рустумом направился в Тарс. Оттуда, по желанию

аль-Муктафи, Дука направился в Багдад, где получил аудиенцию у халифа, был обласкан им и даже принял Ислам.

Однако спустя короткое время ренегат получил несколько тайных писем от императора, надеявшегося вернуть своего полководца на родину. Помимо личного расположения к нему, Лев Мудрый не оставлял надежды окончательно разобраться с делом патриарха Николая Мистика и в личном присутствии Андроника выяснить подробности организованного с участием столичного архиерея заговора. Письма василевса вселили надежду в сердце Дуки о прощении, и его сын Константин благодаря помощи отца сумел бежать из Багдада и достичь Константинополя. Увы, самому Андронику не довелось увидеть родины – вскоре он умер в заточении в арабской темнице¹⁹³.

Но в целом военные события укрепили императора в мысли, что у византийцев еще недостаточно сил для полномасштабных наступательных операций против арабов. Кроме того, на 907 г. пришлось легендарное нападение россов под руководством князя Олега (882—912) на византийскую столицу. У князя было почти 2 тысячи ладей, каждая из которых вмещала по 40 воинов – всего 80 тысяч пехоты. Помимо этого, конница россов, шедшая по берегу, насчитывала около 10 тысяч всадников – огромная сила¹⁹⁴. Пользуясь тем, что весь греческий флот был занят в операциях против арабов, россы захватили окрестности Константинополя и вынудили византийцев заключить с ними мирный договор, формализованный на бумаге в 911 г.

Ни одно государство мира не в состоянии долго сражаться одновременно сразу с многими сильными противниками, поэтому император предпочел сразу после этого оформить мирный договор с сарацинами и произвести обмен пленными. С этой миссией к халифу в Багдад в 907 г. были направлены неутомимый Лев Хирсфакт и евнух Василий. Как обычно, посол успешно справился с заданием и заключил от имени Римского государства столь необходимый Льву Мудрому мирный договор¹⁹⁵.

Впрочем, на этом карьере одного из спасителей Византии внезапно завершилась: хотя царь и именовал его «великим послом», при дворе, как обычно, нашлось множество людей, не способных без зависти видеть чужие успехи. Множество знатных и влиятельных лиц поставило своей целью убрать Хирсфакта из числа приближенных императору лиц, и они подговорили евнуха Василия, дабы тот дал на посла ложные показания. Это было нетрудно сделать, поскольку Хирсфакт не раз одергивал зарвавшегося евнуха, когда Василий пытался играть первую роль в переговорах, чем вызвал у того лютую ненависть. Сказано – сделано, и по прибытии в столицу Льва ждали не награды, а ссылка.

Последний раз его имя мелькнет на горизонте высокой политики во время баталии между царем Львом VI Мудрым и патриархом относительно четвертого брака императора. Именно тогда, вспомнив о дипломатических талантах своего бывшего чиновника, василевс направит его к восточным патриархам, дабы те прислали своих представителей на организовываемый царем Собор. Разумеется, недруги из числа священноначалия не простили Хирсфакту его усердия и вновь сумели оклеветать дипломата. В результате посол, только-только возвращенный царем из ссылки в 912 г., вскоре был направлен туда же повторно. Как полагают, он закончил свои дни монахом в 919 г.¹⁹⁶

Но вернемся к нашему изложению. В это время Арабский Халифат уже содрогался в конвульсиях скорой смерти. После кончины могучего аль-Муктафи на престол одновременно начали претендовать два конкурента: брат покойного 13-летний Джафар и представитель дома Аббасов Абдулла. Абдулла даже был провозглашен новым халифом, но правил всего 1 день, после чего погиб вследствие дворцового заговора. Увы, для арабов его смерть означала прекращение самостоятельности верховной власти.

Мальчик Джафар, взойшедший на трон брата, принявший имя аль-Муктадира (908—932), не обладал способностями своего предшественника. Он наделил своего спасителя, евнуха Муниса, много сделавшего для свержения Абдуллы, ранее невиданным титулом Эмир-аль-

умара («эмир над эмирами») и всю свою долгую жизнь оставался куклой в руках этого могущественного человека¹⁹⁷. В те годы арабы еще пытались вести наступательные операции против византийцев, но успех более не сопутствовал им. Настоящих сражений уже не было, и стороны перемежали отдельные (хотя и регулярные) пограничные нападения с обменом пленными, которые производились постоянно¹⁹⁸.

Конечно, это не означало, что с арабами можно было справиться без сверхусилий, в чем императору пришлось вскоре убедиться. Как раз в это время он начал подготовку к большому походу против критских сарацинов, надеясь в случае успеха вернуть себе остров Кипр и сирийское побережье. Всего было снаряжено около 100 судов, а общая численность моряков флота составила 32 тысячи человек, не считая 500 россос-наемников – все они были отданы под командование друнгария флота Имерия. Но эти приготовления не остались тайной для арабов, и те предприняли встречные действия. В мае 909 г. евнуху Мунису было приказано явиться в Тарс для начала очередной военной операции, принесшей арабам большой успех. Они разбили византийцев в одном из сражений в сентябре 909 г. и возвратились в свои пределы¹⁹⁹.

Как выяснилось вскоре, это было прелюдией к грядущим главным столкновениям. К этому времени приготовления к морскому походу Имерия были почти завершены, хотя попытка привлечь на свою сторону кипрское население не увенчалась успехом. Тем не менее вначале все развивалось довольно удачно. Летом 910 г. Имерий высадился на остров Кипр и разбил арабов, захватив множество пленных. Затем, обосновавшись на острове, Имерий перенес военные действия на сирийское побережье, захватив несколько крепостей.

В ответ летом того же года халиф аль-Муктадир отправил в поход своего полководца аль-Касима-ибн-Сима, который успешно разбил византийское войско, захватив 50 римских патрициев, проведенных 21 ноября 910 г. по Багдаду во время триумфа победителей. А затем последовала настоящая катастрофа. Узнав, что на Кипре осталось мало византийских войск, арабы в течение четырех месяцев лета 912 г. совершали нападения на незащищенные побережья, выжигая селения и захватывая слабо укрепленные крепости. Командовал арабским флотом небезызвестный нам ренегат Дамиан²⁰⁰.

К осени оба флотоводца решили дать генеральное сражение, состоявшееся в октябре 911 г. К несчастью, победа досталась сарацинам – византийский флот был почти полностью уничтожен арабами, и сам Имерий едва спасся бегством. Слава Богу, что на восточной границе сохранялось относительное спокойствие, позволившее византийцам хоть как-то восстановить силы. И все же крах морского похода Имерия был тяжелым ударом по военной мощи Византии, ее международному авторитету и финансам государства.

Тем не менее, узнав, что арабы начали после смерти Семпада I настоящие карательные экспедиции в Армении, император сумел собрать значительные силы и во главе новой армии двинулся в свой последний поход. Однако по пути Лев VI внезапно слег от желудочной болезни. Он настолько обессилел, что не рассчитывал дожить до дня Светлой Пасхи. Лишь один вопрос мучил его – судьба наследника Константина Порфирородного. Когда к умирающему царю подошел брат Александр, Лев VI умолял того пощадить сына и сберечь его для Империи, что новый царь и обещал сделать.

11 мая 912 г. император Лев VI Мудрый скончался²⁰¹.

III. Император Александр (912—913)

Глава 1. 13 месяцев царствия патриарха

Формально царствование 42-летнего императора Александра началось не в тот день, когда Лев VI Мудрый закрыл веки, а раньше: после совершения Таинства венчания над ним при Василии I Македоняnine. Однако во времена правления старшего брата Александр оставался лишь номинальным соправителем Византии, прожигая дни в развлечениях. Страсть к шумным компаниям не позволила ему стать семьянином и обзавестись собственным наследником престола – обстоятельство, вынудившее императора Льва VI настаивать на легализации своего четвертого брака и признания законнорожденным сына Константина Порфирородного. А отстраненность от государственных дел не позволила Александру приобрести необходимый опыт по управлению Империей. Как станет вскоре очевидным, Льва не случайно прозвали «Мудрым» – если бы не его «упрямство», Византия, чье состояние напрямую зависело от стабильности правящей династии, могла бы испытать жестокий кризис – почти наверняка смертельный на фоне арабской и болгарской угроз.

Возможно, последующие историки несколько затемнили образ василевса Александра, но все же остается несомненным тот факт, что новый император заметно уступал в силе характера и понимании царского служения своим отцу и старшему брату. Перемена в статусе не изменила привычек и образа жизни Александра – он по-прежнему проводил все время на охоте в сопровождении веселой компании фаворитов, на которых не жалел казенных средств.

Его легкомыслие и равнодушие к делам государства были таковы, что уже в скором времени василевс навел большую беду на Византию. Когда в Болгарию поступили известия об изменениях, произошедших в византийской столице, царь Симеон направил посольство в Константинополь, дабы по традиции подтвердить условия заключенного при Льве Мудром мирного договора. Прибывшие во дворец послы были допущены к василевсу на аудиенцию. Каково же было их удивление, когда вместо торжественных, хотя и протокольных форм пролонгации старых соглашений, принятых в подобных случаях, пьяный император попросту выгнал их вон, заявив, что не намерен платить дань варвару²⁰².

Конечно, это было грубейшим нарушением дипломатических обычаев и просто неумно: Византия, еле получившая передышку от войны, оказалась вновь втянутой в нее, да еще в условиях обескровленной армии и разбитого арабами флота. Симеон тут же объявил о начале боевых действий, посчитав все прежние обязательства перед византийцами аннулированными, и двинул армию на Константинополь. Правда, проблему защиты города пришлось уже решать не императору Александру, а его преемникам по трону.

Не очень благополучно обстояли дела и на Востоке, где заседали арабы. Летом 912 г. они выступили из Тарса под командованием Рустум-ибн-Барду и осадили крепость Мелихаль-Армени, где ранее проживали павликиане и которую затем завоевали византийцы вместе с армянами. Хотя осада не задалась, сарацины сожгли все прилегающие земли, а затем беспрепятственно вернулись на родину²⁰³.

К несчастью, император, внешне красивый и статный, был обделен не только добродетелями, но и мудростью государственного мужа. А его злопамятство было таково, что однажды он даже высказал мысль о желательности оскотить малолетнего Константина Порфирородного и венчать на царство своего любимца славянина Василицу, родом из Славинии. Императора едва смогли уговорить старые товарищи Льва Мудрого, сославшись на детский возраст и слабость Константина, неминуемо должного погибнуть после такой «операции». По счастью, авто-

ритет покойного царя Льва VI в народе был очень высок, и Александр не решился реализовать свой план.

Тем не менее из ссылки в Галакрине был срочно вызван Николай Мистик, которого с большой торжественностью приказом царя восстановили на патриаршем престоле, а престарелого Евфимия отправили в Агафов монастырь. Все дела в государстве теперь сосредоточились в руках патриарха Николая Мистика, управлявшего Империей по своему разумению, не особенно задаваясь мнением царя. Постепенно все, входившие некогда в «близкий круг» императора Льва Мудрого, стали покидать государственные должности по воле архиерея.

Сославшись на поражение, которое потерпел от арабов в октябре 911 г. друнгарий флота Имерий, Александр вызвал заслуженного боевого полководца к себе, долго ругал, а затем отправил в дворцовый монастырь Кампа, где тот вскоре и умер. Следующий после Евфимия удар Мистика пришелся по «евфимитам» – сторонникам низложенного патриарха. Николай потребовал от них вернуть грамоты своего отречения, подписанные им в 907 г., желая таким способом обеспечить формально-юридические основания своего второго архиерейства. Но те даже не удостоили Мистика ответом: для них вопрос о каноничности и обоснованности соборного решения 907 г. не подлежал никакому сомнению.

Напрасно сам Евфимий попытался уговорить их принять в общение Николая: «Если из-за меня поднялось это волнение в Церкви, то позвольте мне погрузиться в этой пучине, вы же спасайтесь и будьте в мире между собой. Пусть меня побьют камнями, сожгут, пусть гонят, лишь вы жили в мире и без волнений». Судя по словам Евфимия, едва ли в отношении к опальному патриарху и «евфимитам» применялись уговоры, и понятно, почему те не вняли совету своего вождя. Но при таком императоре, как Александр, новый патриарх мог не бояться ничего. И уже вскоре митрополит Петр Сардикский был отправлен в заточение, а другие архипастыри низложены: Димитрий, митрополит Гераклеяский, Григорий, митрополит Никомидийский, Гавриил, митрополит Анкирский, Илларион, митрополит Иерапольский, и другие²⁰⁴.

Однако это было только началом «славных дел». Мистик решил во что бы то ни стало восстановить свою честь, для чего ему нужно было, как казалось патриарху, превратить в ничто Евфимия. А потому, едва прибыв в столицу, он срочно занялся организацией нового церковного Собора, который и состоялся уже в мае 912 г. Мистик восседал рядом с императором в центре тронного зала Большого царского дворца в Мангавре, неподалеку расположились немногие епископы, его сторонники, синклит и – почему-то – сирийские заложники. Пригласили Евфимия и его епископов, которых решил обвинять лично патриарх. Евфимий попытался защищаться, но ему просто не дали говорить, тут же низвергнули из священнического сана и отправили на вечное заточение в монастырь; имя его было вычеркнуто из церковных диптихов.

Последующая сцена едва ли может вызвать умиление: «николаиты» грязно оскорбляли седовласого старца, толкали его, рвали за бороду, называли «вором», «распутником», «соблазнителем чужой жены» – термины, применяемые традиционно к лицам, незаконно занявшим епископскую кафедру. Один из подручных Мистика, некто Иоанн Манолимит, великан и силач, так ударил по лицу старого архиерея, что у того выпали два передних зуба, а сам он лишился сознания²⁰⁵. Его дом сожгли, а парализованная дочь патриарха, оставшаяся после ссылки отца совершенно одинокой, была вынуждена жить подаянием²⁰⁶. Приверженцы несчастного Евфимия были лишены своих кафедр, которые тотчас заняли ставленники Мистика.

Как говорят, патриарх Николай дошел до такой степени ярости, что едва не анафематствовал Евфимия, его сторонников и вообще всех священников, рукоположенных опальным архиереем. Однако его остановила твердая позиция уважаемого всеми митрополита Арефа, который заявил Мистике: «Я не так великодушен, как патриарх Евфимий. Да будет тебе

известно, что ни я, ни мои епископы не считаем и не именуем тебя патриархом, и никто из нас не станет служить с тобой, потому что ты сначала привел в смятение Церковь, а затем трижды представлял писанные твоей рукой отречения. Какими же ты воспользовался правилами и втерся в Церковь? Кто приготовил тебе вход в Церковь?» Как ни велика была административная сила Николая, но он не отважился открыто воевать с митрополитом Арефой и немного поутих²⁰⁷.

Затем настала очередь покойного императора Льва Мудрого, тень которого не давала патриарху покоя. Восстановив свое главенство в Восточной церкви, он решил укрепить позиции Константинопольской кафедры на Западе, написав письмо в высокомерно-уничжительном тоне Римскому папе Анастасию III (911—913), в котором вновь возвратился к теме четвертого брака царя. В своем обширном послании патриарх изложил все обстоятельства дела, сетовал на недостойное поведение умершего императора и... римских легатов («остроумная» попытка примирить обе Церкви) и громил доводы своих противников.

В заключение столичный архиерей посоветовал папе проверить донесения и поступки римских послов, бывших на Соборе 907 г., и отменить «соблазнительные» распоряжения Апостольской кафедры по этому поводу. «Вы это сделаете, – подытоживает он, – если уничтожите, как ошибочное, и предадите осуждению то, что случилось и внесло в Церковь причину соблазна, а вас подвело под порицание. Император, волей Божьей, кончил жизнь и успел избежать осуждения и отлучения. Ваш предшественник также оставил настоящую жизнь и воздаст слово о своем управлении Первому и Великому Архиерею. Но предайте должному осуждению остающихся пока в живых лиц. И, узнав во всей истине дело, восстановите свою древнюю славу!»²⁰⁸

Иными словами, патриарх фактически приказывал папе признать ошибки латинской практики и решений, рецепированных апостоликом, а иначе – в устах патриарха зазвучала неприкрытая угроза – он сам не избежит осуждения наравне с «евфимитами». Небезынтересно и желание патриарха осудить «оставшихся в живых». Как нетрудно догадаться, речь шла об императрице Зое, «блуднице и женщине, замешанной в грязной связи, дозволенной скоту и позорной для человека», и Константине Порфирородном, плоде этого «блуда»²⁰⁹.

Конечно, понтифик попросту не ответил на это хамское, с его точки зрения, послание, и его можно понять. Евфимий уже был низложен, никто из официальных лиц других патриархий не ставил под сомнение легитимность вторичного избрания Николая Константинопольским патриархом. Никаких канонических противоположений для четвертого брака Рим не усматривал ранее, не видел и сейчас. В чем же дело? В чем же была угроза и какие опасности таились в нынешнем положении дел?! И какова цель всего «демарша»? Очевидно, только в том, чтобы лишить Константина Порфирородного прав на престол? Но ведь это не более чем потакание собственному тщеславию, попытка присвоить себе право определять личность конкретного императора и его преемника. На такое даже сильные характером Римские епископы решались далеко не всегда, а только в качестве противодействия в случаях, когда их кафедре и прерогативам угрожали серьезные неприятности. Однако в данном случае Николаю Мистик не грозило ничего – почему же такая категоричность и откуда такая дерзость? Тем более что ради достижения собственных целей он был готов не только порвать не очень прочные и не самые дружественные связи с Западной церковью, но и объявить ее предстоятелю, Римскому папе, открытую войну, угрожая осуждением.

Правда, Анастасию III не пришлось продолжить заочной дискуссии, поскольку в 913 г. он скончался. Но последовательный во всем, что касалось его интересов, Николай Мистик направил очередное послание новому Римскому епископу Иоанну X (914—928). В откровенно раздраженном тоне столичный архиерей напоминал понтифику, что уже не раз просил прислать в Константинополь папских послов, могущих устранить соблазн, получивший начало вследствие неправомерных действий прежних римских легатов (!). Прошло почти 9 лет, напоминал

он папе, а его просьба не удовлетворена. Поэтому Мистик настоятельно предлагал апостолику вернуться к данному вопросу и отменить ранее данное разрешение Льву Мудрому на четвертый брак²¹⁰.

Его упорство, достойное лучшего применения, станет вполне понятным, если мы учтем, что слабая как политического деятеля, фигура императора Александра и его бурный образ жизни не оставляли сомнений в кратковременности текущего царства. А тогда, при малолетнем Константине Порфирородном, соборно (в мечтах папы) признанным незаконнорожденным бастардом, и слабой царице Зое Карбоносине, лично патриарх единственно мог указать того, кого он же и венчает на царство. Это должно стать вершиной величия Константинопольской церкви и ее главы! Нет сомнений – с Римом или без него, но Мистик добился бы успеха, если бы не одно печальное для него обстоятельство, заметно усложнившее патриаршие планы.

К несчастью для Николая, царствование Александра продлилось менее, чем нужно было для реализации патриарших мечтаний. Царь никогда не отказывался от общения с легкими женщинами и, вероятно, заболел постыдной болезнью после встречи с одной из них, хотя до поры до времени болезнь не давала о себе знать. Но однажды в летний знойный полдень он отправился поиграть в мяч на улицу, и во время игры болезнь неожиданно сковала его тело. Домой Александр вернулся весь в крови, истекающей из носа и детородного члена, и уже 6 июля 913 г. скончался. Его похоронили в царской гробнице рядом с отцом²¹¹.

Глава 2. Кризис «папизма» на Западе. Распад и воссоздание Западной Римской империи

События на берегах Босфора и бьющая в глаза резкость тона столичного патриарха станут для нас более понятными, если мы бросим взгляд на состояние дел, царившее на Западе. Расколовшаяся на части Западная Римская империя, где некоторое время единственной централизованной силой являлась Римская церковь, недолго находилась под властью пап, венчавших тех или иных претендентов императорским венцом по своему выбору и усмотрению. В скором времени внешнеполитическая ситуация в Италии и в целом на Западе серьезно осложнилась.

Помимо сарацин, всерьез угрожавших Италии и самому Риму, Запад активно донимали норманны. Первое известие о них относится к 787 г., когда эти дети северных морей вторглись в Англию. Через 70 лет они совершили нападение уже на Францию и дошли до Тулузы, опустошив на обратном пути Испанию. В 845 г. норманны осадили Париж, и король Западно-Франкского государства Карл II Лысый (843—877) откупился от них за 7 тысяч фунтов серебра. В 856 г. нападение повторилось, и на этот раз викинги (другое название норманнов) сожгли город.

С этого злосчастного года норманны начали наступать все более решительно и последовательно. Объектами их разбойных нападений стали Шартр, Эвре, Байе, Бове, Анжер, Тур, Нуайон, Амьен, Орлеан, Лимонж и множество крупных аббатств. Дошло до того, что норманны решились на святотатство: в воскресный день в праздник св. Иоанна в Нантском соборе во время богослужения они напали на молящихся христиан и епископа, причем священнослужители были умерщвлены ими в алтаре. Впрочем, в глазах викингов это не квалифицировалось как святотатство, поскольку в то время они еще являлись язычниками.

Но еще более тяжкое преступление против Бога (объективно) было совершено на Пасху 858 г., когда норманны ворвались в Сен-Жермен-де-Пари и надругались над святынями. Невзирая на сан, норманны убили многих епископов – от их мечей погибли Бальтфрид из Байе, Эрменфрид из Бове, Иммон из Нуайона и другие. Все происходившее напоминало страшный сон: христиан убивали, брали в плен и продавали арабам, все остальное разрушалось и сжигалось дотла.

Собравшись в Мо, епископы высказались в том духе, что за грехи франков Господь попустил им норманнов. Достаточно принести покаянные молитвы, и эта «чума Европы» исчезнет. Но все старания короля шли прахом, поскольку крупные аристократы предпочитали сидеть сложа руки по принципу: «Умри ты сегодня, а я – завтра». Более того, в 857 г. король Пипин II Аквитанский (823—864) сам пригласил северных разбойников, чтобы отбить Париж у конкурента. Кое-кому эксперимент понравился, и в 862 г. уже король Бретонии Соломон (857—874) нанял норманнов для войны против Западного императора, хотя ранее состоял его союзником.

Карл Лысый пытался справиться с проблемами, и в некоторых случаях не без успеха – правда, локального. В 861 г. он подкупил даннов, чтобы те разгромили своих соотечественников, а в 862 г., возглавив войско, остановил большой отряд норманнов на Марне. Король оказался настолько удачлив, что сумел развить успех и обратить пленных норманнов в христианство, получив надежных союзников. Но этого, конечно, было недостаточно для стратегического успеха. И на Генеральной Ассамблее в 864 г. Карл Лысый проявил настойчивость и попытался сыграть на совести своих графов и баронов: «Чтобы все без промедления встали на защиту страны, чтобы графы в своих крепостях бдели неусыпно, чтобы крепости возводились быстро и активно!»²¹²

В 865 г. Париж был опять осажден, и во время деблокады города отличился граф Роберт Сильный (861—866), родоначальник Робертингской династии, настойчиво отбиравшей права на королевский титул у слабейших Каролингов. Как полагают, этот выдающийся муж был

довольно простого происхождения и, скорее всего, являлся этническим саксом. Впервые он был упомянут в королевских указах 852 г., когда 3 апреля этого же года стал ректором (т.е. светским аббатом) Мармутье, и Карл Лысый подтвердил за ним обладание имуществом этого богатейшего аббатства.

Правда, вскоре он изменил своему благодетелю, приняв сторону Людовика Немецкого, который вместе с бургундцами изгнал сына Карла Лысого Людовика Заику (856—866), короля Нейстрии, из предназначенных тому имений. К несчастью для Роберта, власть Людовика Немецкого оказалась краткой – уже в 859 г. тот был вынужден отказаться от приобретений и заключить договор с Карлом Толстым. Однако Роберт, для которого пути назад были отрезаны, не сложил оружия, и лишь в 861 г. произошло примирение сторон. С тех пор и до самой смерти Роберт являлся самым преданным и востребованным помощником короля. Именно ему принадлежит честь победы над бургундцами, а также защита Нейстрии от норманнов²¹³.

Правда, осенью следующего года Роберт погиб у Бриссарте вместе с графом Рамнульфом из Пуатье – их подвиг, многократно украшенный трубадурами, был сохранен в народном эпосе. Этот пример оказал некоторое побудительное воздействие на остальных франкских аристократов, но ненадолго²¹⁴.

Несмотря на заключенный с Карлом Лысым договор, норманны по-прежнему почти ежегодно терроризировали Францию. Забегая немного вперед, скажем, что от отчаяния в 911 г. король Западно-Франкского королевства (современной Франции) Карл III Простой или Простоватый (898—922) выделил норманнскому вождю Рольфу территории Руана, где тем было создано Норманнское герцогство. Оно начало играть важную роль в жизни Франции, и уже от норманнов, периодически переходивших от Каролингов к Робертингам, стала зависеть судьба королевской и императорской короны²¹⁵.

После смерти Роберта Парижского осталось двое его сыновей – Эд и Роберт, которых взял на воспитание бывший заклятый враг их отца Гуго Аббат (830—886), приходившийся родственником и Людовику Немеckому, и Карлу III. В юности выбрав церковное поприще, он тем не менее не хиротонисался в священники, хотя в 853 г. король поставил его аббатом монастыря Сен-Жермен. Этот удивительный человек не только искренне любил своих воспитанников (какие нравы!) и заметно расширил границы их владений, но и, главное, успешно отражал норманнские атаки на Париж. По его воле Эд (888—898) был объявлен графом Парижским и первым претендентом на королевский трон²¹⁶.

Красивый, умный и сильный юноша, отлично владевший оружием, он оказался подарком судьбы для Парижа, который в ноябре 885 г. осадил норманнский флот численностью до 700 судов. Укрепившись на острове Сите вместе с епископом Гоцленом, Эд целый год противостоял захватчикам, истощив их силы. Очевидно, надежды героических франков были связаны с королем Восточно-Франкского государства (нынешней Германии) Карлом III Толстым (876—888), который в 881 г. был провозглашен Западным императором, объединив на короткое время две части некогда единой Франкской державы. Однако его появление с войском лишь усилило авторитет графа, поскольку император малодушно согласился заключить с норманнами крайне невыгодный для себя договор и к тому же пропустил врагов в Бургундию, дочиста разграбленную ими.

Неудивительно поэтому, что после смерти Карла Толстого в 888 г., когда Франкская держава вновь раскололась, именно Эд был избран королем Западно-Франкского королевства и помазан 29 февраля 888 г. архиепископом Суассонским. Но власть его не была безусловной: сторонники Каролингов во главе с архиепископом Реймским Фульком короновали 14-летнего Карла Простоватого в Реймсе. В течение долгих лет тянулась эта междоусобица, пока в 898 г. Эд не отдал Богу душу. На смертном одре он убеждал своих сторонников поддержать Карла, за что просил для своего брата Роберта титул «герцог франков» (*dux francorum*). Разумеется, ни о какой единой Западной империи в это время говорить нельзя: на территории современной

Франции Каролинги спорили с Робертингами, а на землях сегодняшней Германии, в Восточно-Франкском королевстве, власть принял Арнульф (887—899).

Свыше 20 лет Карл III Простоватый правил королевством, но в 922 г. конфликт между ним и Робертом, братом покойного Эда Парижского, возобновился. Робертинг был избран новым королем, но в следующем году погиб в сражении с конкурентом под Суассоном. Но и победитель ненадолго пережил своего врага – его взял в плен и заточил в тюрьму Герберт де Вермандуа, где Карл умер в 929 г.

Последующий калейдоскоп событий не способствовал укреплению королевской власти: с 923 по 936 г. Западно-Франкским королевством управлял Рауль Бургундский, а затем кратко на трон вновь пришли Каролинги: в 936 г. на королевский престол был поставлен сын Карла III Простоватого юный Людовик IV (936—954), ранее скрывавшийся от врагов в Англии; поэтому он и получил прозвище «Заморский»²¹⁷.

Желая опереться на твердую руку, Людовик IV женился в 939 г. на сестре Саксонского герцога Оттона Великого (936—961), о котором пойдет речь ниже, Герберге (939—954). В скором времени этот деятельный правитель вступил в конфликт с могущественным Парижским графом Гуго Великим (922—956), сыном Роберта, «герцога франков», наследственным Робертингом, чьими усилиями не так давно был возвращен на родину и получил королевство. Интрига заключалась в том числе и в том, что третья супруга Гуго, Гатуида или Гедвига (922—965), приходилась родной сестрой тому же Оттону Великому, которого считал своим покровителем Людовик IV.

Незаметными шажками восстанавливая свои скромные владения, Людовик IV вступил в борьбу с Гуго и его союзниками за Лотарингию, что, однако, привело лишь к потере им Реймса, жители которого легко перешли на сторону графа Парижского. Спас юного короля Оттон Великий, который в 942 г. примирил врагов... в обмен на Лотарингию, посчитав, что его зять и так уже имеет довольно²¹⁸.

Правда, перемирие длилось недолго: в 944 г. Гуго Парижский захватил Людовика IV в плен и держал у себя долгих 2 года, пока тот не согласился передать ему в собственность город Лан, столицу Западно-Франкского королевства. Но едва вырвавшись на свободу, король обратился за помощью к зятю, и Оттон Великий, соединив свою армию с отрядами Людовика IV, короля Конрада Прованского (937—993) и графа Арнульфа I Фландрского (918—964), вторгся в Северную Францию. Военный успех (а союзники вернули Реймс и Лан) был во многом обусловлен покровительством, которое папы оказали Оттону. По указанию Римского епископа Агапита (946—955) в Ингельхейме на Рейне состоялся Собор, который 8 июня 948 г. отлучил от Церкви Гуго Вермандуа – союзника Гуго Парижского. Это было грозным предостережением для могущественного графа, но Гуго не внял ему и попытал счастья в очередной раз. Впрочем, все закончилось лишь тем, что следующий Собор, уже в Трире, предал его уже анафеме²¹⁹.

Не все было благополучно и в самом Риме. Очередной папа Стефан V (885—891), чей понтификат приходился на описываемые события, бывший кардинал Quattro Coronati, происходил из знатного римского рода. Как и его предшественник, он был озабочен действиями сарацин, продолжавших совершать набеги в глубь Лациума и Этрурии. Папа молил о помощи Константинополь и императора Западной империи, но нашел ее лишь у герцога Гвидо Сполетского (889—894), который втайне мечтал о королевской короне, пока еще принадлежавшей угасающему роду Каролингов. В 887 г. Гвидо одержал долгожданную победу над арабами, а в ноябре того же года был низложен на имперском съезде надоевший всем Карл III Толстый. Его обвинили в неспособности управлять королевством вследствие физической немощи – король страдал эпилепсией и атеросклерозом. В результате в январе 888 г. латиняне оказались и без императора (поскольку Карл Толстый умер), и Итальянского короля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.